

Либерти

Флай

Флай Либерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70524952

SelfPub; 2024

Аннотация

Жила-была девочка... Очень интересно жила, аж дух захватывает – ведь ей нужно взрослеть во враждебном мире и узнать тайну своего рождения.

Содержание

Часть 1 – Уйти за горизонт	7
1	8
2	13
3	18
4	24
5	28
6	33
7	38
8	43
9	48
10	54
11	59
12	64
13	69
14	74
15	80
16	85
17	93
18	98
19	104
20	109
Часть 2 – Особа королевских кровей	117
1	118

2	124
3	131
4	137
5	142
6	147
7	152
8	158
9	164
10	170
11	175
12	181
13	186
14	192
15	199
16	204
17	211
18	216
19	220
20	225
Часть 3 – Возвращение	232
1	233
2	238
3	243
4	248
5	253
6	258

7	263
8	268
9	273
10	279
11	284
12	289
13	293
14	297
15	301

Флай Либерти

Либерти
(Свобода)

Часть 1 – Уйти за горизонт

«Не дай вам Бог судьбу такую,
Что легче умереть, чем жить»

1

Говорить, ходить и убивать Либерти научилась почти одновременно. Думаю, что большинство из вас сейчас ужасается этому признанию, но другого выбора у неё тогда не было, ибо жила она в таком месте, где за свою жизнь приходиться бороться всем – от детей до стариков. В ход шли любые средства – кулаки, ножи, зубы и палки, и действовал всего один закон – ты или тебя. А называлось это местечко Эонфлаксом.

Более злачного и опасного городишки не сыскать во всём Прериале. Здесь убивали прямо посреди бела дня, на глазах у десятка свидетелей и никто не обращал на это внимание – это было нормой жизни. Воры, убийцы, проститутки, мошенники всех мастей, сумасшедшие, авантюристы – таков был людской контингент Эонфлакса, люди без совести, страха, жалости и без будущего. Если ты попал в это болото, т обратного пути практически не было, оно развратит твою душу, разрушит тело, а потом забудет, словно тебя никогда и не существовало.

Лучше всего было бы облить весь город бензином и сжечь до тла, но увы, любое дело будет жить, если оно кому-то нужно. А Эонфлак был нужен всем – даже у святых есть свои тайные грешки, а что уж говорить о тех людях, которые имеют все пороки в изобилие. Им одна дорога – в Эонфлак,

где можно нанять проститутку, убийцу, поиграть в азартные игры, купить раба, продать незаконнорожденного ребенка, спрятаться от ведонгов – королевской стражи. Здесь можно всё, даже продать душу вездесущим магам-чернокнижникам, так что Эонфлакс вечен, как вечно людское зло.

И вот в этом месте кто-то однажды оставил корзинку с трехмесячным ребенком – девочкой в бархатном платье и с очень дорогим медальоном на шее.

Было раннее утро, солнце только-только показалось над горизонтом и всё население Эонфлакса расходилось по домам после бурной ночи, словно спеша скрыть свои лица от солнечного света.

Три молоденькие проститутки брели по улице, но вот, что-то привлекло их внимание.

– Ой, девочки, посмотрите, ребёнок – пропищала черно-волосая Гресия, и они все склонились над корзинкой, в которой лежал младенец, сосредоточенно пускающий пузыри.

– Выбросил кто-то, эка невидаль – сказала Фернанда.

– Не похоже – Нивея, красивая, словно кукла, взяла ребенка на руки – посмотрите, какое дорогое платье, и одеяльце да и сама девочка не худая, значит она из богатой семьи. Так, а это что, медальон, на нем написано – Либерти = Свобода, видимо её зовут Либерти.

– А медальон-то золотой – бросила в пространство Фернанда.

Жадная до денег Гресия тут же предложила его продать и поделить деньги.

– И платье можно продать, и одеяльце, да и ребёнка тоже – захлабываясь Гресия – пойдёмте прямо сейчас к Эрдунгу, он уж нас точно не обманет.

Нивея посмотрела на Фернанду, но та лишь пожала плечами и буркнула:

– Не себе же её оставлять, самим жрать нечего.

А малышка тем временем чему-то безмятежно улыбалась.

– Ну чего застыла, если ты такая нежная, я могу сама всё проверить – и Гресия протянула руки, чтобы забрать ребёнка.

– Не трогай её – Нивея сняла с девочки сначала медальон, потом платице и швырнула их на землю, вскоре там оказалось и одеяльце – теперь это моя дочь – и, развернувшись, она ушла.

– Вот дура, через месяц сама побежит её продавать за гроши, а я бы могла хорошую цену у Эрдунга выбить – возмущалась Гресия, собирая вещи с земли.

– Заткнись, Гресия – грубо оборвала её Фернанда – тебе в жизни такого поступка не совершить, слишком мелкая душонка.

– Можно подумать, вы святые – одна найденыша подбирает, чтобы вместе с голоду веселее было пухнуть, а другая морали читает, хотя только что чуть детоубийцей заодно со мною не стала. Ты ещё от денег откажись!

– Закрой рот, Гресия, давай, веди к своему торговцу.

– Так-то лучше.

Нивее не было еще 20 лет. Но всего пережитого ею хватило бы на несколько жизней. Она родилась в нищей семье, не получила никакого образования, так что путь ей был прямым на улицу, в ряды продажных женщин. Единственный подарок судьбы – красивая внешность, помог ей завести несколько постоянных клиентов, так что жилось ей не очень то плохо, у неё был даже свой домик, правда на окраине Эонфлакса, но лучше это, чем ничего. Денег хватало, чтобы поесть два раза в день, и раз в полгода купить что-то из одежды, и по всем местным меркам Нивея была элитой, ибо та же Гресия спала под мостом. Подруг у Нивеи не было, семьи тоже (их взял мор), но вместо всего этого была мечта – вырваться из Эонфлакса на свободу, уехать далеко-далеко за горизонт и больше никогда не вспоминать об этом месте. Обычно такие надежды угасают в душах проституток с возрастом, знанием жизни и высокой смертностью, но у Нивеи было перед ними преимущество – у неё был жених и счет в банке. Эти факты тщательно скрывались от всех, а от жениха скрывалось место жительства и род занятий. Он жил в столице империи Прериаль Инваре и служил учителем у лорда Гиленхаала, одного из богатейших людей их страны. Они встретились, когда Нивея приезжала в столицу, чтобы положить свои скудные накопления в Имперский банк. Вальмор

случайно оказался там же и не смог устоять перед её красотой.

Нивея представилась крестьянкой из глубинки, ухаживающей за своей больной тетушкой, так что они не могли часто видаться, но даже те короткие встречи позволяли им все больше привязываться друг к другу – Вальмор учил Нивею читать и писать, хорошим манерам, прививал ей изысканный вкус, а взамен Нивея любила его и мечтала за двоих, ибо при всей своей образованности Вальмор был начисто лишен воображения. Но было одно но – Вальмор был привязан к дому Гиленхаалов, а Нивея не хотела жить в столице, где многие люди могли уличить её перед Вальмором во лжи. И тогда она решила подождать, когда услуги Вальмора уже не будут нужны, тогда она продаст дом, они вместе заберут из банка все свои накопления и уедут в прекрасное – далекое. И то, что найденную ею девочку звали Свободой, показалось Нивее добрым знаком. Да и жаль стало бедняжку, ну не похоже было, что её выкинули, скорее всего потеряли или украли. А так как своих детей у неё не будет из-за двух варварских аборт, то Либерти будет ей дочерью, а Вальмору она как обычно скажет полуправду – что этот ребенок дочь ныне покойного внучатого племянника её выдуманной тетушки, круглая сирота, Вальмор любит детей и будет только восхищаться её, Нивееной, добротой.

А кто сказал, что любой добрый поступок не содержит в себе долю хитрости и расчетливого бескорыстия?

2

Либерти оказалась непроблемным ребенком – ела всё что давали, засыпала без колыбельной и не требовала к себе повышенного внимания. Но всё же она была младенцем и ей нужны были забота и уход, поэтому Нивее пришлось, так сказать, взять всю «работу» на дом.

Последней ниточкой связывающей Либерти с прошлым стали забавные бумажные трусики, Нивея никогда раньше не видела таких вещей, сначала она хотела оставить их на память, но они стали дурно пахнуть и их пришлось выкинуть.

Но как говорить, маленькие детки – маленькие бедки. Из спокойного младенца Либерти стала превращаться в очень любознательную и подвижную малышку. Нивея ели успевала вытаскивать её то из печки, то из реки, то из сточной канавы, или снимать с деревьев и крыш домов. А вот Вальмор был от Либерти в восторге, ибо девочка с лёгкостью осваивала любые знания и просто обожала читать. По его мнению она была намного умнее всех детей лорда Гиленхаала вместе взятых.

Шло время, у лорда Гиленхаала подрастал единственный сын и Вальмор решил остаться в поместье еще ненадолго, пока ему не найдут достойную замену. Нивея не протестовала, прекрасная зная, что безумно обрадованный появлением наследника лорд будет сыпать деньгами направо и налево, и в

первую очередь под «золотой дождь» попадут няни и учителя будущего лорда Гиленхаала – младшего. Простодушный же Вальмор с благодарностью принял понимание невесты и даже купил ей обручальное кольцо, истратив целую полугодовалую заначку.

Тем временем Либерти постигала правила жизни в Эонфлаксе. Ей уже исполнилось пять лет, и она прекрасно понимала, что все истории, описанные в книгах дяди Вальмора – это сказки, и что настоящая жизнь намного сложнее; что не всегда всё кончается хорошо, и что есть богатые люди, которых она видела, когда ездила с Нивей в Инварь, и есть такие как она, которых обычно называют – отбросы общества. Но как ни странно, Либерти не завидовала богатым, не злилась на них, как большинство людей из её окружения, честно говоря, они её просто не интересовали, Либерти гораздо больше любила сидеть на крыше дома и смотреть на облака, чем ездить в Инварь и глазеть там на прохожих и их наряды. Нивея старалась как могла, чтобы Либерти не поддавалась тлетворному влиянию Эонфлакса и не повторила её судьбу – больше всего теперь Нивея хотела отдать Либерти в какой-нибудь пансион, и Вальмор даже согласился поговорить об этом с миледи Гиленхаал, всем известной любительницей добрых дел.

Либерти росла здоровым и физически крепким ребенком, никогда не капризничала, но уже имела свой взгляд на то, что хорошо, а что плохо. Как то местная детвора собралась

толпой и отлупила Либерти до потери сознания, так как та не хотела признавать главенство Торкида, наглого мальчишки. Отлежавшись, Либерти по одному выловила своих мучителей и сломала кому руку, кому ногу, проявив недетскую жестокость и изворотливость в таком страшном деле, как месть. Все соседи замечали, что Либерти слишком умна для пятилетнего ребенка и стали её побаиваться, называя за глаза ведьминым отродьем, так что вскоре у Либерти не осталось ни одного друга. Впрочем это её не очень расстроило, ибо она любила быть одна.

Первый страшный удар ждал Либерти в день рождения, когда ей исполнилось шесть лет, Нивея уехала за подарком и Либерти была дома одна, она готовила праздничный салат. В дверь постучали, и так как на пороге стояла Гресия, знакомая Нивеи, то Либерти её впустила.

– Вижу, по дому уже управляешься, хорошая из тебя хозяйка получится.

– Я хорошо готовлю салат, яичницу, умею мыт пол и вытирать пыль – похвасталась Либерти – скоро мама научит меня готовить кашу и суп.

– Мило, а я вот тебе подарок принесла – и Гресия протянула Либерти две стальные спицы, которые чуть уплотнились с одного конца.

– Что это?

– Это стелпсы, орудие убийства с Драконьих островов, достаточно воткнуть их в ухо или шею и твой враг будет по-

вержен в считанные секунды. Ты у нас растешь красавицей, так что скоро они тебе понадобятся – «жизнерадостно» пояснила Гресья, и тут увидев бутылку огневухи мигом к ней присосалась – а где Нивея-то?

– Мама поехала купить мен подарок.

– Подарок – это хорошо – через некоторое время Грейс уже была пьяна в стельку – а мне вот никто подарков не дарил, росла одна, неделями голодала. Эх, повезло бы мне как тебе попасть к добрым людям, где я бы сейчас была. А ведь это я тебя первой увидела, прости, Оте наш, даже продать тебя хотела, но Нивея, добрая душа, пожалела тебя и взяла к себе. Вот так-то.

– Что вы такое говорите, тётя Гресья?

– Не дочь ты Нивее, девочка, нашли мы тебя на дороге в корзинке, с медальоном на шее, где и было написано твое имя – Либерти, Свобода то бишь. Вот она какая жизнь, жестокая и страшная, ох, горе-то то горе.

И туту вернулась Нивея, одного взгляда на пьяную подругу и заплаканную Либерти хватило, чтобы понять, что здесь произошло. Выкинув Гресью на улицу, Нивея обняла Либерти.

– Ты моя дочь, хоть и не я родила тебя, помни об этом всегда.

– А где мои настоящие родители?

– Я не знаю, мы нашли тебя в корзине, никаких записок или писем рядом с тобою не было.

Либерти немного подумала, а потом сказала:

– Если они меня бросили, и не нашли за столько лет, то значит я им не нужна, а ты меня всегда любила, моя мамочка.

Так что больше этот вопрос не подымался. Гресья была с позором исключена из круга подруг Нивеи, но по иронии судьбы её подарок сослужит Либерти хорошую службу.

3

Как не крути, а Нивея была проституткой – факт малоприятный, но неизбежный. Пока Либерти была маленькой, то Нивея просто приводила клиентов домой, но с каждым годом это было делать всё труднее и труднее, ибо Нивея боялась надолго оставлять Либерти одну и поэтому её просто выдворяли на крыльцо, где она была обязана сидеть, пока её не позовут. Но ребёнок есть ребёнок, как только за Нивеей закрывалась дверь Либерти с крыльца словно ветром сдувало – она шла гулять, ловить рыбу или драться с детьми из центра Эонфлакса. И как Нивея не старалась оградить Либерти от всей грязи, но всем людям рты не закроешь – к шести годам Либерти уже просветили, чем занимается её мать, откуда берутся дети и что об этом думают все более-менее приличные жители не только их квартала, но и всего Прериала в целом. Либерти всё усвоила, намотала на ус и напрямик направилась к Нивее за дополнительными объяснениями – Нивее пришлось покаяться во всех грехах и попросить Либерти ничего не рассказывать Вальмору, ибо кроме ненависти, зависти и злорадства в этом мире существует еще такое понятие, как любовь, ради которой можно пожертвовать всем.

– Вот когда ты вырастишь, моя девочка, и впервые полюбишь, то тебе будет не важно, что о тебе говорят и думают

тысячи людей, лишь бы тот единственный считал тебя самой лучшей девушкой в мире.

Либерти, обожавшая Нивею, пообещала сохранить эту тайну, а всех злопыхателей она или колотила или делала им мелкие пакости.

К семи годам Либерти уже держала в страхе всю свою улицу, где слыла очень жестокой, злопамятной и сильной девчонкой тире злобным троллем. Нивея же лишь пожимала плечами в ответ на все жалобы соседей, думая, что они как обычно всё преувеличивают и перевирают, ибо дома Либерти была сама доброта, милой, послушной и очень умненькой малышкой, просто жечужинка.

Что же до Либерти она была всем этим вместе и это её устраивало. Годиков через три – четыре она явно бы сколотила шайку и стала новой головной болью Эонфлакса, но как то во время своих прогулок она встретилась с магами, которые проводили на базарной площади отбор в Имперскую Академию Магии. Если у человека были способности, то он мог пойти учиться на мага и сразу стать на голову выше всех своих сограждан, выше магов был только Император. Очень одаренные люди учились бесплатно, остальные должны были платить, но без малейшей крупницы дара в Имперскую Академию не мог поступить никто, даже лорд или служитель Храма Великого Оте. Либерти очень поразило, как один из магов вызвал гром и заставил рыбу выскакивать из воды, ей тоже захотелось стать такой же сильной и всем нужной, ведь

если она станет магом, то сможет заработать много денег и увезти Нивею и Вальмора далеко отсюда, как они всегда мечтали – за горизонт. Додумав до этого места Либерти, пристроилась в хвост длиннющей очереди и вот, через полтора часа ожидания подошла её очередь.

Маг внимательно на неё посмотрел – Либерти выглядела старше своих лет, но всё же была по детски пухленькой, рыжие волосы заботливо заплетены Нивеей в косу, чистое платье, хорошая обувь, не ребенок – конфетка; но вот он посмотрел этому прелестному созданию в глаза, и умиления как не бывало – так не свойственные рыжеволосым карие глаза были холодны, в их не было даже тени детской наивности.

– Я хочу стать магом – первоначально разговор Либерти.

– Все хотят.

– Я не все.

Маг досадливо крикнул, обычно с ними так говорить не решались.

– А что ты умеешь делать?

– Я умею читать, писать, немножко шить и готовить. Убираться. Драться, ругаться.

– Девочка, т в служанки поступать хочешь или в маги, я спросил про необычные способности – ты умеешь заговаривать раны, руководить животными, менять погоду или может проклинать, видеть будущее, а?

Либерти подумала.

– Вряд ли.

– Значит в маги ты не годишься.

– Но я хочу, у меня получится, вот увидите.

– Следующий.

– Но ...

– Уйди, девочка, не мешай.

– Пусть останется – вдруг прошелестел кто-то у мага за спиной, тот чуть со стула не упал.

– О, Бальтар, вечно подкрадываешься незаметно, ну, что тебе?

– Как тебя зовут, дитя? – спросил Бальтар, не обращая внимания на вопрос мага.

Либерти было не по себе, ибо выглядел Бальтар как палка на которую натянули высохшую человеческую кожу, абсолютно лысая голова, глаза щелочками, да еще этот черный балахон с серебряной пентаграммой на груди. Вся толпа замерла в благоговейном ужасе, ибо это был главный Черно-книжник, который помимо обучения темных магов тренировал отряд «Черные летуны», идеальных убийц, лучших из лучших. Если во время войны в вашей армии будет хотя бы один Черный летун, то победа вам обеспечена, мрачную славу этому отряду добавляло и то, что Бальтар брал туда только детей.

– Либерти, это переводиться как свобода – Либерти уже обрела привычную хладнокровность.

– Чудесно – Бальтар поманил её пальцем к себе и кое-кто

из баб в толпе всхлипнул – не боишься?

– Пока нет.

Бальтар улыбнулся, оскалив зубы.

– Ты сирота, Либерти?

– Нет, у меня есть мама.

– Вы приезжие?

– Нет, я здесь выросла.

– Странно, не похожа ты на местных, аура у тебя какая-то другая.

– Вообще-то я найденыш.

– Да? Но всё же я раньше никогда таких аур не видел. Скажи-ка. А убивать тебе приходилось?

– Нет, но как убивали, я видела два раза.

Бальтар задумался, постукивая сложенными вместе ладонями по подбородку.

– Вот что – наконец сказал он, доставая из мешочка, который висел у него на поясе кольцо из черного опала – как останешься сиротой и прольёшь кровь, то приходи в Императорскую Академию Магии и покажи это кольцо. Если до 16 лет успеешь, то я лично возьму над тобой опеку. Поняла меня, Либерти?

Либерти кивнула и, чуть помедлив, взяла кольцо.

– Оно мне большое.

– Одень, впору будет – сказал Бальтар, похлопал её по голове и ушел.

Кольцо и впрямь идеально село на палец и Либерти, пе-

реполненная впечатлениями, побежала домой.

4

Либерти скакала вприпрыжку до самого дома, но на крыльце замерла как вкопанная – входная дверь была приоткрыта, и это при том, что в Эонфлаксе двери запирали даже выходя к калитке. Либерти прислушалась – внутри явно кто-то был, может быть, Нивея просто забыла запереть или это сквозняк? Размышляя таким образом Либерти продвигалась вглубь дома, зашла в просторную комнату, служившую одновременно гостиной и спальней и ели подавила крик – посредине неё к стулу была привязана Нивея с кляпов во рту, а какой-то мужик ей избивал. Впервые в жизни у Нивеи вышел прокол, соблазнившись большими деньгами, она привела в дом какого-то изувера, который при виде крови трясся как безумный, пуская слюни.

Так как Либерти продолжала стоять столбом, то мужик вскоре её заметил.

– А вот и ребеночек, ну-ка, иди сюда.

– Уходите из нашего дома! – заорала Либерти и бросилась на него с кулаками, но тот мигом врезал ей по лицу, и она отлетела к стене.

– Какая невоспитанная, но ничего, я научу тебя слушаться старших, но сначала закончу с мамочкой – и мужик достал из-за пояса огромный нож.

Либерти же, воспользовавшись тем, что убийца отвернул-

ся, незаметно подползла к полке, где лежали стелпсы и взяла их – один зажала в правой руке, другой в зубах, а потом разбежалась и, запрыгнув мужику на спину, не раздумывая, воткнула ему один стелпс в шею, а другой в глаз. Мужик даже не понял, что он умер, мешком свалившись на землю.

Повисла тишина.

Либерти без остановки вытирала кровь, которая сочилась у неё из рассеченной при ударе брови и неотрывно пялилась на красную лужу, расплывающуюся от головы мужика. Но вот связанная Нивея замычала и Либерти пришла в себя – подобрала нож и разрезала ими веревки.

– Мамочка, а я скоро магом стану – спокойно поделилась Либерти своей новостью – со мной сам Бальтар говорил, и даже кольцо дал, вот, смотри.

Нивея стало не по себе, Либерти только что убила человека, но видимо она даже не расстроена, может просто еще не осознала?

– Мамочка, труп нужно куда-то деть, я сейчас схожу за тётёй Фернандой, она нам поможет.

Нивея, переступив через тело, присела около дочери, взяла за плечи и, смотря прямо в глаза, спросила:

– Либерти, это был плохой человек, и ты поступила абсолютно правильно, но тебе не хочется поплакать, не держи страх в себе.

– Страх нет, мамочка, и плакать я не хочу, так ему и надо, лучше он, чем ты. Так я пошла за тётёй Фернандой?

Нивея кивнула, и когда Либерти ушла, то она впервые за семь лет подумала о том, что она совершенно не знает свою приёмную дочь.

Труп мужика был закопан, кровь в комнате отмыта, но, увы, здоровье Нивеи было сильно подорвано, она угасла за три дня, видимо от какого-то внутреннего кровотечения, ибо до прихода Либерти изверг успел её хорошенько избить. Почувствовав приближение смерти, Нивея написала письмо Вальмору, в котором во всём признавалась и просила позаботиться о Либерти.

– Как похоронишь меня, езжай прямо в Инварь к Вальмору, он устроит тебя в пансион.

– Мамочка, а может ты поправишься? – Либерти сутками сидела у кровати Нивеи, отказываясь от еды и сна.

– Может быть, но всё же я лучше сразу всё скажу – о Бальторе забудь, он твою душу мигом заложит тёмным силам.

– Но я хочу быть магом.

– Будь им, но с Бальтором дела не имей, а лучше всего выучись в пансионе простой работе, найди хорошего парня и живи счастливо, а главное, никогда не возвращайся в Эонфлакс, не повторяй мою судьбу.

Вскоре у Нивеи началась горячка, Фернанде кое-как удалось уложить Либерти спать, но вскоре её пришлось разбудить.

– Либерти, вот еще что – сказал Нивея ненадолго придя

в себя – если ты когда-нибудь еще будешь искать родителей, то скорее всего их фамилия Хаггис.

– С чего ты это взяла, мама? – удивилась Либерти.

– На твоих бумажных трусиках было написано это слово.

Вскоре Нивея опять впала в забытье, а к полудню следующего дня её уже не стало. На похоронах были только Фернанда и Либерти, которая плакала навзрыд и все мешала могильщику начать закапывать гроб.

– Увели бы вы её – наконец посоветовал Фернанде старый смотритель, наблюдавший эту сцену из своей сторожки.

Фернанде пришлось приложить немало усилий, чтобы увести упирающуюся девочку с кладбища. Дом без Нивеи казался таким пустым. Либерти наконец справилась с собой и собрав свои нехитрые пожитки пошла к двери.

– Ты куда? – удивилась Фернанда.

– В Инварь, у меня там дядя.

– Дядя? Что за дядя? И дом как же?

– Дядя – старый знакомый мамочки, а дом забирайте себе, я сюда больше не вернусь.

– Либерти, постой.

– Тётя Фернанда, неужели у вас есть лишние деньги на моё воспитание и образование?

– Нет, но ...

– Я всё понимаю, но у меня своя жизнь. Прощайте.

– Прощай – Фернанда долго смотрела вслед уходящей Либерти, молясь про себя, чтобы всё у неё сложилось хорошо.

Либерти с Нивеей иногда бывали в особняке Гиленхаалов, поэтому стража пропустила её без лишних разговоров. Зайдя в дом через чёрный вход, Либерти попросила знакомого лакея позвать Вальмора. Меньше чем через минуту Вальмор просто ворвался на кухню, где Либерти разрешили его подождать.

– Что случилось, Либерти, и где Нивея? – Вальмор окинул взглядом бледное лицо девочки, её сумку и ему внезапно стало дурно, ноги подкосились и он осел на пол – что с ней?

Либерти слезла со стула, подошла к Вальмору и обняла его, а потом только сказала:

– Мамочка умерла.

Либерти услышала судорожный вздох, а потом Вальмор её крепко обнял и ... заплакал.

Впервые за свою жизнь Либерти видела как плачет мужчина, ибо в Эонфлаксе все представители мужского пола были сильными, грубыми и бесчувственными. В её душе даже шевельнулось презрение, но потом она сказала себе, что если ей можно оплакивать Нивею, то почему этого нельзя сделать Вальмору, ведь он любил её не меньше чем она, Либерти.

– Как же так, ведь она была здорова? – Вальмор наконец смог взять себя в руки.

– Её убили.

– Что? Кто? Почему?

– Я не знаю кто, просто позавчера вечером к нам пришли ведонги и сообщили об убийстве, а вчера мы её похоронили – выдала Либерти заранее приготовленную ложь.

– О, Оте, Оте, почему же ты забираешь к себе лучших из нас, Нивея, моя любимая Нивея – запричитал Вальмор, и подслушивающая под дверью кухарка кинулась наливать ему успокоительный отвар.

Ближе к вечеру Вальмор всё же смог ненадолго прекратить упиваться своим горем и подумать, что делать с Либерти.

– Либерти, девочка, а почему тётя Нивеи сама не приехала, а прислала тебя?

– Тётю забрали другие родственники, а меня мамочка отправила к тебе, она хотела, чтобы я училась в пансионе.

– Конечно, я всё сделаю, ведь Нивея тебя так любила, и теперь я буду заботиться о тебе, мы станем семьёй.

– Мамочка вот что еще просила передать тебе – и Либерти отдала Вальмору обручальное кольцо, чем вызвала новый приступ истерики. Воспользовавшись этим, она подошла к очагу и бросила туда письмо Нивеи – пусть уж Вальмор навсегда запомнит её только с хорошей стороны.

А уже утром Либерти представили миледи Гиленхаал – высокой и улыбчивой молодой женщине.

– Конечно, Вальмор, я позабочусь о вашей протее, Ли-

берти будет устроена в один из лучших пансионатов.

– Благодарю, миледи, но я бы хотел, чтобы её отправили учиться в заведение попроще – тут Вальмор понизил голос – я боюсь, что она может привыкнуть к роскоши, а ведь её когда-нибудь придется идти работать. Девочка может очень болезненно это пережить.

– Вздор, я беру её под своё крыло, когда её исполнится 16, мы просто выдадим её замуж за незнатного, но обеспеченного молодого человека.

– А может всё-таки какой-нибудь пансион поскромнее, за дорогой я не смогу заплатить.

– Не думайте об этом, Вальмор, все расходы я беру на себя – и миледи Гиленхаал тут же села писать письмо в пансион «Единорог», где директрисой была её добрая знакомая.

Ах, как иногда в порыве доброты мы невольно причиняем боль другим людям. Да миледи Гиленхаал была любительницей делать добрые дела, но о том, что Либерти будет среди богатеньких и титулованных сверстниц чувствовать себя «белой вороной» ей и в голову не пришло, ведь её попросили устроить ребенка в пансион, пожалуйста, она устроила, теперь можно принимать заслуженную похвалу.

Не прошло и недели, как Вальмор повез Либерти в пансион, который находился за городом.

– Деточка моя, ты обязательно каждую неделю пиши мне письма, а о каникулах сообщай заранее, чтобы я мог отпроситься и приехать за тобой. Учись хорошо, я знаю, тебе это

не трудно, ты ведь у меня умничка.

Либерти оставалось только кивать – честно говоря, она ехала в пансион с радостью, ибо в небольших количествах Вальмор был еще ничего, но вот постоянно – он сюсюкал с Либерти словно она была младенцем, прыгал вокруг неё, постоянно спрашивая о её самочувствие, в конце концов Либерти подумала, что у него просто немного замкнуло в голове после всего пережитого и она решила переносить все его закидоны со стойким смирением, ибо она чувствовала, что Вальмор её искренне любит.

Пансион «Единорог» поражал своим великолепием, не менее шикарный парк вокруг него и несколько десятков карет, среди которых экипаж на котором приехали Вальмор и Либерти выглядел ну очень уж убого. Все пансионерки их слуги (родители никогда не отвозили своих чад сами) просто рты пораскрывали от удивления, когда Либерти без чей-либо помощи вылезла из экипажа, сама взяла свой багаж, состоявший, о Оте, всего из одной сумки, и первой пошла к входу, оробевший Вальмор с письмом шел следом.

Директриса была сама любезность, слаще сахара и меда, но в глазах сквозило презрение, когда она смотрела на Либерти, которая впрочем выглядела нелепо в подаренном миледи Гиленхаал платье, все эти рюши и оборки совершенно ей не шли. Трясаясь от волнения Вальмор передал директрисе, госпоже Тетель, письмо от миледи, потом еще долго благодарил и в конце концов отбыл, не забыв однако прочитать

Либерти на прощание лекцию о том, как ей стоит себя здесь вести.

– В нашем пансионе девочки обучаются хорошим манерам, придворному этикету, ну и конечно смирению, благонаравии и покорности. Ты научишься вышивать, управлять домашними делами, ездить на лошади – госпожа Тетель говорила без остановки, ведя Либерти в отведенную ей комнату – миледи Гиленхаал просила не делать различия между тобой и всеми остальными, но ты же понимаешь, что ты не такая как они?

– Конечно – не утерпела Либерти – я лучше.

Госпожа Тетель поджала губы, но ничего не сказала.

Комната Либерти была под стать пансиону – красивая и богато обставлена, кругом стоят фарфоровые безделушки, шелковое постельное бельё, с которого Либерти в первую же ночь скатилась на пол, мебель из дорогих пород дерева, мраморный камин.

А что, всё не так уж и плохо – подумала Либерти, когда на обед им подали сразу три вида хлеба – может мне здесь еще и понравиться.

Первый месяц Либерти присматривалась к своему новому окружению, а потом ей стало скучно и неинтересно.

Целыми днями тётки в возрасте, или как их тут называли, классные дамы, вдалбливали в головы девочек знания о том, как делать поклон перед Императором, а как перед лордом, как сочетать цвета, как нанимать слуг, а еще их заставляли вышивать, рисовать, петь и танцевать. Либерти всё быстро схватывала, и любая работа спорилась у неё в руках, но обычно другие девочки были не столь быстрыми и поэтому на большинстве уроках она скучала. Конечно, можно было взять в библиотеке книжку и замаскировать её нуднейшим столовым этикетом, но вскоре эту хитрость раскрыли, и Либерти приходилось вышивать бесконечные цветочки. Единственное, что нравилось Либерти, так это уроки верховой езды и пикники, на которых она всю бегала по полям и лазила по деревьям, пока её сверстницы чинно пили чай.

Директриса Тетель впервые столкнулась с таким экземпляром, который абсолютно не приемлет правила пансиона, не хочет быть благодетельной, а о смирении смешно даже вспоминать. В «Единороге» воспитанниц не били, но могли лишиться еды или посадить в карцер, но пока единственной его посетительницей была Либерти, которой даже там нравилось, ибо там было тихо и безлюдно.

Что касается подруг, то их у Либерти за целый учебный год так и не появилось. Богатенькие, высокомерные и правильные до омерзения девочки не хотели водиться с этой выскочкой, которая всегда была самой первой по всем предметам, и ужасно плохо вела себя и её периодически публично наказывали. Классные дамы просто рыдали от счастья, когда Вальмор забирал Либерти на каникулы – теперь можно было не опасаться, что тебе в стол подложат крысу, на стул колючки, а на спину не прицепят бумажку с обидным прозвищем. Госпожа Тетель хваталась за голову, но исключить Либерти не осмеливалась, ибо за ней стояла миледи Гиленхаал.

Бедный Вальмор изо всех сил старался повлиять на Либерти, но любая нотация отскакивала от неё как горох от стенки. Тем более стоило ей взглянуть на Вальмора своими кристально честными глазами и все слова застревали у него в горле, а в голове появлялись подозрения – а не врут ли классные дамы, чтобы выжить бедную девочку из пансиона? Либерти же не без основания считала Вальмора рохлей и умела вертеть им, как ей заблагорассудится, но всё же она знала границы дозволенного и по-своему была привязана к нему, он хоть на героя и не тянул, но был добрым, отзывчивым и умным, поэтому Либерти уважала его за лучшие стороны его характера.

После смерти Нивеи Вальмор еще год проработал у Гиленхаалов, а потом был уволен, ибо в семье лорда случилось страшное происшествие – единственный сын и наследник

упал с лошади и оказался обездвиженным. Получив расчет, Вальмор купил себе в пригороде Инваря небольшой домик и стал давать уроки на дому для детей торговцев и крестьян, денег он брал немного, тем более у него был солидный счет в Имперском банке. Эти деньги, которые они с Нивеей копили на свадьбу, он не трогал, берег для приданного для Либерти. Вальмор был человеком с большим сердцем, он полюбил чужую ему по сути девочку как родную, и Либерти всегда с радостью возвращалась домой, где они проводили тихие семейные вечера только вдвоём, читая и обсуждая книги, запас которых казался был неисчерпаем. Лето Вальмор возили Либерти к морю, вместе с ней ходил на ярмарки, в театры – одним словом он полностью посвятил себя воспитанию либерти, при взгляде на которую он всегда вспоминал столь любимую им Нивею.

Прошло почти четыре года, и вот наконец грянул гром в доселе мирном и безмятежном пансионе «Единорог».

– Я так больше не могу – рыдала классная дама госпожа Вайс в комнате директрисы – выбирайте, или я или она!

Госпожа Тетель с сочувствием посмотрела на раскрашенное лицо женщины – когда она случайно заснула на уроке домашнего рукоделия, то Либерти нарисовала чернилами на ее лице пару кружков и линий. Вообще-то эти чернила смывались, но плохо, так что еще примерно пять дней госпоже Вайс придется походить с таким лицом.

– Я вас искренни понимаю, моя дорогая Энид, ибо сама имею зуб на эту несносную девчонку, вспомните, как на бал-маскарад она нарядилась духом и постучала в моё окно, я тогда думала, что умру. Но видите ли её не за что исключать – она первая ученица пансиона, за неё исправно платят и она протеже миледи Гиленхаал. Вот если бы она устроила драку и покалечила бы кого-нибудь, или завела роман со слугой, но, увы, ей всего одиннадцать лет.

– А за драку её точно исключат?

– Да, это единственное правило, написанное самой основательницей этого пансиона, и за его нарушение следует самое тяжелое наказание – исключение.

Ох, если бы госпожа Тетель знала к чему приведут ей слова. Ровно через неделю Либерти устроила драку, хотя точнее будет сказать, она просто дала в нос одной пансионерке, которая посмела плохо отозваться об её мамочке и Вальморе. Кто же мог знать, что за её плечами нелегкое детство, проведенное в Эонфлаксе, где день, прожитый без драки, считался пропавшим зря и что банальным пощечинам, принятыми в высшем свете, она предпочитает свои маленькие, но очень сильны кулачки. Науськанная госпожой Вайс девочка и глазом моргнуть не успела, как ей сломали нос, особой жалостью Либерти не грешила и была наверняка, по самым болезненным точкам. Разнимавшая их госпожа Вайс позволила себе вклеить Либерти подзатыльник и тут же получила в ответ серию коротких ударов в живот – охнув, она осела на

пол, вторая классная дама заорала благим матом и через пару минут в комнате уже была куча народа. Треснув напоследок одну из главных ябед их класса ногой по коленке, Либерти позволила себя увести. Госпожа Тетель и не скрывала своей радости

– Всё, Либерти, это последняя капля, я сейчас же подпишу приказ о твоём исключении.

– Хорошо – Либерти не выглядела огорченной, наоборот, в душе она ликовала, теперь она с чистой совестью может покинуть это пристанище скуки и королевство зевоты, ибо на драку её спровоцировали, Вальмору не в чем будет её упрекнуть – если можно, то я уеду прямо сегодня, полуденным экипажем.

Директриса слегка опешила, но спорить не стала.

– Кстати, не пишите миледи Гиленхаал, я сама к ней схожу и объясню причину своего ухода. Не волнуйтесь – хихикнула Либерти, увидев, как напряглась госпожа Тетель – я представлю всё в лучшем для вас виде, это будет мой подарок вам за ваше терпение – и Либерти побежала собирать вещи.

После её ухода директриса поймала себя на мысли, что она возможно даже будет скучать по этой несносной девчонке.

Вальмор поехал два дня, а потом пристроил Либерти в пансион поскромнее, но оттуда её выперли быстрее, чем он успел моргнуть, так как Либерти до чертиков надоело подчиняться дурацким правилам принятых в этих заведениях. Одна драка – и вуаля, она опять дома.

– Вальмор, миленький, давай я лучше закончу образование под твоим руководством, а то мне так тоскливо в разлуке с тобой – Либерти сделала грустные глаза и Вальмор сдался. Теперь каждые будни с десяти до трёх Либерти прилежно занималась, впрочем при её уме она могла уделять этому занятию не больше часа в день. Всё остальное время она делила между делами по дому и беготнёй по улице.

Как и обещала, Либерти пошла к миледи Гиленхаал сразу после своего приезда из «Единорога», Вальмора она предусмотрительно с собой брать не стала – зачем ему лишние огорчения. Слуга проводил её в сад, где миледи сидела рядом с мальчиком, который был закутан в одеяло по самые уши. О, как же миледи Гиленхаал изменилась, причем в худшую сторону – постарела, подурнела и, теперь совсем не улыбалась.

– Либерти, у вас что, в пансионе внеплановые каникулы?

– Нет, миледи, меня исключили за драку, и я хотела лично сообщить вам об этом. Госпожа Тетель сделал всё, что могла,

но, увы, мой характер уже не изменить.

Голова мальчика в одеяле дернулась.

– Ты умеешь драться?

Все нравоучения застыли у миледи Гиленхаал на языке – её сынок опять заговорил, и это почти после годового молчания.

– Умею – сказала Либерти.

– Покажи.

– На тебе что ли?

– Нет, мама сейчас вызовет слугу.

– Я не буду бить человека ни за что, извините миледи Гиленхаал, мне пора – и Либерти ушла, размышляя, отчего эти богачи такие жестокие, ведь у них есть всё, что нужно, им не надо с оружием в руках защищать свои жизни, а вот поди-ка.

А вскоре у Либерти появилась первая в жизни подруга – одна из учениц Вальмора, ужасно долговязое, страшненькое и пугливое создание, на пять лет старше Либерти. Её привезла мама и, сделав ужасающее внушение, оставила на произвол судьбы посредине двора – девочка и так робкая от природы, теперь вообще боялась пошевелиться, как застыла на одном месте – ни туда, ни обратно. Либерти наблюдала за это сценой из окна и, поняв, что новенькая вообще даже не моргает, сжалилась и крикнула:

– Эй ты, иди сюда, сейчас уже уроки начнутся.

Привычка подчиняться взяла вверх, и девчонка поковы-

ляла к крыльцу.

– Давай, проходи, тебя как зовут? Меня вот Либерти.

– Лилия.

– Красивое имя – сказал Либерти, а про себя подумала, что она больше похожа на лопух, чем на лилию.

– Ты на полный курс или только набраться умных фраз для ярмарки невест?

Лилия вмиг стала пунцовой и пролепетала:

– На полный, мама сказала, что с таким лицом как у меня на ярмарке невест делать нечего, так хоть на старость смогу себе заработать.

– Добрая у тебя мамочка.

– Да, просто я не оправдала её надежд – бесхитростно пояснила Лилия.

Либерти презрительно фыркнула – ну разве можно быть такой нюней. Но вскоре Либерти изменила свое мнение – Лилия в атмосфере всеобщего дружелюбия оттаяла, проявила недюжий ум, и ей было не в тягость помочь отстающим, испечь для всех пирог или найти для каждого доброе слово. Но вот только стоило явиться её маме и всё – критика, издёвки и прочий «набор злобной личности» – Лилия терялась и становилась похожей на слабоумную, ведь если человеку постоянно говорить, что он свинья, то он в конце концов он захрюкает.

Либерти понемногу подбивала подругу на бунт – та иногда приходила к ней в гости, говоря маме, что они занима-

ются уроками, а на самом деле Либерти таскала лилию по самым разным местам – от леса до кабаков, где она участвовала в кулачных боях. Лилия каждый раз отнекивалась, но не уступить не могла, пока не хватало силы воли.

– Вот, смотри, ты уже врешь, дальше больше – начни огрызаться, а потом вообще хлопни дверью и приходи жить к нам.

– Нет, я так не могу.

– А хочешь, я сама выскажу твоей маме всё, что мы о ней думаем? Тогда она сама тебя выгонит.

– Нет-нет, Либерти, не надо.

– Зря, нельзя же всю жизнь бояться.

– Вот в этом главное отличие между нами – сказала Лилия – ты, Либерти, не боишься быть свободной, на тебе нет всех тех оков, которые обычно присущи человеку.

Либерти и впрямь обладала какой-то болезненной склонностью к свободе и опасным приключениям. Любые правила, предписания, советы её раздражали, и ей всегда хотелось сделать всё наоборот, а если от этого нельзя было никуда деться, то она, скрипя зубами, подчинялась, зато ночью, когда её никто из знакомых не мог видеть она отрывалась по полной. Дождавшись, пока Вальмор заснет, она брала стелпсы и вылезала в окно, а дальше, как повезет – то в драку впутается, то на стаю бродячих собак наткнется, или пойдет на погост поугагать случайных путников. Невзрачные с виду стелпсы превращались в руках Либерти в грозное оружие,

один она обычно носила в пучке волос на затылке, другой в миниатюрных ножнах на левой руке – убивать, конечно, она людей не убивала, но двух особо приставучих мужиков слегка порезала, и это в одиннадцать-то лет.

Так что можно было сказать, что в Либерти уживались два человека – один хладнокровный, хитрый и жестокий любитель опасных авантюр, а другой – добрый, веселый и справедливый. И пока они находились в равновесии, но надолго ли?

И вот, как то одним вечером свободолюбивая натура Либерти была поставлена перед неприятным для неё выбором.

Либерти уже собиралась отправиться на свою обычную ночную развлекуху, как тут к их дому подъехала карета.

Кого это еще принесло на ночь глядя? – удивилась Либерти и пошла открывать, зажав в одной руке стелпс. Эта привычка осталась у неё с Эонфлакса, где ночью дверь или во все не открывали, а если открывали, то с ножом в левой руке и топором в правой, а если у вас был лук, то приходилось возиться с замками ногам, а что делать, жить то всем хочется. В окрестностях столицы нравы конечно были другими, но Либерти предпочитала не рисковать.

Но полуночный гость превзошел все ожидания – эта была миледи Гиленхаал. Вальмор в своём дурацком ночном колпаке только глазами хлопал от удивления и поэтому не заметил, что у Либерти из-под ночнушки торчат штаны.

– Чем обязан, миледи? – Вальмор не знал как себя вести и только наматывал кисточку от колпака на палец.

– Я хотела бы пригласить Либерти пожить у нас недельку-другую – выдала наконец миледи Гиленхаал, а потом просто рухнула на колени и заплакала.

Вальмор засуетился, принес воды, а Либерти пока стояла с открытым от удивления ртом – если учесть, что она видела миледи Гиленхаала всего три раза, включая этот, в жизни, то это предложение было больше чем неожиданным, а миледи

тем временем говорила:

– Вы знаете, Вальмор, что мой сын два года назад упал с лошади и теперь не ходит. Мы делали всё, что могли, но даже лучшие лекари и маги не смогли вернуть ему былую подвижность – Данай может только двигать руками и головой, но ходить – увы. Мы уже смирились, но вот в прошлом году он еще и замолчал, и молчал почти целый год, но тут пришла Либерти и сотворила чудо – Данай заговорил, и он очень просит приехать её к нему, он так оживился, у него снова возник интерес к жизни. Либерти, душа моя, не откажи мне в этой просьбе, я заплачу, я сделаю всё, что угодно.

Либерти наконец закрыла рот и задумалась – ехать к заносчивому и избалованному калеке ей не хотелось, но с другой стороны миледи Гиленхаал сделала ей и Вальмору немало добра, а за него тоже надо платить, тем более всего неделька...

– Если Вальмор будет не против...

– Я не против – поспешно заверил всех присутствующих Вальмор, тайно надеясь, что в доме Гиленхаалов Либерти будет под круглосуточным присмотром и хоть немного отучиться от уличных манер.

Одним словом, восход солнца Либерти встречала уже в особняке лорда Гиленхаала.

Её накормили, выкупали, приодели и повели к Данаю – этакий караван – во главе вышагивает чета Гиленхаалов, за ними их дочери и Либерти, с непривычки путаясь в длинном

платье, потом слуги, последними плелись собаки. Дурдом на выезде, как сказал бы Нивея. И вот – торжественный миг, они зашли в комнату Даная. Он сидел в кресле по своему обычаю укутанный в одеяло, по обе стороны от него стояли слуги.

– Дорогой мой, вот Либерти, я привезла её.

Но Данай ничего не ответил, он лишь слегка наклонил голову и всех присутствующих вынесло из помещения словно порывом ветра.

Либерти не спешила начинать разговор, она пока рассматривал мальчишку получше – лицо осунувшееся, тонкий нос, голубые глаза, а под ними не мене голубые, а местами даже черные круги, бледный, и на удивление красивые и густые золотые локоны, бескровные и потрескавшиеся губы, да уж, впечатление такое, что он вот-вот преставится.

– Насмотрелась? – Данай с трудом вытащил из-под одеяла руку, больше похожую на плеть и указал ею на маленькую табуретку около себя – а теперь сядь сюда.

От удара этой табуреткой по башке Даная спасло то, что он калека – убогих Либерти не трогала.

– Ну, и зачем я тебе понадобилась? – спросила Либерти.

– Я буду через тебя жить. Домашние меня всё время жалеют, во всём потакают и стерегут как алмаз, не могу я так больше, хочу хоть с кем-то поговорить, кто не будет со мною цацкаться.

– И с чего ты взял, что я подхожу на эту роль?

– А ты единственная, кто меня по носу щелкнул, помнишь, тогда в саду. Мы будем вместе гулять, играть, есть, одним словом ты станешь моими ногами, руками и глазами.

– Эка ты шустрый, я всего-то на неделю приехала.

– Останешься на столько, на сколько я пожелаю. Или тебе и вправду хочется вернуться домой в нищету, да, я знаю, что ты беднячка, а все бедняки хотят денег, ты их получишь в изобилие, а также платья, драгоценности, только скажи.

Либерти с трудом сдерживала ярость, ах, как же хочется вlepить этому мальчишке оплеуху, а лучше две.

– Я не кукла, которую можно купить, и дома у меня осталась Вальмор и подруга Лилия, и за все деньги мира я не променяю, как ты выразился, свою нищету с ними, на все богатства мира с таким козлом как ты под боком, ясно? – и Либерти повернулась, чтобы уйти.

– Если ты уйдешь, я приложу все усилия. Чтобы дорогие тебе люди сгинули в казематах Имперского острога – выдал Данай свой последний аргумент.

Ох, не следовала ему этого говорить – Либерти медленно подошла к Данаю и, наклонившись, прошептала:

– О, только попробуй, и я лично вот этими руками убью тебя, но перед твоей смертью я на твоих глазах убью всех, кто тебе дорог. Запомни это.

Надо же, какой интересный разговор, просто идеальный пример поведения для всех будущих злодеев и тиранов – смесь злости, лжи, угроз, а ведь обоим говорящим только по

одиннадцать лет.

Либерти больше ни минуты не хотела оставаться в этом доме, но когда она уже садилась в карету, то окна комнаты Даная распахнулись, и он сам перевесился через подоконник.

– Прости меня !!! – завопил Данай – я больше так не буду !!!

На заднем плане бестолково метались домочадцы и слуги, но он их не замечал. И столько раскаяния было в этом крике, что Либерти решила сменить гнев на милость. Но всё же заходя опять в комнату Даная, она четко сказала:

– Это всего на неделю, понятно?

– Данай лишь кивнул, у него кончились все силы.

У лорда и миледи Гиленхаалов было пятеро детей – четыре дочери и сын – последний и самый любимый отпрыск. Это ему должно было достаться всё богатство, накопленное его предками, и это ему предстояло продолжить славный род. Но случилось страшное, роковое падение с лошади перечеркнуло все планы и надежды, в девять лет Данай Гиленхаал стал калекой.

Целый год его сматривали и лечили самые разнообразные лекари и маги, и он снова мог двигать головой и руками, но вот вернуть ему ноги не смог никто. Подвижный, жизнерадостный мальчик оказался прикован к креслу, а это очень тяжелое испытание, ибо в отличие от периодических телесных болей, душевные раны терзали его не переставая. Избалованный, привыкший всё получать немедленно Данай чувствовал себя ужасно – ведь теперь, чтобы просто попить воды ему приходилось просить об этом маму или слугу. Всё, что он раньше воспринимал как должное, теперь стало для него таким далеким. Он бы отдал всё, чтобы одеться самому или самому принять ванну, но из-за приказа матери он теперь никогда не оставался один, даже ночью.

И еще эта жалость, которая давила на него со всех сторон – никто из его окружения не мог удержаться от слёз, когда его выносили в сад или к столу, а отец вообще перестал за-

ходить к нему, ссылаясь на всевозможные дела. Данай уже прошел все стадии – надежды, злости, отчаяния, на смену им пришла апатия, он сдался, у него кончились все силы, чтобы бороться, он просто устал так жить. Но и умереть он не мог, его держала любовь к матери, которая изо всех старалась облегчить ему его страдания.

А потом он увидел Либерти, которая просто лучилась энергией, которая не стала выделять его из общей толпы, и она стала первой, кто сказал ему нет. И Данай захотел, чтобы она была рядом с ним – но мама робко заикнулась о том, что Либерти не их круга и что она очень своенравна, но Данай стоял на своём – хочу её видеть и всё тут. К решению этого вопроса был привлечен даже сам лорд, в конце концов после моря пролитых слёз и тысячи просьб о благоразумии, Данай добился своего – миледи Гиленхаал помчалась за Либерти, а папа пообещал сделать всё, чтобы она осталась здесь подольше, а еще лучше навсегда.

Ох и трудно же пришлось Либерти в первые дни проведенные в доме Гиленхаалов. Нет, дело было не в её поведении или манерах, когда она хотела, и то и другое было безупречным, а в том, как к ней относились окружающие – лорд Гиленхаал её вежливо игнорировал, юные барышни презрительно морщили носики, слуги откровенно завидовали, ну а миледи Гиленхаал её просто тихо возненавидела, и все потому, что Либерти стала для Даная важнее неё.

Дети всегда по большей части бессердечны, вырастая, они, не переставая любить родителей, причиняют им много горя. Но виноваты, конечно, обе стороны, просто никто не хочет понять, что всё со временем меняется и надо лишь смириться с неизбежным.

До появления Либерти леди Гиленхаал окружала сына вниманием и заботой, как и следовало ожидать, перейдя все мыслимые и немыслимые границы. Будь её воля, она бы и моргать за него стала. Так что первые конфликты не заставили себя ждать.

Был завтрак, за столом сидели миледи, Либерти, Данай, а также слуга, который кормил юного лорда с ложечки. Понаблюдав немного за ними, Либерти на полном серьёзе спросила:

– Данай, а почему ты сам не ешь, у тебя ведь вроде ноги не ходят, а руки-то в порядке?

Большой знак вопроса повис в воздухе – миледи вытаращила глаза, слуга не донёс ложку, а Данай, запинаясь, попытался что-то промямлить, но Либерти резко его оборвала:

– Будь добр, ешь сам, если уж ты на подоконник вскарабкался без посторонней помощи, то и ложку в состоянии поднять.

За обедом слуги-кормильца уже не было.

Потом Даная вынесли в сад, и Либерти потребовала мяч.

– Но – возразила было миледи – Данаю наверное будет грустно от того, что ты можешь играть, а он нет.

– А мы вместе будем играть – заявила Либерти и, не обращая внимания на ужас в глазах миледи, пошла в сад.

И вскоре миледи Гиленхаал услышала смех своего обожаемого сыночка. Выглянув из окна, она увидела, что Либерти кидает в Даная мяч, а он отбивает его то руками, то головой, потом они кидали его в цель, сбивали им кегли и ещё много чего. За ужином Данай неожиданно для всех попросил добавки – миледи тут же пододвинула к нему целую супницу.

– Эка вы, миледи, да если он всё это съест, то завтра же можно заказывать похороны, посмотрите, какой он худой, а жир нужно помаленьку копить, полчашки добавки ему хватит – остудила её пыл Либерти.

После ужина Данай пожелал Либерти спокойной ночи.

– Ты ложишься спать в семь вечера?

– Да, мне надо хорошо отдохнуть.

– Чтобы хорошо отдохнуть, нужно хорошо поработать, а ты сегодня ровным счетом ничего не сделал. Спать ляжешь в десять, а сейчас пойдем в библиотеку, почитаем что-нибудь интересное.

– Ты умеешь читать? – простодушно удивился Данай.

Либерти предпочла не отвечать. Уже сидя в библиотеке, она сказала:

– С завтрашнего дня ты возобновишь уроки с учителем, мозги у тебя, конечно, куриные, но ничего мы это исправим. Потом надо смастерить тебе кресло с колесами – сам себе хозяином будешь.

– А я смогу?

– А куда ты денешься?

В пол десятого Либерти пошла контролировать, как Данай готовится ко сну.

– Ну и что вы все вокруг него пляшите? – осведомилась она у трёх слуг, которые должны были помогать Данаю умыться – для начала вы двое свободны, а ты только лей воду, до мыла он сам доберётся, а через несколько дней в своей комнате и ванной он будет передвигаться сам.

– Но как? – опешил Данай.

– С помощью рук. Некоторые предметы мебели конечно придется сделать пониже, но со временем ты привыкнешь. Заодно руки потренируешь и от пролежней избавишься.

Через 20 минут Данай уже лежал под одеялом, а Либерти деловито сгребала с прикроватного столика различные пузырьки с лекарствами.

– Так, вот эту настойку еще можешь оставить, а остальное я убираю.

– Но без них я не засну.

– стакан горячего молока и захрапишь как миленький. Сейчас пришло – Либерти погладила Даная по голове, взвали мешок с лекарствами на плечо и вышла из комнаты.

На кухне она столкнулась с миледи Гиленхаал, которая согласовала с поваром меню на завтра.

– Отнесите Данаю стакан горячего молока – попросила либерти одного из поварят.

Миледи Гиленхаал недовольно поморщилась – эта девочка уже распоряжается в её доме. Но всё же она с деланной улыбкой пожелала Либерти доброй ночи, а потом пошла к сыну – тихо открыла дверь и ахнула – Данай уже спал, а ведь обычно его приходилось поить снотворным. Надо отдать Либерти должное – за один день она сотворила чудо.

Конечно, у Либерти не было диплома лекаря или мага, но в свои 11 лет она могла похвастаться острым умом и небывалой интуицией – всё, что она делала для Данаей шло у неё не только от сердца, как у миледи Гиленхаал, но и из головы, мозгов то бишь, а так как ей никто не мешал, то она развернулась в полную силу.

Через пять дней после её приезда Данаей уже всюду разъезжал по дому в своём кресле на колёсах, пугая слуг и сбивая напольные вазы, а вслед за ним неслись причитающая миледи и хохочущая Либерти. В урочное время они вместе корпели над заданиями, а в час досуга Либерти обучала Данаю игре в карты и простым способам мухлевания в них, иногда они читали друг другу вслух, а в один из вечеров Либерти устроила мини-концерт, где они с Данаем хором исполнили три песни.

Одним словом, эта неделя пролетела как один миг – воскресным утром Либерти решила съездить на прощальную конную прогулку и велела оседлать двух пони, прислуга слушалась её как хозяев.

– Что? Куда? – налетела на неё миледи.

– Мы с Данаем едем кататься на пони.

– Ну нет, это уже перебор, ты забываешь, Либерти, что мой сын калека.

Обычно спокойная Либерти тут не выдержала, как же её достала эта глупая тётка.

– Единственный, кто помнит об этом, так это вы, миледи, даже Данай уже всё забыл, дайте же наконец ему право на свободную от вашей опеки жизнь, не губите его.

– Ах вот как, я значит его гублю, сына родного, кровиночку, а ты спасаешь, да, я плохая, ты хорошая, я...

– Придите в себя, миледи – Либерти уже поняла к чему клонит миледи Гиленхаал – вы его мать и этого не изменишь, но поймите же наконец, что когда-нибудь ваше место займет кто-то другой, и уж простите меня за откровенность, но эта замена пойдет Данаю только на пользу.

– Ты на себя намекаешь? – задыхаясь от злости, выдавила из себя миледи Гиленхаал.

– Нет – Либерти хмыкнула – уж увольте меня от такой чести.

– Как ты смеешь! – миледи уже занесла руку для пощечины, но тут увидела, как Либерти изменилась – улыбка исчезла, в глазах зажегся злой огонь, и вся она как-то подобралась, словно зверь перед прыжком.

– Не советую вам этого делать – Либерти говорила спокойным и ровным голосом, но именно от этого спокойствия миледи пробрала дрожь.

Эту ситуацию разрядил подъехавший Данай.

– Ну же, Либерти, что же ты мне за сюрприз устроила, я тебя ищущи-ищущи, пойдём же – и он увлёк Либерти за собой.

А миледи вытерла внезапно вспотевший лоб и порадовалась, что эта девчонка уедет о них уже сегодня.

– Ты меня совсем не любишь, да, Либерти? – канючил Данай, когда они уже ехали на пони, юный лорд был надежно привязан к седлу.

– Как я могу тебя любить, Данай, мы знакомы всего неделю, а если учесть твоё поведение в день моего приезда, твой противный характер и гадкие барские замашки, то вообще удивительно, что я тебя еще не отдубасила.

– Но я же изменился.

– Да? Так почему же ты настаиваешь на том, чтобы я осталась, ведь мы договаривались на неделю.

– Но мне же будет плохо без тебя.

– А ты подумал, что и мне может быть плохо без моих родных и друзей, что я могу скучать по дому? Вот когда ты станешь думать о ком-то еще кроме себя, тогда я смогу называть тебя своим другом.

Данай выглядел совсем несчастным, вообще – то он был неплохим мальчишкой, но он родился в семье лорда, со всеми вытекающими из этого последствиями.

– Но хоть писать я тебе могу? – спросил Данай, когда Либерти уже садилась в карету, которая должна была отвезти её домой.

– Пиши, от меня не убудет – Либерти улыбнулась ему, а потом еще долго махала платочком из окна кареты.

Едва Либерти переступила порог своего дома. Как тут же почувствовала запах готовящегося ужина, да такой аппетитный, что у неё потекли слюнки. Интересно, на Вальмора что, снизошел кулинарный дар? Ведь обычно в их семье готовила Либерти, ибо вершиной достижений Вальмора на кухне была яичница.

– О, наконец-то приехала – из кухни выпорхнула Лилия в её переднике – я как раз успела торжественный ужин состряпать.

– А ты чего здесь? – вырвалось у Либерти.

– Мама с моей младшей сестрой на ярмарку невест уехали, а я сразу сюда – тебя встретить, а ты что, не рада?

– Извини, я рада, конечно, это от неожиданности, слушай, а тебя чего не взяли?

– Мама решила, что у меня нет никаких шансов, поэтому теперь за всё отдувается Клео. Да глупости это всё, ты лучше расскажи о том, как ты жила в доме лорда, интересно, жуть.

– Подожди, а где Вальмор?

– На рынок пошел, свежей сметаны купить, я из неё такой крем для торга сделаю – вы пальчике оближите.

Либерти выпучила глаза – Вальмор пошел на рынок, и это учесть, что он сам никогда ничего себе не покупал, сначала о нём заботились родители, потом он жил на всём готовеньком у Гиленхаалов, а потом с ним нянчилась Либерти. Может она ошиблась домом? Да нет, вот стоит Лилия – тоже

надо сказать немного странная – весёлая, разговорчивая и дом убран до блеска и обед готов, а ведь её не было всего неделю, что произошло?

– О, Либерти, девочка моя драгоценная приехала – на пороге возник Вальмор – как мы скучали, да, Лилия? Бывало сядем вечером чаёк попить и всё тебя вспоминаем.

Либерти мигом наострила уши – это что, значит Лилия бывала здесь и раньше, пока она была в отъезде? Она зыркнула на подругу, но та мигом исчезла на кухне вместе с купленной сметаной. Так, оставим это на потом, а сейчас порадуемся её возвращению.

– Ах, а какие Лилия пироги печёт – говорил Вальмор, когда на следующий после её приезда день Либерти взялась за готовку. Конечно, она готовила средне, но Вальмор мог бы и промолчать.

Смутные подозрения, появившиеся у Либерти вчера, сегодня обрели четкую форму – Лилия явно решила охмурить Вальмора, вот гадюка, а такой тихоней прикидывалась, ниже травы – тише воды. А как только Либерти за дверь, так сразу принялась сюда каждый день шляться, пироги печь, по углам сор мести, рубахи штопать, так глазом моргнуть не успеешь, как тебя выставят вон, Вальмор ведь такой мягкотелый, и если уж этой корове удалось провести её, Либерти, то Вальмора подавно проведет. Ах она такая-сякая.

– А сегодня что-то её нет.

– А тебе что, меня мало? – неожиданно даже для себя рывкнула Либерти, а потом, что еще страннее, расплакалась и убежала к себе.

Кое-как утерев злые слёзы, Либерти призадумалась – теперь она понимала чувства миледи Гиленхаал, обидно и горько, когда заменяют другим человеком, ибо всем так хочется быть кому-то нужным. Либерти знала Вальмора давно, еще с тех времен, когда была жива Нивея, она привыкла к нему, любила его и уважала, а теперь вот придется отдать

его какой-то двуличной девке, змее подколодной, которую они по незнанию пригрели на груди. Да никогда, уж она расстарается. Но в то же время разумная часть Либерти шептала, что Вальмору нет еще 30 лет, что он добр, мил и совершенно не может обходиться без посторонней помощи – разве он не заслуживает счастья, ведь Нивею уже не вернешь, а жизнь продолжается. Лет через пять ты сама уйдешь от него в другую семью или за так манящий тебя горизонт, и Вальмор останется совсем один, кто сможет позаботиться о нем лучше, чем любящая жена? Додумав до этого места Либерти передернулась – так уж и быть, пусть Вальмор женится, но только не на этой подлюке Лилии, а она еще считала её своей подругой, так ошибиться, но ничего, впредь умнее будет.

Двенадцатый день рождения Либерти подкрался незаметно – она совсем забыла о нём, строя коварные планы как извести бывшую подругу.

Обычно в этот день Вальмор возил Либерти в Инварь, где они ходили куда она пожелает и покупали подарок. Но в этот раз, едва она открыла глаза, как увидела рядом со своей кроватью Вальмора и ... Лилию, с огромным именинным тортом в руках. Раньше Либерти из себя не могло вывести почти ничего, но тут она просто позеленела от злости, что поделаешь, когда становишься подростком, то появляются не только прыщи, но и бурные всплески эмоций.

– Ты не заболела, Либерти? – участливо спросил Вальмор.

– Нет, это я так реагирую на всякого рода неожиданности
– заявила Либерти, глядя на Лилию в упор.

– Неожиданности? Вы что, поссорились? – удивился Вальмор, перехватив взгляд Либерти.

– Нет, Вальмор, с чего бы это? – плюнув напоследок ядом Либерти, ушла в ванную, а когда вернулась, то Лилии уже не было.

– Она сказала, что у неё сегодня есть еще дела – обескуражено сказал Вальмор.

А, сбежала, лицом к лицу ей со мною не справиться, только со спины.

– На нет и суда нет – Либерти капризно поджала губы – так мы едем в Инварь или нет?

– А как же пирог?

– Вечером съедим, ну всё, пошли.

Вернулись они поздно, Вальмор сразу же пошел спать, а Либерти что-то завозилась, расставляя по полкам в гостиной новые книги. Тут в окошко тихо постучали. Либерти выглянула – Лилия, ну вот, теперь они смогут поговорить по душам. Несмотря на прохладную погоду и непроглядную тень, которую Лилия боялась даже больше, чем свою мать, она всё-таки решилась прийти. Либерти оценила эти жертвы, поэтому выдёргивание волос подлой предательнице решила оставить на потом.

– Ну?

– Либерти, я так больше не могу, ведь ближе тебя у ме-

ня никого нет, прошу, не отталкивая меня в такую тяжелую минуту.

– Я тебя не отталкиваю, а воздаю по заслугам. Ты зачем начала под Вальмора клинья вбивать, я бы еще поняла, если бы ты сразу всё мне рассказала, а тут, только я уехала – и вот, пожалуйста.

– Да я неделю назад ни о чём таком и не думала, ты же знаешь, я насчет совей внешности заблуждений не имею, все само собой вышло. Я ведь к тебе в гости пришла, а тебя нет, ты уехала к Гиленхаалам, а тут Вальмор сидит и есть пригоровшую яичницу, ну я и приготовила обед. А потом он пригласил меня за стол, мы разговорились, знаешь, он совсем другой дома, чем на уроках.

Еще бы Либерти не знала, обычно тихий и робкий Вальмор на своих уроках становился аки лев, ученики чуть ли не молились на него и любой предмет прочно оседал в их мозгах.

– А потом я пришла и на следующий день, и на следующий, и с каждым разом я открывала в нём всё новые и новые качества, которые меня просто обворожили, и я сама не заметила, как влюбилась. Понимаешь, ради него я теперь готова на всё – уйти из дома, целый день готовить, да что угодно. Нет – Лилия увидела, как Либерти скривилась – ты меня не поймешь, ты ведь никогда не любила.

– Я что, по-твоему, чурбан бесчувственный? – оскорбилась Либерти – я мамочку любила, и Вальмора люблю, и те-

бя ... любила.

– Я говорю про любовь к твоей второй половинке, любовь, от которой сердце прыгает из пяток в горло только от одного взгляда на любимого человека.

– Ах это – Либерти немного помолчала, подумала, а потом спросила – а что Вальмор?

– Не знаю, я ему еще ничего не говорила, я ждала тебя, чтобы всё обсудить, а ты сразу меня как холодным душем окатила. И теперь я не знаю, что мне делать, ибо моё будущее находится в твои руках, ведь ты самый главный человек в ЕГО жизни.

Либерти это тоже знала, Вальмор её просто обожал, так как глядя на неё он всегда вспоминал Нивею. Так-так, значит, Лилия ни в чем не виновата, просто эта глупышка влюбилась. А что, она неплохой вариант – милая, добрая, хозяйственная. Вмиг забыв обо всех своих черных мыслях, Либерти сказала:

– Завтра ты переезжаешь к нам. Собираешь вещички, говоришь маме всё, что ты хотела ей сказать за все эти годы, она тебя проклинает, и ты уходишь из дома. А там посмотрим, что делать дальше.

Либерти, сколько себя помнила, всегда хотела путешествовать. Конечно, на неё в немалой степени повлияла Нивея, просто мечтавшая вырваться из Эонфлакса, но тут Либерти пошла дальше – она хотела увидеть весь мир. Но пока все её задумки оставались только задумками, ибо Вальмор держал её на одном месте лучше любого якоря. И тут возникает такая возможность передать его из рук в руки, просто грех не воспользоваться предоставленным ей шансом.

Но самая главная проблема, как это не парадоксально звучит, заключалась в самой Либерти – факт её существования не позволял Вальмору обращать внимание на других женщин, ибо смотря на Либерти он видел Нивею, поэтому Либерти надо было куда-нибудь убрать, хотя бы на время, ведь не зря люди говорят – с глаз долой – из сердца вон. Если не будет Либерти, не будет и вечного немого укора, и как следствия угрызений совести и прочих душевных мук. Но куда можно деть девочку-подростка без денег и обширного круга знакомств?

Но пока суд да дело, к ним в дом переехала Лилия, у Вальмора язык не повернулся протестовать, когда он увидел плачущую Лилию и успокаивающую её Либерти с сочувственно-печальным лицом. Слезы Лилии были настоящими, а преувеличенная забота Либерти – фальшивая насквозь,

это была часть её плана по внедрению Лилии в их семью, дальше нужно было как можно чаще твердить Вальмору о её, Лилиных, достоинствах уме и прочих высоко ценимых Вальмором качеств характера. А после мозговой атаки надо переходить к действиям – оставлять их наедине, создавать всякие двусмысленные ситуации, ненавязчиво льстить, немножечко привирать – одним словом пустить в ход весь набор женских хитростей, коими Либерти обладала в полной мере и которыми она щедро делилась с подругой.

И через месяц усилия двух интриганок начали окупаться – Либерти стала замечать, что Вальмор подолгу смотрит на Лилию в глубокой задумчивости, а потом теребит кольцо, которое он подарил Нивее – оно всегда висело у него на цепочке на шее. Так, процесс пошел, нужно удвоить усилия.

– Ах, как хорошо, что Лилия теперь живет с нами – Либерти одним глазом смотрела на свою вышивку, а другим на Вальмору – она такая чудесная хозяйка, вот повезет кому-то с женой, да, Вальмор?

Вальмор что-то буркнул в ответ.

– О, как я буду расстроена, когда это случится – продолжала Либерти свой монолог – вот было бы хорошо, если бы Лилия осталась с нами навсегда, я была бы так рада.

Вальмор упорно не давал втянуть себя в разговор, и тогда Либерти пошла ва-банк.

– Забавно, но я иногда думаю, если бы вы поженились, то Лилия стала бы мне мачехой – подружкой, а ваши дети ...

– Либерти, хватит молотить чепуху! – Вальмор аж подскокил на месте от всего услышанного.

– А что я такого сказала? – не теряя самообладания поинтересовалась Либерти – ты, Вальмор – хороший человек, Лилия тоже, почему бы вам не быть вместе, вы будите жить душа в душу, я уверена, а там дети пойдут, потом внуки – жизнь будет прожита не зря.

Вальмор почему-то побледнел и судорожно хватал ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Поняв, что его сейчас хватит удар Либерти сходила за стаканом с водой.

– Так что, если ты Вальмор захочешь когда-нибудь жениться, то я не буду против, но лучше бы это была Лилия. Скажу тебе по секрету – она тебя любит до умопомрачения – Либерти говорила еще долго, Вальмор только успевал хвататься за сердце и пить воду.

В конце концов Либерти ушла к себе, решив дать Вальмору время всё хорошенько обдумать.

Либерти дрыхла без задних ног когда с ужасающим грохотом в её комнате разбилось окно. Стекло с мелодичным звоном рассыпалось по полу и по осколкам с душераздирающими воплями уже скакала проснувшаяся Либерти, так некстати вскочившая с кровати. А с улицы тем временем неслись не менее душераздирающие крики – голос показался Либерти смутно знакомым. Так как на улице было темно то Либерти, кое-как перебинтовав ноги, спустилась вниз и зажгла

фонарь, Вальмор и Лилия тоже уже проснулись.

– Что случилось? – спросил Вальмор.

– Да какой-то гад безобразничает, ну сейчас он у меня выхватит – и резко распахнув дверь Либерти швырнула в наглеца полено.

Бросок был метким – полено попало хулигану, сидящему на лошади, в голову, он обмяк, но из седла не выпал.

– Ой, не ходи одна – запричитала Лилия.

– Спокойно – Либерти вышла на улицу и посветила на поверженного врага, а потом вдруг энергично замахала, зовя Вальмора. Вдвоём они втащили бедолагу в дом – Вальмор ахнул, узнав в лежащем без памяти человеке Даная, лорда Гиленхаала – младшего.

– Зачем ты его так? – укоряюще спросила Лилия у Либерти.

– Он первым начала – окно мне разбил, напугал, а еще я ноги порезала, да его за это вообще убить мало – огрызалась Либерти, но тут Данай зашевелился.

Они втроём склонились над ним.

– И как ты всё это объяснишь? – Либерти хотела вытрясти из Даная всю душу, но он выглядел таким жалким, и еще более больным с тех пор как она видела его в последний раз.

– Почему ты мне не отвечаешь? – прошептал Данай.

– А ты разве у меня что-то спрашивал? – опешила Либерти.

– Я писал тебе письма каждую неделю, по пять листов исписывал, в гости звал, просил о встречи, потом умолял, а ты даже одного слова не написала в ответ, почему?

– Да потому что я ни одного твоего письма не получала – в сердцах заявила Либерти – вот Вальмор и Лилия не дадут соврать.

Вышеназванные синхронно закивали, Данай немного подумал, а потом:

– Мама с папой передавали мои письма на почту...

– Вернее не передавали – ядовито заметила Либерти – и теперь я оказалась крайней, хорошо, что у тебя тарана с собой не было, а то бы ты наш дом вообще снес подчистую.

Данай пристыжено молчал.

– Ну хорошо, а как ты сюда добрался, неужели миледи и лорд так просто тебя отпустили?

– Я сбежал – вякнул Данай.

– Отлично – Либерти не утерпела и зло выругалась – я так понимаю, ты не сам на лошадь влез, тебе помогали как минимум камердинер и конюх, а значит, через пару часиков здесь будет весь клан Гиленхаалов с целой армией стражи или еще хуже – ведонгов. Ох, надрать бы тебе задницу, чтобы месяц на животе спал.

– Я просто очень сильно по тебе соскучился.

Либерти оставалось лишь развести руками – по-моему у Даная развилась какая-то мания насчет неё, ох, не к добру это, не к добру.

Как Либерти и предполагала на рассвете к их дому подлетели пять взмысленных лошадей – это были лорд и миледи Гиленхаалы собственной персоной и трое стражников. На крыльце их встретил Вальмор.

– Где он? – сухо бросил лорд.

Вальмор поспешно открыл дверь – лорд и миледи вошли и увидели, что их сын, словно какой-то простолюдин, сидит за деревянным столом, без скатерти и золотых подсвечников и ест кашу с грубым черным хлебом.

– Данай! – взвизгнула миледи – ты что это творишь?!

– Данай! – вторил ей муж – да мы тебя, о-о, да я ... у-у-у!!!

А потом они еще увидели ссадину на его лбу, и их визг перешел все мыслимые границы. Данай хотел было вставить своё слово, но Либерти его остановила:

– Пусть проорутся.

Через 20 минут чета Гиленхаалов наконец выдохлась и тогда Данай спокойно так заявил:

– Вы сами довели меня до этого, так что теперь настала пора играть по моим правилам. Выбирайте, или я остаюсь жить здесь или уезжаю домой, но с Либерти.

Миледи Гиленхаал просто онемела, а лорд наоборот, опять начала орать, перемешивая брань с угрозами. Вальмор с Лилией давно сидели по своим комнатам заткнув уши, ну

а Либерти спокойно ждала, когда отец и сын наконец выяснят отношения и она пойдет паковать вещи. На этот раз она уедет с удовольствием, а в том, что Данай настоит на своём, она ничутьючку не сомневалась.

– Делай что хочешь! – взревел напоследок лорд Гиленхаал и выбежал из дома.

Данай перевел взгляд на мать – та горестно вздохнула, но деваться было некуда.

– Я хочу, чтобы Либерти была моей сиделкой, с полагающимся ей жалованием и прочим – говорил Данай, когда его уже сажали на лошадь. Больше всего ему конечно хотелось привязать Либерти к себе веревками или кандалами, но пока и так сойдет.

Либерти же испытывала двойственное чувство – конечно, она уезжала ради Вальмора и Лилии, но если бы кто-нибудь из них попросил её остаться, она бы осталась не задумываясь. Каким-то шестым чувством Либерти понимала, что теперь всё будет по-другому, изменится её жизнь, изменится её окружение, да и сама она уже тоже не прежняя девочка, которой нравилось, когда Вальмор читал ей на ночь сказки. Почти шесть лет он был её семьей, и вот теперь она уходит, а он даже не протестует. Как грустно осознавать, что детство кончилось, что оно ушло безвозвратно.

– Либерти, ты пиши нам письма как можно чаще и приезжай на каждом выходных – Вальмор обнял Либерти – жалование трати по своему усмотрению, не отказывай себе ни в

чем, если что, я пришлю тебе еще денег.

– Хорошо – Либерти вдруг вытянула у него из-под рубахи цепочку с кольцом – отдай мне его, Вальмор – попросила она, смотря ему в глаза и моля про себя, чтобы он запретил ей ехать.

Вальмор долго молчал, а потом вдруг глухо сказал:

– Бери.

Либерти резко дернула, и цепочка порвалась, словно последняя ниточка, которая связывала её с этим местом, с этими людьми и её прошлым.

– Ну зачем ты её порвала.

– Ничего, куплю новую – с деланной беспечностью выкрикнула Либерти, садясь на лошадь позади Даная – до встречи!

Миледи Гиленхаал молилась всем богам. Просьба была одна – чтобы из их жизни исчезла Либерти. Но теперь она делала это скорее по привычке, чем надеясь на что-то. Либерти жила у них дома уже целых полгода, и слабая надежда на то, что она в конце концов надоест Даная сошла на нет сама собой, её сын не только всё сильнее привязывался к этой безродной крестьянке. Но и вообще света белого без неё не видел.

Но как бы миледи не любила Либерти, она прекрасно видела, как изменился её сын, причем в лучшую сторону и теперь они даже могли опять начать принимать гостей и устра-

ивать балы, тем более, что пришла пора искать женихов для дочерей. Миледи Гиленхаал уже почти смирилась, всем гостям и знакомым она представляла Либерти как свою дальнюю обедневшую родственницу, ибо компрометации низким происхождением Либерти она бы не пережила. А всем, кто знал правду, рты заткнули деньгами или угрозами, Либерти сшили новый гардероб, пару раз свозили в салон – и вот, вскоре её было не узнать.

Либерти всё-таки быстро привыкала к новым условиям жизни – она как губка впитывала любую информацию, осмысливала её, а потом либо отвергала, либо использовала в своих целях.

Теперь перед ней был открыт мир богатых людей, со всеми их интригами, радостями и печалью. Что же, она моментально поняла, что двуличие и лицемерие – главные достоинства высородных особ, что здесь всё пропитано фальшью, а люди носят маски, пряча свои истинные сущности под ворохом одежды и правилами этикета. Быть не похожей на всех считалось дурным тоном, так что Либерти предстояло острым языком, твердыми кулаками, а где-то и легким уколом стелпса заставить себя бояться, нет, не уважать, такого слова в лексиконе столичной знати не существовало, а именно бояться. И только после нескольких драк, хладнокровных разоблачений перед всем честным народом и мелких стычек с любителями полапать молодых девушек в темных коридорах

(для последних у Либерти всегда имелись стелпсы) она заняла своё место под солнцем среди знати Инваря.

Всё свое время, исключая те часы, которые уходили на сон и ванну, Либерти проводила рядом с Данаем. Она сопровождала его повсюду – на прогулках, балах, на званых обедах. О них сочиняли столько небылиц, что люди и не знали, что думать, даже сама миледи Гиленхаал не могла с точностью сказать, какие чувства испытывает её сын к Либерти – дружеские или нечто большее?

В Прериале не было традиции договорных браков, девочки посещали ярмарки невест с 14 до 20 лет, мальчики могли жениться с 16. В любом случае выбранный человек должен быть их круга, мезальянс был недопустим категорически.

Тем более, что к Данаю уже стали приглядываться наиболее шустрые невесты, и их не смущало, что он был калекой, ведь главное в этой жизни титул и деньги, да и он был весьма недурен собой. Те, кто не блистал особым умом, отсеялись сразу, как например герцогиня Эброк, которая на одном балу пригласила Даная на вальс. Либерти и Данай еще никогда так не смеялись. У некоторых пропадало желание после того, как Данай заставлял их дни напролёт играть с ним в шахматы или читать философские трактаты, других раздражало присутствие Либерти, до романтики ли тут, когда у тебя за спиной маячит эта девица. В конце концов остались самые упорные – герцогиня Деар и графиня Чарстен, 14 и 15 лет

соответственно.

– Ох, как же они мне все надоели – сказал Данай, въезжая в комнату Либерти – совсем с ума посходили, сейчас эта Аг-лая Деар как выскочит из-за угла и сразу вопрос в лоб – как вам нравится мой платье? Я себе чуть язык не откусил, так перепугался. Эй, ты чего молчишь?

Либерти сидела на кровати и читала какую-то яркую карточку.

– Вальмор и Лилия прислали мне приглашение на свадьбу.

Данай сразу как-то весь потух.

– Ты поедешь, да?

– Конечно, и это не обсуждается, я и так дома уже почти три месяца не была.

– А ты вернешься?

– Вернусь, у них теперь своя жизнь, я буду только мешать.

– Если ты только из-за этого вернешься, то лучше не надо – в отчаянии выкрикнул Данай.

– Какой же ты дурак, Данай, совсем без мозгов, и чего я с тобою вожусь?

– И чего же? – обиженно шмыгнул носом Данай.

– И вправду с чего – жила бы себе у Вальмора, он меня не выгонял, дождалась бы 16-я и пошла бы странствовать по миру. Так нет, я сижу с тобой, таким болваном, что хоть караул кричи, жертвую своей молодостью и красотой, от женихов потенциальных отбиваюсь, и всё потому что ты для меня

не просто источник денег, но и хороший друг, глупый, но хороший. Но если ты настаиваешь, я могу и не возвращаться.

– Я пошутил – поспешно заявил Данай, ведь как бы Либерти к нему хорошо не относилась, он нуждался в ней больше, чем она в нём – а что ты там говорила про женихов?

– Да чепуха всё это. Кстати, если хочешь, то поехали со мною.

– Правда? Я с удовольствием. Вот только что на это скажут папа и мама?

Лилия светилась счастьем, словно маяк в ночи, за километр видно было. Либерти ели успела из кареты выйти, как её тут же стиснули в объятиях.

– Я тебе всю жизнь теперь благодарна буду – заявила ей Лилия.

– За что? – удивилась Либерти.

– За то, что ты позволила мне стать счастливой.

Свадьбу было решено играть в саду около дома Вальмора, были приглашены служители Имперского Храма, местный оркестр и около двух десятка гостей, среди которых Либерти заметила маму Лилии, которая уже простила дочь, но Либерти почему-то казалось, что будущая теща попьёт у новобрачных немало кровушки. Ну ничего, если что, она ей объяснит, кто здесь главный.

После церемонии гостей пригласили за стол. Либерти обжиралась за двоих, ибо всё было умопомрачительно вкус-

ным, и поэтому пойти танцевать она смогла только ближе к вечеру, когда в саду уже зажглись подвешенные тут и там фонарики. Одна мелодия сменялась другой почти без остановки, так же быстро Либерти меняла своих кавалеров, которые к слову сказать вились вокруг неё целыми стаями. В конце концов она устала и плюхнулась рядом с Данаем, который был грустным, даже чуточку мрачноватым.

– Отчего ваш прекрасный лоб омрачен морщинкой горьких раздумий? – пропела Либерти.

– Да так, я туту подумал, что никогда не смогу вот так танцевать – Данай махнул в сторону веселящейся толпы.

– Сможешь – уверенно сказала Либерти – вспомни, раньше ты ведь и рукой пошевелить не мог, а теперь можешь, просто надо подождать – лекари или маги что-нибудь придумают.

– Хорошо бы они успели до того дня, когда и ты будешь кружиться в белом платье.

– Я пока замуж не собираюсь – засмеялась Либерти.

– Но когда-нибудь соберешься и тогда ты оставишь меня, а я тебя очень люблю и если бы я мог ходить...

– И что тогда? Тебя бы просто мигом женили на герцогине Деар или на графине Чарстен, и вообще бы мы не встретились, а даже если бы и встретились, то ты бы не обратил на меня никакого внимания.

– Обратил бы.

– Ой ли? Ладно, давай не будем о грустном, лучше я сей-

час нам еще пирожных принесу, а то эта толстая тётка Вальмора, Келли, кажется, все их сожрёт.

– Либерти, знаешь, чего я хочу больше всего в жизни – чтобы ты подольше оставалась со мною.

– Данай, я останусь с тобой, пока ты сам меня не отпустишь – необдуманно пообещала Либерти и убежала за пирожными.

Свадьба длилась три дня, но вот наконец все последние гости разъехались, столы убрали, а Вальмор и Лилия поехали в недельное свадебное путешествие к морю. Либерти же осталась в их доме воевать с мамой Либерти, которая возжелала переставить в доме зятя всё, что, по её мнению, неправильно стоит, а так как Даная забрала мама, то Либерти никто не мешал пуститься во все тяжкие. Бои с госпожой Тоумстоун были кровопролитными, в ход шли любые средства – от оскорблений до подножек, и будь Либерти воспитанной не в Эонфлаксе, то победа бы досталась бы противнику. А так, после нескольких скандалов, от которых тряслись стекла в окнах, Либерти пошла к кузнецу Халку, поулыбалась ему и получила взамен чудо-замок всего с одним ключом, еще за пару золотых монет и поцелуй Халк врезал новый замок и клятвенно пообещал не делать дубликаты ключа никому, даже самому Вальмору. Покончив с этим делом, Либерти еще приютила бродячую собаку, которых госпожа Тоумстоун боялась, как огня и вот – можно праздновать окончание войны

и принимать заслуженные похвалы.

Оставшиеся дни Либерти посвятила ночным прогулкам, двум дракам, рыбной ловле и посещению бродячего цирка. Когда же Вальмор и Лилия наконец приехали, то Либерти с удивлением заметила, что ей не терпится вернуться в поместье Гиленхаалов и что она до жути соскучилась по Данаю. Поэтому выждав для приличия день, она опять упорхнула из отчего дома.

Последующие полтора года прошли для Либерти словно во сне – мелькали дни, недели, месяцы, а она продолжала жить у Гиленхаалов, которые настолько смирились с её присутствием, что даже уже и не делали различия между ней и своими детьми. Трех старших дочерей удачно выдали замуж, Либерти даже один раз была на приёме у Императора, а у Лилии и Вальмора родился первенец – сын. И теперь они ждут второго, оба просто в восторге и все получаемые Либерти письма от них изобилуют красочным описанием жизни Вальмора – младшего.

Данай и Либерти сами тоже изрядно повзрослели, похорошели и все приятельницы миледи Гиленхаал в один голос говорили, что она разобьет немало сердец, а может быть и семей. Что касается Даная, то его нежная детская привязанность к Либерти перешла в не менее нежную любовь, у него словно открылось второе дыхание, и он с удвоенной силой принялся искать пути исцеления.

Жизнь – как сон, но рано или поздно придется проснуться, вот только пробуждение Либерти оказалось настолько ужасным, что такого даже врагу не пожелаешь.

Либерти была не обделена ни умом, ни красотой. Она с легкостью могла освоить любую профессию, но, увы, к про-

стым мирским занятиям у неё душа не лежала. Она хотела большего, чего-то волнующего, интригующего, можно даже пугающего. Стать путешественницей и описывать все свои приключения в далеких краях, или стать охотницей за преступниками, или искать клады по заброшенным кладбищам и прочим столь же интересным местам. Эх, всего и не перечислишь. А дом, семья и дети могут подождать, тем более Либерти просто воротило от деревенских парней с их манерами медведя и твердой уверенностью, что женщина должна пахать наравне с мужчиной. Впрочем, великосветски юноши Либерти тоже не нравились – её не устраивала их неискренность и полное неумение что-либо делать в принципе. Как Лилия убивалась, когда Либерти уже исполнилось 14, а она не пошла на ярмарку невест – кошмар да и только! Либерти ели-ели успокоила подругу, заявив, что ей нравится Данай, и возможно она в него даже влюблена. Либерти так искусно врала, что даже почти убедила саму себя, что это правда, а ведь когда вымысел переплетается даже с крохотной крупичей истины, то последствия могут быть непредсказуемыми.

Но несмотря на все свои «якоря» – то бишь Вальмора, Лилию и Даная, Либерти иногда охватывала такая тоска по свободной жизни, что она просто собирала в заплечный мешок пару сменных рубах и носков, хлеб, фляжку с водой и отправлялась бродить по обширным землям империи Прериаль.

И вот в один из таких «побегов» она встретила Странни-

ка.

Либерти потихоньку брела по пыльной дороге – слева река, справа лес. Впереди виднеется какой-то городок – иди себе, наслаждайся свежим воздухом, можно даже ни о чем не думать. Внезапно Либерти почувствовала, что на неё кто-то смотрит и резко обернулась – точно, за ней шел незнакомый мужчина с большой котомкой через плечо, интересно, откуда он взялся, наверное, из леса вышел. Незнакомец ей улыбнулся, но Либерти проигнорировала этот дружеский жест. Но мужика это не остановило, он ускорил шаг и нагнал Либерти.

– Простите великодушно, но я не мог не заметить, что у вас странная аура.

Либерти почему-то обиделась – сам он странный.

– Скажите, кто ваши родители? – вопрошал тем временем мужик и даже схватил Либерти за руку, этого уж она стерпеть не могла.

– Слышь, ты, иди себе куда шел.

– Но ваша аура...

– Еще слово и у тебя самого ауры не будет вовсе.

После такого заявления незнакомец предпочел ретироваться.

Тем временем они уже подошли к городу – мужик зашел внутрь, а Либерти решила сначала искупаться. Вода была настолько теплой, что Либерти не хотела из неё вылезать – но

тут её внимание привлекла женщина с маленьким ребенком на руках – малыш был одет в забавные бумажные трусики. В мозгу Либерти словно бомба взорвалась – бумажные трусики, Нивея говорила, что её нашли в таких же.

– Извините, но откуда у вас эти трусики?

– А, полезная вещица – радостно поделилась женщина – теперь дитя можно хоть весь день с собой таскать и пеленок менять не надо. Я еще про запас купила – и она достала из сумки разноцветную коробку, на которой крупными буквами было написано – Хаггис.

– Вы их здесь купили?

– Да, у бродячего торговца, он иногда здесь бывает, мне соседка про него рассказывала, вот я с утречка-то и собралась. Так точно, вскоре и он пришел, я еще мужу купила пилюль – а-с-п-и-р-и-н – по слогам произнесла женщина – лучше чем лекарские настойки от головной боли помогают. И еще...

Но Либерти больше не стала её слушать, она уже вбежала в город. Найти торговца не составило труда, он сидел на базарной площади, а вокруг него толкалась целая армада в основном женского пола. Либерти ужом пролезла к самому прилавку и тут же была словно громом поражена – торговцем оказался её недавний попутчик. Он её тоже заметил.

– А, странная аура. Что хотите купить? – и он обвел руками свой прилавок.

Чего там только не было – всевозможные коробочки раз-

личных цветов и размеров, какие-то бутылечки, рулончики, пакетики, и на каждом своя надпись – Орбит, Тимотей, Ношпа и уже знакомый Хаггис.

Мужик тем временем только успевал нахваливать свой товар.

– Вот видите, это стиральный порошок Тайд, замочите в нём самое грязное белье и без длительного застирывания оно будет чистым и приятно пахнуть!

Народ дивился, но брал. Вскоре весь товар был распродан, и мужик направился к таверне, но Либерти его перехватила.

– Простите, но у меня к вам вопрос.

– Надеюсь, после него моя аура останется в целостности и сохранности? – улыбнулся мужик.

– Безусловно – Либерти набрала побольше воздуха в лёгкие – 14 лет назад меня нашла моя приемная мама, и на мне были такие же бумажные трусики, как те, которые вы сегодня продавали. Я исходила Прериаль вдоль и поперёк, но впервые увидела их только здесь, у вас. Скажите, кто их вам дал?

Мужчина вдруг весь побледнел и хрипло спросил:

– А на вас был медальон со словами...

– Либерти = Свобода? – перебила его Либерти.

Мужик кивнул.

– Да, меня так и называли – Либерти. А откуда вам это известно, вы знали мои родителей? Отвечайте, ну!

Меньше знаешь – лучше спишь – эту поговорку придумали очень умные люди.

Когда мужик открыл рот, то на голову Либерти вылился целый поток слов:

– Я знал твоего отца, но не близко, твою маму я никогда в глаза не видел, а вот к медальону я имею прямое отношение, я сам заказал его у ювелира, но как он попал к тебе, я ума не приложу.

– Да плевать мне на медальон, вы лучше скажите, где мои родители? Из какого вы города или страны?

– Бери выше – я из другого мира, впрочем, ты тоже, с такой-то аурой.

– Что? – глупо переспросила Либерти.

– То – мы оба с тобой не из этого мира, я учёный с Земли, Клинтвуд Ларский, а ты Либерти Ван дер Верден, тоже оттуда же, и каким ветром тебя сюда занесло?

– А вас? – вырвалось у Либерти, хотя она хотела спросить совсем другое.

– Я же говорю, что я учёный, вот я и придумал машину, которая позволяет мне путешествовать между мирами, очень интересно, скажу я тебе.

– А их много?

– Кого?

– Миров.

– Очень, и каждый со своей изюминкой. Но лучше дома нет ничего.

– Зачем же вы везде ходите?

– Артефакты собираю – с Земли возьму побольше всяких безделушек, тут их распродаю, а потом покупаю нестандартные вещицы, хобби у меня такое.

Либерти тряхнула головой, словно желая перемешать мысли, которые уже лезли у неё из ушей. Вроде помогло.

– Так вы знаете, где мои родители? – в который раз спросила она.

– Увы, нет, но скорее всего они уже не в этом мире, а то бы они уже тебя нашли, не так ли?

– Наверное.

– А не хочешь посмотреть на свой родной мир? – внезапно спросил Ларский.

На секунду Либерти представила, как это всё будет интересно, но тут же вспомнила о своих «якорях» и со вздохом ответила:

– Я не могу, у меня тут семья.

– Не родная.

– Только по крови – Либерти почему-то почувствовала неприязнь к Ларскому.

– Хозяин-барин. Кстати, ты не знаешь, где сейчас может быть мой медальон?

– Нет, последний раз его видела Гресья 14 лет назад, когда

несла его в скупку. Это было в Эонфлаксе.

– А как туда попасть?

– Вам нужно будет пойти со мною.

– Пустяки, мне без разницы, куда здесь идти.

По дороге Либерти узнала немало интересного о Земле, о её людях, о их нравах и обычаях.

– И как же вы без магии обходитесь – кто вас лечит, кто погоду исправляет, кто духов злых изгоняет? – удивлялась Либерти.

– Да вот, как-то обходимся своими силами, и, между прочим, мы поразвитее вас в быту, ваши маги могли бы давно канализацию придумать, так нет, до сих пор с горшками носитесь.

– Но они хотя бы есть.

– А толку-то, вот ты говоришь, что живешь у парализованного парня – почему ваши маги его не исцеляют? У нас бы на Земле его нейрохирурги мигом на ноги поставили бы.

– Правда?

– Ну, почти на 99,9%

– Так привезите их сюда.

– Шутишь? Да если я даже заикнусь об этом, то меня мигом упекут в психушку. Дело в том, что люди у нас не верят, что можно построить такую машину, а некоторые не верят, что другие миры вообще могут существовать.

– Так может мы поедem к вам, я и Данай?

– А что, можно попробовать. Только не раньше зимы, мне кое-какие параметры нужно будет изменить в моей машине. Одним словом, ищи меня у Волчьего водопад, как только земля оденется снегом.

На этом они попрощались – Ларский пошел в Эонфлакс, а Либерти к Инварю.

Уже подходя к поместью Гиленхаалов, Либерти почувствовала неладное, ибо около крыльца стояли кареты главного лекаря и главного мага. Мысленно успокаивая себя, она зашла в дом и тут же увидела миледи, которая сидела в кресле, а вокруг неё витал крепкий запах успокаивающего отвара.

– А, явилась наконец – миледи заметила Либерти и губы её задрожали.

– Что случилось?

– Я не знаю, что именно, мне не говорят, но что-то очень плохое. У Даная сейчас мэтр Арбин и лекарь Миррой.

– Но как же так, когда я уходила, всё было в порядке.

– Так уже почти месяц прошел. Пока ты там свободой наслаждалась, мой мальчик тем временем умирает.

– Замолчите – прикрикнула Либерти на рыдающую женщину – не хороните сына раньше времени.

Ощущая, как ужас обвивает её своим липкими сетями, Либерти поднялась на второй этаж. Она всегда знала, что Данай болен, его мучил не только паралич, но и периодиче-

ские страшные боли во всем теле. Он был очень слаб, любая незначительная болезнь, вроде простуды, доводила его почти до полного истощения физических сил, они уже вместе пережили несколько таких напастей, но вот только сейчас Либерти внезапно поняла, что все может и не закончиться выздоровлением.

Когда она уже подходила к комнате Даная, то оттуда вышли лорд Гиленхаал, мэтр Арбин и лекарь Миррой.

– А, Либерти – лорд тихо прикрыл дверь – не ходи туда пока, данай спи.

– Что с ним случилось?

Лорд быстро попрощался с магом и лекарем, а потом жестом указал Либерти на свой кабинет.

– Только супруге моей ничего не говори – сказал лорд Гиленхаал, когда они оказались в кабинете – ты же знаешь, что в возрасте 9 лет Данай упал с лошади и сильно повредил позвоночник. Повредил – это мягко сказано, он сломал его в 15 местах, так же при падении он сломал обе руки, обе ноги и шею, разбил голову и если бы не гостивший у нас тогда мэтр Глейн, который своей магией удержал в нём жизнь, мы бы уже его похоронили тогда.

– Но в чем же дело, я не понимаю.

– Дело в том, что мэтр Глейн умер две недели назад и сила наложенных им заклятий слабеет, но незримая нить, что связывает их до сих пор, а это значит, что по истечению всех траурных дат, наш Данай отправится за ним, Глейн просто

потянет его за собой.

– Но как же...

– Как мы согласились на это? В тот роковой день мы согласились бы на всё, тем более Глейн был достаточно молод, его смерть – это просто нелепый несчастный случай.

– А что говорят другие маги и лекари, неужели они ничего не могут сделать?

– Увы, нам всем нужно подготовиться к худшему.

– Нет, я не собираюсь сидеть сложа руки, нужно бороться, бороться изо всех сил. Если надо будет, то я и на Ту Сторону схожу. Выход есть всегда!

И с этого дня началась непрерывная гонка со смертью – Либерти сама ходила по всем магам и лекарям, просила, умоляла, потом перешла на травников, целителей, молитвы – в ход шли любые средства, но Данай угасал с каждым прошедшим днём. А потом Либерти и вовсе перешла на запретную волшбу – подкупив одного из черных магов, который попросту зачерпывал у Либерти её жизненную силу и отдавал её Данаю. Таким образом Либерти приходилось тащить на себе двойной груз, она металась как птичка в клетке, ища и не находя выхода.

– Загубишь ты себя – шептал Данай, когда в очередной раз шел сеанс переливания силы – отступись, дай мне умереть, ведь не будет мне Там покоя, если я и тебя со света белого сживу.

– Ты меня не сживаешь – оборвала его Либерти – я сама

так хочу, а тебе остается лишь поднапрячься и наконец перестать прикидываться умирающим. Я еще спляшу на твоей свадьбе – тут Либерти что-то пришло в голову, так как она нервно облизнула сухие губы.

– На моей свадьбе? – Данай нашел в себе силы, чтобы слабо улыбнуться – но ведь все мои невесты разбежались, едва я оказался не у дел.

– Если мы поженимся – сказала тут Либерти – то я смогу силой связывающих нас уз удержать тебя на земле. Как ты на это смотришь, а, Данай? Я предлагаю тебе свои руку и сердце, что ты на это скажешь?

– Нет – тихо ответил Данай – я слишком люблю тебя, чтобы подвергнуть такому ужасу.

– О чем ты, какой ужас? – эта ложь вышла на удивление слабой.

– Думаешь, я не знаю, что если тебе удастся это сделать, то эти узы все равно развяжутся, на то они и узы, я-то умру, а ты будешь навечно заключена между небом и землей. Так что мой ответ – нет.

Либерти смотрела на Даная, такого близкого и дорого ей человека, который даже стоя по пояс в могиле думал о ней, а не о себе. Что уж там скрывать, а в некоторых отношениях есть тот, кто целует и тот, кто только подставляет щеку, вот Либерти была как раз из подставляющих. Весь ужас положения, так долго скрывааемый в потаенных уголках души вырвался наружу, затопив сознание Либерти паническим ужа-

сом и пониманием своего абсолютного бессилия.

– Дурак! – заорала Либерти в иступленной злобе на весь этот дурацкий мир – надо хвататься за любую соломинку, а не корчить из себя героя, когда тебе смерть в затылок дышит! Женюсь немедленно!

– Нет.

– Замолчи, замолчи, ничего не хочу слышать, ничего!!!! Я тебя спасу, кретин, спасу!!!

На её крики сбежался весь дом и только трое сильных слуг-мужчин смогли утихомирить Либерти и увести в её комнату, где с ней случился самый настоящий истерический припадок.

– Совсем нас забыла – ворчала Лилия – всё около НЕГО и около НЕГО сидишь, как собака, исхудала вся, просто смотреть больно.

Либерти молчала – вот уже третий день она жила у Вальмора и Лилии приходя в себя после припадка, и третий день Лилия твердила ей одну и ту же присказку.

– А приедет – два часика посидит и опять в бега, разве так можно? Нет, чтобы чайку попить.

– Я и так его пью.

– Мало пьешь – отрезала Лилия.

Либерти с тоской ждала очередной лекции и вот, получила.

– Зачем тебе этот калека? Ну да, он лорд, я понимаю, но если дело в деньгах, то вот наш кузнец Халк – дом двухэтажный строит, хозяйство большое, земли немерено, как сыр в масле будешь кататься.

Как все счастливые замужние женщины Лилия любила строить из себя сваху, а то, что Либерти не хотела быть простой домохозяйкой она понять не могла, склад ума не тот.

– Вроде в прошлый раз был Гирд – пекарь.

– Да кто угодно, лишь бы ты замуж вышла, а то у нас с Вальмором сердце болит, а так – пристроим тебя в хорошую семью, сами рядом – красота.

– Извини, Лилия, но я не могу оставить Даная.

– Ты любишь его?

– Люблю ... и жалею. Даже не знаю, чего больше, привыкла я к нему, он как никто другой понимает меня – с полуслова, с полувзгляда, да и любит он меня.

– Ох, жалость еще никого до добра не доводила, но поступи как знаешь – и Лилия занялась приготовлением обеда.

А Либерти вышла во двор и присела на крыльцо.

– Либерти, надень шубу, зима всё-таки на календаре – крикнула в окно Лилия, и словно в ответ на её слова с неба посыпался снег, первый в этом году.

Когда несколько снежинок уже плавно приземлились Либерти на нос, в её голове что-то щелкнуло – «...как только земля оденется снегом...». О, Великий Оте, как же она могла забыть – Ларский, учёный-путешественник с Земли, он говорил, что какие-то там неро... и так далее могут помочь Даная. Только бы успеть.

Когда Лилия в следующий раз выглянула в окно, то Либерти на крыльце уже не было.

Поместье Гиленхаалов окутывала мрачная тишина – слуги ходили на цыпочках, а вся домашняя живность была выслана в загородный дом, лорд и миледи сидели каждый в своей комнате и никого не принимали.

Либерти прошла в комнату Даная, и её сердце в очередной раз сжалось от жалости – Данай уже стал почти совсем

прозрачным, Либерти его не сразу то и заметила среди горы подушек.

– Либерти, это ты?

– Я – она села около него – прости, что меня так долго не было.

– Ничего.

– Данай, я знаю, как тебе помочь – и она рассказал ему о своей встрече с Ларским – сегодня я поеду к нему, а ты пока приготовься к путешествию, но лучше скажи родителям полуправду, а то еще не отпустят.

– Отпустят, ведь они бояться моей смерти почти так же как я, и не у них, не у меня уже нет больше сил ТАК жить.

– Я помогу тебе.

– Я знаю, и я благодарен тебе за то, что ты так долго была рядом со мною.

– И буду еще столько же, ты только живи.

– Поцелуй меня – застенчиво попросил Данай – нет, подожди – он посмотрел Либерти в глаза и спросил – ты любишь меня?

– Люблю – уверенно ответила Либерти, и никто в этот момент не мог уличить её в неискренности, ибо бывает такая ложь, в которую ты сам веришь без оглядки.

– Если Ларский мне поможет, то мы обязательно поженимся – сказала Данай – а пока возьми кольцо, мне будет приятно думать, что мы обручены.

Либерти достала из секретера бархатную коробочку, в ко-

торой было золотое кольцо с инициалами Л. Г. из изумрудов.

– Не утерпел – улыбнулся Данай – ну иди же.

Путь к Волчьему водопаду занял два дня, поиск и разговор с Ларским еще день, и два дня на обратную дорогу – итого пять. Раз, два, три, четыре, пять...

Либерти подлетела на взмыленной лошади прямо к парадному входу, ловко спрыгнула и вбежала в дом, чуть не сорвав дверь с петель. Забежала и тут же застыла как вкопанная – везде виднелись атрибуты траура. Мешочек с лекарствами, который дал ей Ларский выпал у Либерти из рук, но еще на что-то надеясь она пошла в комнату к Данаю. Увы, его кровать была пуста, а рядом с ней сидела миледи Гиленхаал вся в черном.

– Когда он умер? – внезапно охрипшим голосом спросила Либерти.

– Пять дней назад – миледи посмотрела на Либерти потухшим взором – теперь ты можешь быть свободной, мой мальчик больше тебя не держит.

– Почему не послали за мной?

– А тебе разве не всё равно?

Либерти не выдержала и ударила миледи по лицу, хлестнула со всей злостью, с ненавистью за то, что у неё отняли возможность попрощаться с Данаем, с тем, кто любил её больше жизни. С минуту они молча смотрели друг на друга, а потом миледи зарыдала и бросилась Либерти в ноги.

– Он ушел, ушел от нас, но почему Либерти?

– Я не знаю – Либерти погладила несчастную женщину по голове – где его похоронили?

– В нашем склепе.

– Мужайтесь, миледи – Либерти помогла ей встать – это всё, что я могу вам посоветовать.

Передав миледи под опеку мужа и слуг, Либерти пошла в склеп. Холод, темнота и страх... Либерти зажгла факел и вскоре уже стояла перед нишей с табличкой: «Лорд Данай Гиленхаал, даты жизни и смерти и надпись – лучшему из сыновей». Как ни странно, но Либерти не плакала, постояв немного, она вернулась в свою комнату и достала из тайника кольцо из черного опала, которое когда-то ей дал черно-книжник Бальтар.

Если уж ей не удалось удержать Даная среди живых, то тогда она просто вернет его с Той стороны.

Либерти стояла около Имперской академии магии, которая представляла собой один большой замок, от которого в высь расходилось несчетное количество башен и башенок, которые сплетались в причудливый узор. Насмотревшись, Либерти зашла во внутрь, где к ней тут же подскочил какой то парень:

– Куда?

Либерти показала кольцо, которое за долгие годы так и не стало ей мало.

– А, к мэтру Бальтору, сейчас встанешь вон в тот черный кружочек и окажешься прямо у него в Зале. Поняла?

– Да – Либерти послушно встала в черный кружок – яркий свет резанул по глазам, и она зажмурилась, а когда открыла глаза, то вокруг неё уже не было холла, а был Зал в черно-серых тонах. Около резного стола стоял стол, за которым сидел Бальтор, ничуть не постаревши за все прошедшие годы.

– О, наконец я тебя дождался – Бальтор аж причмокнул от удовольствия – вижу, вижу кровь на руках и из-за того, что ты здесь, я могу сделать вывод, что ты теперь сирота. Чудесно, сколько нам годков-то?

– Через два месяца буде 15.

– Ох, ели успели. Ты присаживайся, а что это у тебя в волосах – стелпс, с самих Драконьих островов, ты не переста-

ешь меня удивлять, девочка.

– Мэтр Бальтор – перебила его тут Либерти – я хочу научиться возвращать людей с Той стороны.

– Вызывать зомби, духов и прочих потусторонних созданий запрещено указом Императора, его конечно можно обойти, но ...

– Вы меня не поняли, я хочу вернуть с Той стороны живого человека.

Наверное, это был первый раз в истории всей Академии, когда главный чернокнижник потерял дар речи и глупо вытаращил глаза.

– Воскрешение? – с каким-то свистом наконец выдавил из себя Бальтор – но это невозможно, даже я такого не смогу сделать, это противоестественно.

– Просто вы не хотели по-настоящему.

– Эка ты замахнулась, силёнок-то хватит?

– Хватит, только вы должны мне помочь. Научите меня всему.

– Либерти, ты конечно девочка не простая, можешь стать великим чернокнижником, отличным бойцом, но всему есть предел – в нашем мире еще никому не удавалось воскресить не то что человека, а даже комара.

– А кто сказал, что я из этого мира? – заявила Либерти, теперь ей было всё равно – пусть эта дорога в никуда, зато мы первые.

Бальтор опять онемел, а в голове мелькнула мысль – а ведь

когда-нибудь эта девчонка сможет раздавить пальцем любого мага, даже его самого, может тогда лучше её сразу убить или ...

– Ну так как?

– Я согласен, давай руку – Бальтор прикоснулся к кольцу Либерти и из него полезли тонкие нити, которые обвили правую ладонь Либерти с обеих сторон – сейчас будет больно – и тут же эти нити раскалились докрасна и прожгли кожу насквозь.

Либерти закричала, но руку не отдернула.

– Вот и всё – Бальтор отпустил Либерти – теперь ты моя ученица, ты довольна?

Либерти кивнула, не отрывая взгляда от руки на которой остались уродливые шрамы в виде пентаграммы.

– Теперь иди в холл, тебя встретит человек, которые все тебе здесь покажет, а вечером я познакомлю тебя со всеми Летунами.

Дар магии у жителей Прериала был врожденный. Обычно он проявлялся с того момента, когда ребенок учился говорить. По городам и весям постоянно ходили делегации от Имперской академии магии ища одаренных детей, кто-то приходил в Инварь сам – и тогда за огранку их талантов принимались мэтры, и в конце обучения каждый ученик покидал стены Академии с небольшим брильянтом силы в себе.

У Либерти не было таких способностей, но её происхож-

дение давало ей немало – она могла, если очень сильно сосредотачивалась, двигать предметы, подчинять людей своей воле, но её коньком стала ритуальная магия, требующая четкости и большого умственного напряжения.

– Да, Либерти, твоя сила заключается в твоём мозге – говорил Бальтор на индивидуальных занятиях – до нашей встречи он «спал», но если ты будешь продолжать в том же темпе, то скоро научишься читать чужие мысли. Интересно, такие возможности заложены в твоём мире в каждом человеке или так же как у нас – выборочно?

Кроме занятий с Бальтором Либерти несколько часов проводила в Тренировочной Зале, где занималась боевыми искусствами наравне с остальными Летунами.

«Черные летуны» представляли из себя отряд из 20 детей, где Либерти была самой старшей – они все жили в общей комнате, в довольно суровых условиях. Бальтар подбирал их на улице, и половина из них была земляками Либерти, из Эонфлакса то бишь. Тренировки проводились каждый день, их обучали технике рукопашного боя, владением разного вида оружия, а те, кто был одарен магически – еще посещали занятия по способностям. Дети росли сильными и жестоким и после 16тия они начинали выполнять различные поручения, кто-то нанимался в армию или телохранителем, одним словом «Черные летуны» шли нарасхват – Бальтар знал, что делал. Мир – это конечно хорошо, но людской злобы пока еще никто не отменял.

Либерти без разговоров занималась тренировками, но всё остальное время она посещала книги и старинным свиткам, старясь вывести из них идеальную формулу Воскрешения. Бальтар предоставил ей отдельную комнату и периодически заходил посмотреть, что получается. У него еще никогда не было столь одержимой своей идеей ученицы – Либерти забывала есть, почти не спала, доводя себя почти до полного измождения. В её голове стучала всего одна мысль – вернуть Даная, вернуть Даная. Бальтор только диву давался, как Либерти ухитряется не спать на его уроках и быть в прекрасной физической форме. А Либерти понемногу погружалась в мир черной магии, шаг за шагом приближаясь к своей заветной цели.

Тем временем Вальмор и Лилия забили тревогу – от Либерти не поступало сведений уже почти два месяца. Миледи Гиленхаал ничего не могла объяснить, она думала, что Либерти уехала домой. А тут еще к Вальмору пожаловал Ларский с вопросом – долго ли ему еще ждать Либерти. Вальмор и Лилия только успевали заламывать руки, слушая, что собиралась сделать их такая добрая и хорошая Либерти. Узнав, что Данай умер, Ларский безапелляционно заявил:

– Она явно задумала что-то по его ... мм-м ... спасению.

– Но он же уже умер – опешил Вальмор.

– В вашем мире есть черная магия, Либерти запросто может вызвать зомби.

Тут уж Вальмор вспомнил про кольцо.

– Неужели она решится на такое?

– Скорее всего, подростки – те же сумасшедшие, если что-то задумали, то пусть хоть весь мир летит в пропасть – философски заметил Ларский.

Вальмору ничего не оставалось делать, как ехать в Инварь. Но дальше холла Академии его не пустили – Бальтор лично заверил его, что Либерти у них нет, а потом он поднялся к себе в Залу и устроил Либерти скандал.

– – Я думал ты сирота!

– Так и есть.

– А кем же тебе приходится некий Вальмор?

– Никем.

– Ты уверена?

– Да – и Либерти опять закрылась в своей лаборатории.

Минуло пять месяцц.

У Вальмора и Лилии родилась девочка, Ларский успел несколько раз навеститься к ним в гости, а от Либерти не было ни слуху – ни духу.

Все эти дни она сидела в своей комнатушке и колдовала, колдовала, колдовала. И результат не заставил себя ждать – около фамильного склепа Гиленхаалов люди стали замечать какую-то бледную тень, которая очень походила на недавно похороненного юного лорда. Слухи распространились с невероятной быстротой – и Бальтар в предвкушении события тысячелетия освободил Либерти от всех других обязанностей. Он с замиранием сердца ждал – неужели у неё получится Воскрешение? Если да – то это перевернет весь мир, и в наступившем Хаосе можно будет диктовать свои условия, уже на правах Нового Бога. Что уж там говорить, а все мы в душе хотим быть повелителями мира и вершителями чужих судеб.

Либерти же ничего мирское уже не волновало, в её затуманенном сознании стерлись все границы между добром и злом, ведь занятия черной магией не только помогают в осуществлении задуманного, но еще они кое-что требуют взамен. Совесть, жалость, душу... Пожертвуй ими и получи безграничную власть. Последняя капля здравомыслия не дава-

ла Либерти заложить свою душу, но всё остальное уже было отдано ненасытной Тьме. Либерти очень сильно изменилась – ведь когда человек получает власть, то он становится другим, ведь вместе с силой приходит и чувство безнаказанности. Почти каждый человек в детстве съедал запрещенные родителями конфеты, и мало кого мучило раскаяние за содеянное, всех мучил страх наказания, если же его не было, то обычно человек осмеливается на второй проступок, потом на третий и так далее. Нет наказания – нет страха, а нет страха – нет ничего – ни послушания, ни уважения. А если ты еще можешь постоять за себя, то всё, спасайтесь, кто может.

Либерти иногда выходила в город за нужными ей ингредиентами и горе тому, кто смел ей перечить. От её черного плаща и так все шарахались, а тут она принялась носить с собой палку, которой била всех неугодных. Не успел торговец привезти нужный товар – получи; забрали перед ней последний пучок душистых трав – получи и продавец и покупатель; под ногами мешается детвора – вот вам всем. Для достижения своей цели Либерти все средства казались хороши, казалось, что она просто сошла с ума.

Вальмор вместе с семьёй приехал в Инварь на ежегодную ярмарку, а заодно они надеялись узнать у ведонгов не появились ли новые сведения о Либерти. Около ярмарочной площади они случайно встретились с миледи Гиленаал.

– Нет вестей от Либерти? – спросила миледи.

– Нет, миледи – вздохнул Вальмор – как в воду канула, мы уже грешным делом подумали, что это она мешает духу вашего сына упокоиться с миром, но мэтр Бальтар заверил меня, что Либерти к нему за помощью не приходила.

– Мы уже и служителей Храма приглашали и мэтров магии, но все они говорят, что у него здесь осталось какое-то незавершенное дело. Бедный Данай, он так страдал при жизни, а вот теперь и после смерти ему нет покоя – миледи вытерла подступившие слезы платочком, а потом внезапно воскликнула – о, по-моему, это Либерти!

Все воззрились в указанном направлении – толпа расступилась и Вальмор с Лилией увидели некую особу в черном плаще. В одной руке она держала корзинку, в другой палку – лицо бледное, кожа походила на старый пергамент, под глазами темные круги, волосы растрепаны – но сомнений не было, это была Либерти.

– Либерти! – закричала Лилия и рванулась к ней, но Либерти внезапно повернулась к ним спиной и попросту сбежала.

– У меня коляска, мы догоним её! – сказала миледи Гиленхаал.

Либерти привела их напрямиком к Академии.

– Ах он, подлый врун! – рассвирепел Вальмор – Либерти, остановись! Стой, кому говорят!!!

Поняв, что бежать теперь бесполезно, Либерти обернулась к своим преследователям.

– Либерти, что происходит?! – спросил Вальмор.

– Так нужно.

– Что нужно? Чтобы ты не жила дома, чтобы мы сходили с ума от беспокойства? Что с тобой, зачем ты подалась к Черным?

– Дело у меня есть одно.

– Что за дело?

– Не могу сказать.

– Не можешь и не надо, но я сейчас же заберу тебя домой.

– Нет.

– Да. И самому Императору пожалуюсь на твоего учителя.

– Ты не сделаешь этого, он единственный, кто помог мне, когда вы все молча дали Данаю умереть.

– Так это ты? – крикнула тут миледи Гиленхаал – это ты мучаешь Даная? Его дух теперь обречен вечно скитаться по земле!

– Вы не понимаете, он ждёт меня, ждёт, что я помогу ему, и я это сделаю, вы сами же будете мне потом благодарны.

– Либерти, ты не в себе – Вальмор хотел взять её за руку, но она отпрянула.

– Не мешай мне! Пошел прочь!

Вальмор беззвучно открывал и закрывал рот.

– Что замерли? Убирайтесь прочь! Я сама все сделаю, мне никто не нужен! Убирайтесь! – истерично визжала Либерти – Прочь! Прочь! Прочь! – и, не дожидаясь их ухода, она скрылась в стенах Академии.

Только поздним вечером Вальмору с помощью миледи Гиленхаал удалось добиться того, чтобы им разрешили провести обыск в Зале мэтра Бальтара.

– Да вон там она – Бальтор был мрачнее тучи.

– Дверь закрыта – сказал Вальмор, подёргав ручку – Либерти, открой, это я.

Тишина.

– Ломайте дверь – приказал директор Академии и трое молодых магов со второй попытки выбили зачарованную дверь.

В лабораторию попытались пройти сразу несколько человек, но Бальтор успел первым.

– Великие Боги, она ушла! – завопил он через секунду – ушла творить ритуал Воскрешения! (Без меня – добавил он про себя – вот сволочь).

Миледи Гиленхаал и Вальмор молча переглянулись – они знали, где её стоит искать.

Лунный свет лился через маленькое оконце в фамильный склеп Гиленхаалов. Небольшое помещение, которое служило как бы прихожей, перед тем как спускаться в катакомбы, теперь занимал гроб.

Либерти тоже была здесь, она уже начертила пентаграмму, расставила все свечи, кристаллы, обереги, разбросала волшебную траву, по углам разместил артефакты, призывающие Тьму, и вот, наконец достала из-за пазухи заветный пузырек, не больше спичечного коробка. В нем плескалась бесцветная жидкость – живая вода, плод её бессонных ночей, за одну его каплю любой человек отдаст всё, что имеет, ведь оно дает победу над Смертью, а значит и вечную жизнь.

О, как долго Либерти ждала этого часа, сколько сил и труда она вложила в это дело. С большой осторожностью Либерти открыла крышку и проколов себе палец иголкой капнула одну каплю крови в пузырек – вода сначала потемнела, а потом опять стала бесцветной.

А за стенами склепа тем временем то бушевал ураган, то наступала абсолютная тишина, то вдруг сыпал град впере-мешку с дождем и снегом. Люди и звери попрятались по своим домам, молясь всем Богам, чтобы поскорее наступило утро.

Либерти же принялась вызывать душу Даная – сначала ду-

ша, потом тело. Но ритуал почему-то не заладился – души Даная не было на Той стороне, значит она еще здесь, тем лучше.

– Призываю тебя, дух бестелесный, явись моему взору. Яви лик свой, мне, зовущей тебя.

Внезапно со всех сторон на Либерти стала надвигаться темнота, липкая и холодная, словно грязь после дождя. Но вот, среди неё мелькнул слабый огонёк, вот он стал ярче, и Тьма расползлась в сторону, давая дорогу Свету.

– Данай – выдохнула Либерти, увидев призрак того, о ком она не переставала думать почти целый год – ты пришел, теперь всё будет хорошо.

Данай грустно улыбнулся и покачал головой.

– Я сейчас, подожди еще немного – Либерти достала ломик и принялась вскрывать гроб, но тут её остановило ледяное прикосновение – Данай держал её за руку – что, почему ты меня останавливаешь?

Вместо ответа Данай наклонился к ней и прошептал:

– Отпусти меня.

Ломик выпал у Либерти из рук, и она тяжело осела на пол, стальная выдержка в конце концов изменила ей. Она жила только этим – и вот теперь.

– Ты не хочешь быть живым?

Данай опять улыбнулся и погладил Либерти по щеке – впрочем духи бесплотны, но ледяной холод Либерти всё же ощутила.

– Жизнь есть не только у живых, Либерти, мертвых не нужно возвращать, их просто нужно помнить. Я отпускаю тебя, а ты отпусти меня.

Либерти уже рыдала, захлёбываясь слезами – последний раз она так плакала только на похоронах Нивеи. И вот опять она теряет любимого и дорого ей человека.

– Отпускаю ... – либерти сделала над собой нечеловеческое усилие – отпускаю НАС...

В окно склепа робко заглянули первые солнечные лучики, осветив гроб, рядом с которым спала либерти, положив под голову мешок сов семи своими магическими штуками. А по дороге, ведущей к склепу, уже бежала небольшая группа людей с Вальмором и четой Гиленхаалов во главе.

Либерти спала почти целую неделю – она теперь находилась в доме Вальмора и Лилии. Но вот, когда Либерти наконец открыла глаза, то увидела рядом с собою Лилию.

– О, наконец-то ты проснулась.

– Долго я спала?

– Неделю.

– Да уж, теперь я точно выспалась на месяц вперед. А где Вальмор?

– Внизу, он отгоняет от дома любопытных, ты же у нас стала новой Мессией. Кроме того, с тобой хотят поговорить все мэтры Академии, миледи Гиленхаал – список можно продолжать бесконечно, я даже слышала, что сам Император же-

дает тебя видеть.

– Я не хочу ни с кем говорить.

– Не хочешь и не надо, пойдем лучше пообедаем, и ты ведь еще не видела малышку Элионору.

– Девочка родилась? – Либерти вылезла из-под одеяла, и тут её взгляд наткнулся на руку, изуродованную пентаграммой – Лилия, мне бы что-нибудь такое придумать, чтобы страх этот скрыть, а то детей еще напугаю.

– Придумаем.

Целых две недели Либерти приходи в себя – сидела дома, нянчилась с детьми, ела и подолгу спала, иногда помогала Лилии с домашними делами – но ни разу за всё это время она не рассказала о том, что случилось в склепе, Вальмор и Лилия же деликатно воздерживались от расспросов. Но вот в один прекрасный день к ним в гости пожаловал Ларский.

– Уф, ели продрался через этот кордон – Ларский поздоровался со всеми и раздал привезенные диковинные подарки: Вальмору СД-плеер, Лилии – набор пробников с духами, детям – игрушки и наконец увидел Либерти – а вам, милая леди, ничего нет, хотя может быть Лилия поделиться с вами духами?

– Конечно поделюсь.

Потом они пили чай, затем Вальмор ушел давать уроки, а Лилия занялась детьми. Ларский и Либерти остались вдвоём.

– Я немного покривил душой, говоря, что у меня нет для

вас подарка – Ларский достал из кармана золотой медальон с надписью Либерти = Свобода.

– Тот самый?

– Да, я нашел-таки его, но никто из его бывших владельцев не догадался о секрете – Ларский нажал на что-то и медальон раскрылся – внутри него была фотография – мужчина и женщина с ребенком на руках – это ваши родители.

Либерти просто впилась глазами в изображение этих людей – они улыбались, у женщины такие же рыжие волосы, как и у неё, а вот цвет глаз Либерти явно достался от отца.

– Я хочу найти их – вырвалось у неё.

– Я думаю, они оба из моего мира – сказал Ларский – а это значит, что и все ответы вам нужно искать там.

Либерти задумалась, но только на мгновение.

– Я хочу узнать тайну своего рождения, вы поможете мне в этом?

– Помогу, отчего бы и не помочь. А как же Вальмор и Лилия?

– У них теперь своя жизнь, а у меня будет своя – они меня поймут. Тем более мы же сможем видеться.

Вечером состоялся семейный совет. Лилия плакала и умоляла Либерти одуматься, Вальмор сначала молчал, но потом серьезно сказал:

– Либерти, ты уже не маленькая девочка, который я тебя помню, и ты вправе делать и жить так, как тебе захочется, я не могу тебе ничего запретить. Но всё же помни, что двери

этого дома всегда для тебя открыты и что я и Лилия любим тебя как родную дочь.

После этой речи даже Ларский захлопал носом.

Уже на следующий день начались сборы – оставив лилию паковать ее вещи, либерти отправилась в Инварь с прощальными визитами. Начала она с Бальтора – вернула ему все артефакты.

– Где твои записи? – прошипел Бальтор, которого из-за неё чуть не выгнали из Академии.

– Их нет, я всё держала в голове.

– А сам эликсир где? Продай мне его!

– Я разбила пузырек с ним в склепе.

Бальтар взвыл и упал без чувств, и Либерти предпочла не ждать, когда он придет в себя.

Следующими были Гиленхаалы.

– Лорд, миледи, я хочу вам сказать, что Данаю куда лучше там, чем здесь, там он здоров и весел, так что вспоминайте о нём с улыбкой.

И вот наконец Либерти посетила могилу Нивеи в Эонфлаксе, возложила скромные полевые цветы и сказала:

– Теперь все будет так, как ты хотела – я ухажу за горизонт, ибо больше меня здесь ничего не держит, я отправляюсь в свободное плавание, чтобы узнать о своём происхождении и моих настоящих родителях.

Прощание с Вальмором и Лилией было тяжелым, но вот Либерти взяла себя в руки и села на лошадь.

– Береги себя! – хором выкрикнули Вальмори и Лилия, когда она уже отъехала на порядочное расстояние.

Повернувшись, Либерти помахала им, а потом пустила лошадь в галоп.

Волчий водопад получил своё название из-за скалы, которая походила на голову волка. Едва они прибыли, как Ларский тут же обвешался какими-то камушками, веточками, сунул Либерти в руки воздушную вертушку и велел ждать, когда она закружится.

– А где же ваша машина? – осторожно спросила Либерти, которая чувствовала себя идиоткой, а вдруг этот Ларский просто сумасшедший – мелькнуло у неё в мыслях.

– Вот она – он показал ей небольшой железный шар с красной кнопкой – сейчас я введу в неё координаты моего мира.

– А зачем нам всё это? – Либерти помахала вертушкой.

– Для сбора энергии, чтобы совершить скачок. Дерево, камни и ветер – универсальные источники энергии, ну а вода – идеальный проводник. Так что, когда вертушка закружится, нам нужно будет прыгнуть в водопад.

– Вы что, там же высоко, мы разобьемся! – возмутилась Либерти, но тут вертушка в её руках дрогнула.

– Отлично – Ларский быстро приложил прибор ко всем своим камушкам, веточкам и вертушке, а потом прыгнул в водопад и уже в полете крикнул – прыгай, Либерти!

И Либерти шагнула в неизвестность.

Конец первой части

Часть 2 – Особа королевских кровей

«Если трудно тебе – крепись.
Если ветер в лицо – не гнись.
Если надо за дело – бей.
Если любишь – не робей.
Если трудно молчать – кричи.
Если заперта дверь – стучи.
Если радостно в сердце – пой.
И всегда оставайся собой!»

1

Натаниэль сидел в купе поезда с таким видом, что его единственный попутчик предпочел выйти в вагон – ресторан и больше не возвращаться. О, Натаниэль был не просто зол, а очень зол, даже все Вселенной не хватит, чтобы измерить его злость. Всего неделю назад он мирно раскапывал очередное захоронение, как тут тишину потряс громкий крик:

– Натаниэль Ларский, вас к телефону! – это надрывалась начальница их экспедиции, в общем-то милая женщина, но с ранним склерозом, ведь он же просил её не называть его фамилию. Но поздно – все головы тут же повернулись к нему. Еще бы, ведь он был сыном известного ученого-физика, дважды лауреата Нобелевской премии, а теперь добровольного отшельника с репутацией чудака и безобидного сумасшедшего. Вот отец-то и был причиной всех его бед.

Детство Натаниэля прошло в лабораториях – его мама и папа были учеными и создавали какие-то приборы, но вот, 14 лет назад случилась беда – взрыв в лаборатории при котором погибли мама Натаниэля и друг Ларского, коллега по работе. Вот с этого момента отец Натаниэля очень изменился – он перестал сотрудничать с Ученым Советом, заперся в подвале дома и всё твердил маленькому Натаниэлю, что скоро он изобретет машину времени. Шли годы – Натаниэль рос, предоставленный сам себе, отец жил в своей лаборатории и

мальчик почти его не видел. В школе над ним смеялись, говорили, что его отец сумасшедший, сначала Натаниэль бросался в драку, а потом призадумался и понял, что возможно это правда. Закончив школу, Натаниэль поступил в университет на факультете археологии, и в который раз предпринял попытку поговорить с отцом, чтобы тот наконец позволили оказать ему квалифицированную медицинскую помощь, но тут профессор Ларский проявил удивительную твердость и тогда они разругались в пух и прах.

– Да посмотри же, что твориться, дом стал похож на болото, везде грязь и паутина, сад зарос, почему ты не позволяешь нанять слуг?

– Они будут мешать моей работе.

– Соседи говорят, что ты перестал общаться с ними, чем они-то тебе не угодили?

– Слишком любопытны, суют нос, куда не следуют.

– Ну хорошо, отец, позволь мне позаботиться о тебе – давай я найму тебе хорошую сиделку, она будет помогать тебе, следить за тем, чтобы ты не забывал есть и вовремя ложился спать.

– Я пока еще сам в состоянии позаботиться о себе – отрезал профессор – и я уже почти закончил свою работу, и скоро моя машина времени заработает.

– Твоя машина времени? – с иронией переспросил Натаниэль – пора уже давно понять, что это невозможно.

Слово за слово, и в конце концов Натаниэль заявил, что

с него хватит этого бреда, что больше ноги его не будет в этом доме и хлопнув дверью он ушел. С тех пор прошло два года, Натаниэль экстерном закончил университет, с блеском защитил диссертацию и стал ездить на раскопки, и вот, когда он наконец впервые удостоился чести быть главным археологом, как его вызвали домой. Поверенный их семьи по финансовым делам позвонил ему и сообщил, что теперь в банк за деньгами приходит некая молодая особа, и он опасается, что её, эту особу, с его, Натаниэлевым, отцом связывает не просто дружба – разве совершенно постороннему человеку можно написать доверенность на получение немалых денег, а там рукой подать до изменения завещания и всё их состояние, которое исчисляется отнюдь не тысячами, уплывет в другие руки. Так что Натаниэлю ничего другого не оставалось как ехать домой и проводить «разведку боем».

Так, замок уже поменяли – отметил Натаниэль и позвонил. Дверь открылась на удивление быстро, но дорогу ему преградила девушка, очень красивая, к слову сказать, девушка. Высокая, в теле, длинные рыжие волосы уложены в пучок из которого торчит какая-то спица, видимо она поклонница японского стиля в моде, карие глаза смотрят с убийственной вежливостью, губы сжаты. Общий эффект портили шрам над бровью и нелепая веревочка с тремя кольцами на шее, зато толику таинственности добавляла перчатка на правой руке, вышитая дурацкими цветочками. Так, это что,

да она же одета в его спортивный костюм, хотя он из него вырос, но всё же.

– Чего надо? – тем временем спросила девушка.

– Шоколаду – невольно вырвалось у Натаниэля.

– Шоколаду не получишь, это тебе не богадельня – на полном серьезе ответила незнакомка и попыталась закрыть дверь, но Натаниэль не позволил.

– Ты что, я здесь живу!

– Ты уверен? – подозрительно поинтересовалась девушка.

– Уверен. А вот ты кто такая?

– Либерти. О, я вспомнила, Клинтвуд показывал твои фотографии, ты его сын, умный, но своенравный мальчуган. Проходи.

– Да уж пройду – с убийственным сарказмом сказал Натаниэль, но либерти даже бровью не повела.

– Посиди в гостиной, сейчас позову твоего отца – сказала Либерти, которая по-видимому чувствовала себя здесь полноправной хозяйкой. Но ничего, он это исправит – подумал Натаниэль.

Внутри дом разительно отличался от того, каким Натаниэль его помнил – был сделан ремонт, везде царил чистота, а из кухни плыл вкусный запах. Слуг видно не было, неужели эта девчонка все делает сама?

– Эль, какими судьбами, ты же вроде в Египте должен быть? – Клинтвуд хотел обнять сына, но тот отстранился.

– Отец, у меня совсем нет времени, я просто хотел узнать,

что это за девица, которая живет с тобой?

– Это Либерти.

– Мне без разницы, как её зовут, но хочу сразу сказать, если ты на ней женишься, я через суд потребую, чтобы тебя признали сумасшедшим.

Клинтвуд и Либерти переглянулись и просто зашлись от хохота.

– Он, это, думает, что мы ... – Клинтвуд уже рыдал.

– Ой, ну и дурак, всем дуракам дурак – Либерти похлопала Натаниэля по плечу – успокойся, мальчик, мы с твоим отцом просто друзья.

– Я тебе не мальчик – Натаниэль вышел из себя – завтра же здесь будет полиция, и эту прихлебательницу вышвырнут вон! Да вообще, откуда ты её выкопал, отец?

– Она из другого мира, сын, мне всё-таки удалось построить машину, которая может переносить меня сквозь пространство и время.

– Что за бред.

– Это не бред – сказала Либерти – я из мира Лейн, королевство Прериаль.

Боже, они оба свихнулись – подумал Натаниэль, а вслух сказал:

– Отец, всему есть предел, даже моему терпению, я сейчас же звоню нашему доктору и в полицию – и он потянулся к телефону.

– Хей-хо! – раздался у него за спиной боевой клич, а по-

ТОМ СТАЛО ТЕМНО.

2

– Не надо было его так бить – сказал Клинтвуд.

– Ничего, оклемается.

– Думаю, нам не стоит больше говорить, о том, что ты из другого мира, скажем, что пошутили. Эль мальчик совсем не злой, просто нервный. Эх, упустил я его, ты же знаешь. Но может еще не поздно начать все сначала.

– Попытка – не пытка. Тогда я сейчас приведу его в чувство, а потом мы поужинаем.

– И еще, Либерти, не говори ему кто ты есть на самом деле, я сам скажу ему, только попозже.

Либерти кивнула.

Да уж, Либерти всё-таки узнала тайну своего рождения, но правду говорят, что есть такие вещи, о которых лучше не знать.

Некоторое время назад.

Либерти вынырнула в небольшом резервуаре с водой, Ларский уже вылез и протягивал ей руку.

– Добро пожаловать домой, Либерти Ван дер Верден.

Дом, её настоящий, истинный дом, где на изведанных пока просторах жили её родные мама и папа. Целую неделю Либерти прибывала в удивлённом и шокированном состоянии – ибо кроме воздуха и солнца, этот мир ничем не напо-

минал её Лейн. Дома, люди, обычаи – всё было другим, иногда смешным, а иногда нелепым. И ещё – этот мир никогда не спал, тут даже ночью было светло и шумно. Впрочем, вскоре Либерти начала находить и сходства – разделение на бедных и богатых, власть денег, бесконечные войны, ненависть – всё как обычно, ибо без доброты человек прожить может, а вот без злости никак.

В конце концов Либерти перестала удивляться водопроводу, прочитала несколько книг и стала понемногу обживаться. Первым делом она стала искать документы о своём рождении – таких нигде не было, зато она нашла документы на отца – Арко Ван дер Верден и если считать по местному летоисчислению, то ему сейчас около пятидесяти лет. А вот ни имени, ни фамилии матери Либерти не знала и поэтому сосредоточилась на поисках отца. Нашла адрес, но дом уже снесли, работал он в Академии, состоял в Учёном Совете, но там ей сказали, что он давно умер, погиб при проведении частного эксперимента, но ни могилы, ни людей, присутствующих на похоронах Либерти отыскать не смогла – все ниточки оказались оборванны, но как-то странно. Почему-то Либерти заподозрила неладное, тем более, что Ларский нёс какую-то ахинею, путаясь в своих рассказах по несколько раз на дню. То он говорил, что почти не знал её мать и плохо знал отца, но тут же выяснилось, что этот злосчастный медальон был его собственностью, а это значит, что никто кроме него не мог передать его её родителям, а те в свою очередь

ей. Почему Либерти оставили в неизведанно мире, ведь на фотографии в том же медальоне чета Ван дер Верденов выглядит счастливой? И как так получилось, что Ларский, любя открывать новые миры, предпочитал тратить энергию на Лейн, и почему, едва заметив её ауру, он спросил о её родителях? Зачем он искал их? И зачем так настойчиво соблазнял Либерти полететь в его мир?

Додумав до этого места Либерти насторожилась – неужели Ларский задумал против неё какую-то пакость? Но зачем тогда такие сложности? Ведь он мог сто раз убить её спящей или подмешать яд в пищу, но вот они живут вместе уже полгода и ничего, хотя в поисках отца он ей не помогал. Всё выяснилось как всегда неожиданно – Либерти пылесосила лестницу, ведущую на второй этаж, и заметила, что одна из ступенек как-то странно прогибается. Подняв ковер, Либерти обнаружила тайник, а в нём фотографии, газетные вырезки и какие-то документы.

На одной фотографии были сняты молодой еще Ларский, отец Либерти и какая-то женщина, все трое были одеты в белые халаты и на фоне резервуара с водой в лаборатории. Либерти не сразу разглядела, что на шее женщины висит медальон с надписью Либерти = Свобода. Тут же было свидетельство о браке Ларского с некой Энни Смит, свадебное фото – в невесте без труда узнавалась женщина с медальоном и наконец газетная вырезка, в которой говорилось о взрыве в частной лаборатории профессора Ларского в результате ко-

того погибли его жена Энни и друг, профессор Ван дер Верден, тело которого найти так и не удалось.

Так что же это получается, что Ларский наврал ей с три короба – он не только знал её отца, но они даже были друзьями. Либерти сгребла все доказательства в кучу и пошла к Ларскому в комнату. Память услужливо подбросила еще одну деталь – с тех пор как она появилась здесь, то Ларский больше никуда не летал, занявшись ремонтом дома.

– Объяснитесь-ка – холодно сказала Либерти, раскладывая перед Ларским все улики.

– Как ты нашла их?

– Кто ищет, тот всегда найдёт и лучше вам начать говорить правду.

– Ты умная, Либерти, вся в отца, будь он проклят.

– Говорите, а то клянусь всеми Богами, я заставлю вас делать это под пытками.

– И ты сможешь причинить мне боль?

– Хотите проверить?

– Ты злишься, я понимаю, но несмотря ни на что я знаю тебя доброй и благородной, готовой ради друзей на всё. Если бы не та история с Данаем, я бы, наверное, взял грех на душу, но, слава Богу, вовремя одумался. Ты хочешь правду, так слушай... Когда – то у меня был друг, жена и работа, было чему радоваться и ради чего жить. Я, Арко и Энни работали над машиной, которая могла бы раскрыть нам двери в неведомые миры, тонкие или параллельные, как принято на-

зывать их на Земле. Но наука может быть и жестокой – малейшая ошибка в расчетах и обратного пути уже не будет. Если ученый не уверен в своих силах, то он должен просто остановиться, только вот не всем это под силу. Нам троим удалось построить машину, но для первого прорыва и установления коридора, нужно было слишком много энергии, в нашем мире в этом недостатков не было, но всё же я и Энни решили остановиться на теории, Арко же настаивал на практике. Нет, мы не хотели бросить дело всей нашей жизни, просто хотели немного подождать, но, увы, среди гениев часто попадаются люди с нездоровой психикой – Арко затаил на нас злобу и решил все сделать сам. В тот роковой день я уехал на конференцию, а Энни осталась дома, Арко же отправил нашего сына в Диснейленд, забрав его сотовый и путем шантажа, он говорил, что Натаниэль в его руках, заставил Энни пустить его в лабораторию, там он провел эксперимент, сам став подопытной мышью, но кнопки пришлось нажимать Энни. Прорыв удался, Арко ушел в другой мир, а вот Энни погибла, ибо выброс энергии оказался слишком мощным, как мы и предполагали – лаборатория просто взлетела на воздух.

– Откуда вам известны такие подробности?

– Спустя три года мне удалось создать еще одну машину, теперь портативную, и я нашел Арко в мире Мериаль, совсем не похожий на наш и даже твой – наряду с людьми там живут эльфы, гномы и прочие существа, а маги сильны настолько,

что любой мэтр из твоей Имперской Академии просто ребенок перед ними. Но всё же у них не было тех технологий, что и у нас, на Земле, так то Арко оказался там пленником, он уже смирился, нашел работу, женился. И вот тогда я совершил первый в своей жизни злой поступок – я похитил твою маму, она как раз была беременна тобой. Ты родилась на Земле, но твоей маме, Герте, удалось бежать и больше я ничего про неё не знаю.

– Вы хотите сказать, что нашли меня случайно?

– Я считал с машины координаты, что ввела Герта, но найти вас было нереально, и я стал ездить в Лейн за артефактами, они там очень хороши. Я нашел тебя совершенно случайно, Либерти.

– А медальон?

– Я дал его тебе поиграть, а заказывал для Энни.

– А фото в нём?

– Это фотомонтаж, я сделала его, чтобы заманить тебя сюда.

– Вы хотели меня убить?

– Нет, посредством тебя я хотел причинить боль твоему отцу.

– Так почему вы не стали этого делать?

– Я просто понял, что никакая изощренная месть не вернет мне Энни, тем более ты оказалась такой хорошей. Я не захотел и дальше катиться в пропасть.

Конечно, Либерти нужно было время, чтобы взвесить все

«за» и «против», но в конце концов она решила оправдать Клинтвуда, ведь когда человека захлестывают сильные чувства, то он готов на всё, не она ли сама совсем недавно обижал маленьких детей, ведь ей нужны были их слёзы для эликсира бессмертия. Разобравшись с этим вопросом, Либерти поняла, что почти не сдвинулась с мёртвой точки – где отец ей известно, а вот где её мама? Она с Клинтвудом собирались совершить пару путешествий по мирам, но тут на их головы свалился Натаниэль.

3

Либерти без долгих церемоний вылила на голову бесчувственного Натаниэля целый стакан воды. Помогло.

– Ты чего? – Натаниэль мигом схватился за травмированную голову.

– Ничего, а ты чего?

– Я ничего, а ты, тьфу, привязалось. Быстро говори, зачем ты меня ударила?

– А зачем ты к телефону руки потянул, мы просто пошутили, а ты сразу в бутылку полез, тебя потом еще бы за ложный вызов и оштрафовали бы.

Натаниэль с недоверием смотрел на Либерти, но найти подходящих слов для спора мешали звездочки перед глазами.

– Шутка?

– Ага, шутка, ты лучше переоденься и спускайся к ужину.

Через каких-то 15 минут они все втроем уже сидели за столом, Натаниэль с подозрением зыркал то на отца, то на Либерти, но они оба безмятежно улыбались, словно ничего не произошло.

– Так откуда ты тогда взялась? – спросил Натаниэль, наливая себе еще супа, хотя Либерти готовила и без изысков, но довольно вкусно.

– Она дочь моего старинного друга, еще по университе-

ту – сказал Клинтвуд – переехала к нам в связи с кончиной папеньки и отсутствии других родственников, я не мог отказать ей в помощи.

Натаниэль посмотрел на Либерти – она походила на бедную сиротку, как он на балерину, но теперь продолжать допрос было нетактично. После ужина Либерти и Клинтвуд остались смотреть телевизор, а Натаниэль пошел к себе, голова еще гудела от пережитого покушения. Разобрав чемоданы, он пошел в ванну, с удовольствием там поплескался, а когда вышел, то наткнулся на Либерти, которая копалась в его шкафу.

– Эй, ты что там забыла?

– Пижаму ищу.

– А у тебя что, своей нет?

– Нет, я всё время твоей одеждой пользовалась, свою недосуг было купить.

– Так купи завтра же, нечего в чужих шкафах рыться.

– А тебе что, жалко старую пижаму?

– Я придерживаюсь принципа: всё мое – моё. Положи всё на место и вот этот спортивный костюм тоже верни, только постирай и погладь.

Либерти бросила на него удивлённо – презрительный взгляд и спросила:

– А когда ты собираешься вернуться на свои раскопки?

– Как только, так сразу. Эй, положи мои вещи, кому я говорю.

– А ты попробуй их отнять у меня – холодно заявила Либерти.

И хотя Натаниэль был выше её на целую голову и в весьма неплохой физической форме, всё же он почему – то отступился, пробормотав что-то вроде – на первый раз прощаю. Либерти лишь хмыкнула в ответ и ушла, унося с собой пиджаму.

Чтобы Клинтвуд там не говорил, а Натаниэль Либерти не нравился. Он был единственным ребенком в состоятельной семье, никогда ни в чём не нуждался, все ему давалось легко и просто, он настолько привык быть во всем первым, что просто не понимал, что может быть иначе. Эгоист, педант, красавчик – светлые волосы плюс фиалкового цвета глаза, истерик и при всём при этом такое самомнение, что выше только небо. Одно достоинство – ум, и как следствие целые стопки дипломов и дюжины две коробок с медалями и кубками.

Впрочем, Либерти тоже не произвела на Натаниэля должного впечатления – кроме красивого лица он не видел в ней ничего хорошего – этакая маньячка без чувства стыда и понятия частной собственности, а обаяние – в танке больше будет, не девчонка, а какой-то монстр.

Но так как уезжать в скором времени ни он, ни она не собирались, то в их доме разгорелась самая настоящая Третья Мировая Война.

Либерти взяла на себя труд по готовке и уборке дома, поэтому Натаниэль сначала воспринимал её как домработницу, но Либерти быстро поставила его на место.

– Принеси мне бутерброд – тоном владельца плантации приказал Натаниэль Либерти.

– Сам сходи.

– Кухня – женское дело.

– Да? Но ничего, мы это исправим – у тебя руки-ноги на месте, так что с этого момента хозяйственными делами мы будем заниматься по очереди.

– А если я против?

– Я тебя отлуплю.

– Ты? Не забывайся, ты здесь всего лишь гостя.

– Короче, Натаниэль, больше никогда не говори со мной в приказном тоне, а не то...

– Ой, как страшно.

Одним словом, Клинтвуд подоспел прямо к драке – причем успех был явно на стороне Либерти.

– Дети, дети, хватит.

Либерти выдернула последний клочок волос из густой шевелюры Натаниэля, и они наперебой кинулись жаловаться друг на друга.

– Он меня унижает – ныла Либерти.

– Отец, у неё не всё в порядке с головой – трагическим шепотом говорил Натаниэль – она буйнопомешаная, ведь у психов всегда нечеловеческая сила.

– Это ни я сильная, а ты хиляк, да тебя любой ребенок уложил бы. И вообще, вы знаете, Клинтвуд, что он рылся в вашем кабинете, когда вы ездили в магазин.

– Стукачка – Натаниэль покраснел как помидор.

– Стук-стук – лучший друг.

– Ах так, а Либерти вчера разбила две бутылки дорожного вина.

– А Натаниэль отбирает у меня вещи.

– Я не отбираю, а просто забираю своё.

– Дети, будьте добрее к друг другу. Либерти, мы завтра купим тебе одежду, а ты Натаниэль, ты же уже взрослый человек, ты должен быть более снисходительным.

– Слышала, я старше, значит умнее, поэтому ты должна меня уважать.

– Ну, в этом я не уверена.

И всё началось заново – Клинтвуд еще пару раз попытался их помирить, а потом самоустранился, тихо надеясь, что скоро это пройдет само собой.

Клинтвуд, насвистывая веселую мелодию, зашел на кухню. Было ранее утро, но Либерти и Натаниэль уже сидели за столом.

– Ну как мои детки, как всегда бодры и веселы?

– Скорее злы и некрасивы – с кислой миной пробурчала Либерти, а Натаниэль вообще подумывал о том, а не запустить ли в родного отца чем-нибудь вроде каши, и в чём-чём,

а в том, что у Клинтвуда по утрам неестественно хорошее настроение они были согласны полностью.

Но Клинтвуд не обратил на холодный приём никакого внимания.

– Я решил устроить званый ужин, пригласить старых друзей, знакомых, хватит уже в затворниках сидеть.

– Молодец, папа – одобрил Натаниэль – я тогда приглашу и своих коллег по работе.

– Приглашай, кстати, пригласи заодно и Денизу, что-то я её давненько не видел.

Натаниэль напрягся – Дениза была его девушкой, они познакомились, когда она была начинающей моделью и всё было прекрасно, но потом ей предложили выгодный контракт и теперь они балансировали на грани разрыва.

– Приглашу.

– Это та, с которой он вечно трындит по телефону – ах – ах, ой-ой, скулит, точно побитый щенок, противно слушать – Либерти плюнула ядом и ей сразу полегчало.

– А ты не слушай, у тебя вообще парня нет, дура любопытная – обиделся Натаниэль и, не доев завтрак, ушел.

– Либерти – Клинтвуд посмотрел на неё с укоризной.

– Подумаешь – Либерти раскаялась только к чаю, и пошла просить прощение.

4

Подготовка к званному ужину шла полным ходом – Клинтвуд только успевал выписывать чеки, тем более, что Либерти нужно было купить вечернее платье и весь гардероб в целом. К ужасу Натаниэля отец заставил его ездить с ней по магазинам, где все принимали Либерти за его сестру и умилялись его заботе о ней. В седьмом по счету бутике у Натаниэля лопнуло терпение.

– Нет, это не моя сестра – огрызнулся он – а если бы это было так, то я повесился бы еще в детстве – и он выволок полураздетую Либерти на улицу.

– Эх, а всё-таки у вас вещи красивее, чем у нас – Либерти послушно села в машину, а Натаниэль кое-как утолкал все их покупки в багажник.

– Где у вас?

– В моём ... м-м ... городе.

– Ясное дело, у вас поди там до сих пор на огне готовят и звериные шкуры носят. Кстати, откуда ты?

– Откуда надо – буркнула Либерти, надо будет согласовать этот вопрос с Клинтвудом – чего стоишь, поехали.

– Так красный свет.

– Ну и что?

– Ты что, совсем из дремучего леса вылезла?

Либерти предпочла не отвечать, а Натаниэль вскоре забыл

об этом случае под наплывом всевозможных дел.

– Натаниэль, где Либерти? – спросил Клинтвуд – гости уже съезжаются, а я не могу её найти.

– Без понятия – Натаниэль усиленно высматривал машину Денизы.

– Прошу тебя, найди её.

Ругая Либерти всеми возможными словами, Натаниэль обыскал весь дом, и наконец нашел её в саду, где она сидела на дереве при полном параде.

– О, вижу регресс эволюции, обычно с дерева слезают обезьяны, чтобы стать людьми, а ты вот залезла, хотя, чему я удивляюсь.

– Я помогала соседской девчонке снять котенка – пробурчала либерти.

– Не хочешь зла – не делай добра – философски изрёк Натаниэль – давай, прыгай, я тебя поймаю.

Ну и Либерти и прыгнула, и Натаниэль её действительно поймал, но тут в саду появилась Дениза и истолковав всё по-своему устроила «разбор полетов» и за неимением двери, чтобы хлопнуть, топнула ногой, сломав каблук.

– Да уж, ситуация-то – Либерти не удержалась и хихикнула – ну и фрукт, это твоя Дениза, орёт как резаная, нет, чтобы сначала разобраться.

– Помолчи – Натаниэль был мрачнее тучи – тебе бы лишь гадость сделать, не человек, а сплошной зоопарк: обаяние

крокодила, грация слона, внешность утконоса, а характер – вылиты баклан, лишь бы нагадить ближнему – и, выдав эту гневную тираду ни в чём не повинной Либерти, Натаниэль побежал за Денизой.

Званный ужин прошел на ура – еще бы, ведь на него собралась вся элита города. Ведь кроме своих научных достижений Ларские были очень богатыми людьми, да еще с такой репутацией Клинтвуда – от желающих поглазеть на сумасшедшего ученого отбоя не было.

Либерти весь вечер улыбалась, отвечала на сотни вопросов, танцевала – одним словом вела себя, как и полагается вести себя шестнадцатилетней девушке. Но ближе к полуночи она слегка утомилась и решила немного посидеть в тишине, поэтому захватит с собой пакетик с орешками, она пошла в библиотеку. Взошедшая луна светила не хуже люстры, так что Либерти не стала зажигать свет и устроилась в уютном кресле. Но только она расслабилась, как в библиотеку зашли еще два человека.

– Натаниэль, я устала повторять – я не могу тебе доверять, с тобой живет смазливая девчонка, и я не хочу жить в постоянных сомнениях.

– Но я же жил, Дениза, ты целыми днями ходишь полуголая перед тысячами людей, и я тебе никогда и слова не сказал.

– А зря.

Либерти недовольно поморщилась – нашли место для ссор.

– Я просто тебе доверял.

– Ну и дурак. Всё, Натаниэль, я хотела, как лучше, между нами всё кончено, у меня есть другой.

Они говорили еще долго, в конце концов Либерти задремала и проснулась от того, что Натаниэль чуть не сел на неё.

– А, это ты – безжизненным голосом сказал он, садясь рядом – нигде нельзя побыть одному.

– Это точно – проворчала Либерти, но остальные слова застряли у неё в горле, ибо Натаниэль выглядел жутко несчастным – что, плохо тебе?

– Бывало и лучше. И чего этим женщинам надо, по-моему, они сами не знают, чего хотят.

– Еще как знают, только всё ёще надеются, что мужчины сами обо всём догадаются.

– А не легче ли просто сказать?

– Тогда не будет так интересно.

– Ох – вздохнул Натаниэль – вот вроде совсем недавно у меня было всё – карьера, девушка, семья, а сейчас...

– Так устроен этот мир – что имеем не храним – пропела Либерти – а сейчас у тебя есть отец, с работы тебя тоже никто не выгонял, с таким лицом все девушки от 5 до 50 будут твоими. Есть где жить, что делать, главное нужно перестать жалеть себя. Жизнь продолжается.

– Тоже мне советчица, мала еще такие истины выводить.

– Разве дело в возрасте? – Либерти нахмурилась – я за свои годы и пострадать, и полюбить успела, да так, что на несколько жизней хватит.

– Можно подумать.

– Вот и подумай – Либерти внезапно сдёрнула с руки перчатку и подсунула изуродованную ладонь Натаниэль под нос – ты за свою любовь получил небольшой шрамик на сердце, а я вот это. Так что не надо тут строить из себя страдальца, утри сопли и живи, пока живется. И никогда, слышишь, никогда не считай себя лучше других, ибо всегда найдутся люди еще умнее и лучше – Либерти похлопала Натаниэля по плечу и ушла, оставив его в глубоком потрясении.

5

Либерти всегда была сильной – могла терпеть боль, могла сама причинять боль, даже могла убить, но при всём при этом она не стала кровожадной психопаткой. Она умела ценить любовь, ценить дружбу, радоваться мелочам. Мэтр Бальтор называл это слабостью, а Вальмор – душой.

Либерти понимала, что её разговор с Натаниэлем может показаться излишне патетическим, но смолчать она не смогла – если тебе есть что сказать, то говори, а прислушаются ли к тебе или нет, это уже совсем другой разговор.

Из Натаниэля словно выпустили весь пыл и удалили все ядовитые железы – после того инцидента в библиотеке он стал другим – куда делось ехидство, высокомерие, покровительственный тон. Его ничего не могло вывести из себя, даже когда Либерти вламывалась к нему в комнату без стука.

– Что случилось с Элем? – обеспокоенно спросил Клинтвуд у Либерти.

– Так он же расстался с Денизой.

– Я сразу говорил ему, что они слишком разные, мой сын интеллигентный, воспитанный...

– Скучный.

– Спокойный. Так, а ты откуда это знаешь?

– Слышала, а потом дала Натаниэлю пару жизненных уро-

КОВ.

– Опять подрались?

– Зачем же сразу подрались, я умею и словами убеждать. Теперь у него идет переоценка жизненных ценностей. Вот увидите, скоро он станет другим.

Либерти исполнилось 17 лет. Самый расцвет молодости, когда впереди маячат заманчивые мечты и кажется, что нет ничего невозможного.

Отмечали они его скромно, в домашнем кругу, и как всегда в таких случаях речь зашла о планах на будущее. Слегка присмиривший, но не утративший своего острого ума Ната-ниэль понемногу ехидничал:

– Эй, Либерти, а ты вообще работать идти собираешься, или мы обязаны кормить тебя до конца света?

– А ты сам-то уже сколько дома сидишь.

– У меня отпуск.

– У меня тоже.

– Это с чего бы, ты же никогда не работала.

– Откуда ты знаешь?

– А вот и знаю.

– А вот и нет.

– Да.

– Нет.

Клинтвуд слушал их перепалку с улыбкой, в кои-то веки она была беззлобной, но в то же время его мучила одна

мысль – хоть Либерти и родилась на Земле, но факт её существования не был подтвержден ни одним документом и если она останется здесь жить, надо что-то придумать.

– Дети мои – Клинтвуд посмотрел на Либерти и Натаниэля с небывало серьёзным лицом – я хочу спросить вас, как вы относитесь друг к другу?

– Нормально – прохрипел Натаниэль, ибо Либерти продемонстрировала на нём различные приёмы удушения из арсенала «Чёрных летунов».

– Я серьезно, между вами есть какие-нибудь чувства, так сказать романтического плана?

Натаниэль выпучил глаза, но уже не от недостатка воздуха, а потом разразился очень эмоциональной речью, смыслом которой являлось, что он больше любит свой мобильник, чем эту корову и что он охотнее поцелует куда угодно жабу, чем Либерти в щеку.

– Пожалей животное – съязвила Либерти и заверила Клинтвуда, что она относиться к Натаниэлю безразлично, так как вообще не видит в нём мужчину. Натаниэль оскорбился страшно, но Клинтвуд сумел их перебить, заявив:

– Дети, как вы относитесь к тому, чтобы я удочерил Либерти?

В кухне повисла тишина.

– Я настаиваю на ответе прямо сейчас, но вы всё же подумайте – и он оставил их вдвоём.

Натаниэль шумно вздохнул и принялся за торт, Либерти

тоже пока молчала. Но вечно ведь молчать нельзя.

– Я в детстве мечтал о брате – задумчиво сказал Натаниэль – мне одному иногда бывало так скучно.

Либерти в детстве скучать не приходилось, но она предпочитала об этом не вспоминать.

– Интересно, зачем отцу это понадобилось?

– Может он не хочет остаться в старости один, ты же вечно в разъездах.

– Можно подумать ты вечно будешь рядом, тем более он МОЙ родной отец и я уж найду для него время. А ты, ты хочешь, чтобы тебя удочерили?

Либерти раздумывала недолго.

– Хочу. Ведь у меня никогда не было нормальной семьи, а тут, пожалуйста, и отец, и брат.

– А как же твоя прежняя семья, неужели ты по ним не скучаешь?

– Почему, скучаю, но они так далеко от меня – сказала Либерти, имея виду Вальмора с Лилией, а Натаниэль решил, что она говорит про тот свет.

– Дело в том, что я в принципе не против – в Натаниэле вдруг проснулся альтруист и ему захотелось сотворить добро незамедлительно – но просто я думал, что ты не захочешь.

– Тогда иди и сообщи о своём решении отцу, братульчик.

– Эй, полегче на поворотах, мы станем родственниками только на бумаге и это значит, что я не перестану считать тебя глупой курицей, и называть тебя сестрой я буду только

под страхом смертной казни.

– Какой казни?

– Смертной. Ай, прекрати кидаться в меня тапками, а то я передумаю. Я не кровожаден, но сейчас я тебе устрою Варфоломеевскую ночь.

Но свершиться этому событию помешали неприятные происшествия, которые случились в дальнейшем.

6

В один обычный день, когда ничего не предвещало беды, Клинтвуд позвал Либерти к себе в кабинет.

– Либерти, ты заходила в лабораторию?

– Нет, там же кодовый замок, а шифр знаете только вы.

– Натаниэль тоже не мог, тогда кто?

– А что случилось?

– Датчики движения зафиксировали, что сегодня ночью в моей лаборатории кто-то был, совсем недолго, но всё же был.

– Может кто-то прошел сквозь миры?

– Это невозможно, я разобрал свою машину после того как привез тебя сюда.

– А что говорят другие датчики?

– Что это несомненно был человек, но он не пользовался моим коридором, он просто появился из ниоткуда и пропал в никуда.

Либерти при этих словах вздрогнула.

– Знаете, Клинтвуд, это похоже на телепортацию. В моём мире маги могут перемещаться из одного места в другое без лишних усилий.

– Перемещение между мирами с помощью магии, но это же невозможно.

– Нет ничего невозможного. Я бы посоветовала вам поставить в лабораторию пару артефактов, которые улавлива-

ют магические колебания, а лучше завести котов, они лучше любого радара чувствуют волшбу. А там посмотрим, что это за фрукт к нам повадился лазить без приглашения.

– Убери их, слышишь, Либерти, это твои животные, так забирай их к себе. Пошел прочь с моей подушки! Либерти!!!!

Следуя совету Либерти, Клинтвуд в тот же день приволок в дом двух котов, которых он подобрал на улице, их назвали Вискас и Фрискас. Таких экземпляров свет еще не видывал – Вискас был тощим, серым, про таких говорят – пыльным мешком прихлопнутый, несмотря на то, что у него торчали все кости, его приходилось упрашивать, чтобы он съел хотя бы ложку сметаны. А вот Фрискас наоборот съедал всё, что дадут – дадут чашку супа – съест, две – тоже, кастрюлю – умрет, но съест, поэтому он был толстым и наглым. Приёмыши быстро освоились и избрали местом своего отдыха и сна кровать Натаниэля, который к животным вообще-то относился безразлично, но вид двух мирно спящих на его чистойшей наволочке котов приводила его в ярость. Он вообще не понимал, зачем отец их принес.

Но несмотря на все свои недостатки, Вискас и Фрискас чувляли магию за версту и сразу прятались, из чего Либерти сделала вывод, что их посещает отнюдь не добрая фея из сказки. Уже было два случая, но каждый раз, когда они с Ларским добежали до лаборатории, то там уже никого не было, лишь

датчики прилежно фиксировали чье-то присутствие, да артефакты указывали на магическую природу неуловимого гостя.

Натаниэль естественно не был посвящен в суть проблемы и поэтому всегда удивлялся, когда среди ночи раздавался топот и по коридору резвым галопом пробежали Либерти и Клинтвуд, путаясь в тапках и сшибая косяки.

– Эй, что это за парад пижам и ночнушек? – спросил он, когда в очередной раз услышал шум.

– Мы, это, обрабатываем срочную эвакуацию на случай пожара – не очень удачно соврал Клинтвуд, и Натаниэль мигом решил к ним присоединиться, и теперь им приходилось вести себя потише.

Тем временем Клинтвуд не забывал заниматься делом об удочерении Либерти. Оно требовало постоянных консультаций с адвокатом и присутствием всех троих в кабинете, но Ларский и Либерти не хотели оставлять дом без присмотра, поэтому обычно Либерти оставалась дома, а в случае крайней в ней необходимости Натаниэль просто ездил за ней.

В тот день всё было как обычно – Клинтвуд остался у адвоката, а Натаниэль поехал за Либерти, позарез нужна была её подпись. На звонки никто не отвечал и Натаниэль открыл дверь ключом, тут же, едва не сбив его с ног, из холла выскочили Вискас и Фрискас и исчезли в саду.

Надо было им поставить двойную дозу уколов от бешенства, а лучше вовсе усыпить – злорадно подумал Натаниэль

и занялся поиском Либерти. Её нигде не было. Странно. Тут ему послышались голоса, они звучали как-то приглушенно и Натаниэль не сразу сообразил, что они идут из подвала, где была лаборатория. По мере приближения Натаниэль понял, что Либерти с кем-то ругается. Он подергал дверь – заперто, потом постучал. Голоса стихли, но дверь никто не открыл, тогда Натаниэль постучал погромче и крикнул:

– Эй, Либерти, ты чего там засела, выходи!

Через некоторое время дверь немножечко приоткрылась, и в проеме показалось лицо Либерти. Натаниэль впервые видел, что либерти испугана.

– чего тебе?

– Нужна твоя подпись, собирайся, поехали.

– Я передумала.

Натаниэль опешил.

– Почему? – глупо спросил он.

– Это было бы ошибкой, я не хочу строить свою новую жизнь на лжи.

– Какой лжи?

– Я думаю, отец тебе еще не сказал – я дочь человека, который виновен в смерти твоей мамы.

Сказать то, что Натаниэль был потрясен до глубины души, значит не сказать ничего.

– Но...

– Поговорим потом, уходи – и Либерти попыталась закрыть дверь, но Натаниэль ей не позволил.

– Я требую объяснений. Я ...

– Пусть заходит – раздался тут голос невидимого собеседника Либерти.

– Беги! – заорала Либерти и, оттолкнув Натаниэля, захлопнула дверь.

Но ровно через секунду тяжелая металлическая дверь была снесена небольшим взрывом, её сорвало с петель, и она ударилась о стену, а следом за ней из лаборатории вылетела Либерти вся в крови, но тем не менее она не упала.

– Убегай! – завопила она обалдевшему Натаниэлю и тут в дверном проёме он на мгновение увидел какую-то фигуру в черном, но тут же Либерти бросилась на неё, и они исчезли в белых клубах дыма.

Эль долго не раздумывая рванул к Либерти на помощь, но к его величайшему изумлению в лаборатории уже никого не было. Он добросовестно дождался, когда рассеяться весь дым, надеясь увидеть потайной ход, но ничего такого не нашёл. Решив, что он сходит с ума Натаниэль позвонил отцу.

Прибывший на зов Клинтвуд сначала только хватался за голову и что-то бессвязно бормотал, но Натаниэль не подался панике.

– Отец, где у тебя тут потайная дверь?

Клинтвуд замер на месте, а потом махнул рукой.

– В лаборатории только одна дверь – он указал на грудку искореженного металла.

– Тогда куда делись Либерти и этот преступник в черном?

– Ты всё равно не поверишь.

– А ты попробуй.

– Либерти похитил какой-то сильный маг, и, судя по твоему описанию, я догадываюсь какой именно, они сейчас в другом мире.

– Что за бред – вспылел Натаниэль – у нас тут горе, а ты шуточки шутить изволишь.

– Я не шучу.

– Отец, параллельных миров не существует.

– Ошибаешься, Эль, они есть и настолько реальны, что диву даешься. Я сейчас соберу свою машину и получу за Либерти, если ты со мной – добро пожаловать, а если нет – то на нет и суда нет.

– Я лучше позвоню в полицию.

– Они нам не помогут. Просто поверь мне, хотя бы один

раз в жизни.

Натаниэль дал отцу час, по истечении которого собирался заявить в полицию о похищении. Клинтвуд забежал, из различных тайников достал детали своей машины, заново собрал её, подключил запасной генератор энергии, напихал в сумку непонятных вещей, а потом зашел в резервуар с водой.

– Эль, иди сюда, ляг на дно и считай до трех.

Натаниэль с тоской подумал, что еще немного и он пополнит собой ряды сумасшедших, однако молча исполнил всё сказанное.

Раз – как только выберется отсюда, то сразу сдаст отца профессионалам.

Два – такое чувство, как будто падаешь во сне, а вдруг это просо кошмар, и он скоро проснется?

Три – воздух кончается, нужно выныривать и заняться делом.

Эль открыл глаза и встал, но тут же опять погрузился под воду, ибо дна не было. Тут он почувствовал, что его тянут вверх, секунда и отец вытащил его на берег. Вокруг них шумел лес, с грохотом падал водопад, дул теплый ветерок. Натаниэль таращил глаза изо всех сил, но мозг отказывался им верить.

– Ну вот, а ты мне не верил. Вставай, нужно успеет за подмогой, боюсь мы одни с этим делом не справимся.

Либерти не было чуждо чувство страха, но оно у неё было

в форме инстинкта самосохранения. В какие бы передраги она бы не попадала, ей всегда удавалось выйти сухой из воды, ибо в отличие от большинства авантюристов Либерти умела вовремя остановиться. И при этом она привыкла, что опасность грозит только ей одной, не трогая её семью и друзей, которые и знать не знали о её странном влечении ко всему странному и ужасному. Но в это раз всё пошло наперекосяк.

Как только датчики показали чье-то присутствие в лаборатории, то Либерти стремглав рванула туда, заломила крутой вираж и побив все мировые рекорды по бегу залетела в лабораторию, сбив с ног какого-то человека в черном балахоне.

– Ага, попался! – Либерти завернула незнакомцу одну руку, но тот лишь щелкнул пальцами свободной руки, и её отбросило в сторону. Ясно, магия. Но ничего и не таких ломали, сейчас, о, чёрт возьми!

Перед Либерти, гаденько ухмыляясь стоял Бальтор – главный чернокнижник Лейна, маг высшей категории, и просто злющий и коварнейший человек. И самое ужасное, но Либерти знала, зачем он пришел, и он тоже знал, так что притворяться не было смысла.

– Отдай сразу, и мы обойдёмся без крови.

– Твоей или моей? – нагло поинтересовалась Либерти, уже придя в себя.

Бальтор оценил её смелость и пустился в долгие уговоры, обещая золотые горы и безграничную власть. Либерти слу-

шала его вполуха, стараясь придумать план бегства, ибо в данный момент удача была не на её стороне.

– И мы вместе будем править миром, а можно и мирами. Только дай мне эликсир, я знаю, ты не разбила его тогда в склепе, а забрала с собой. А еще лучше, напиши мне формулу, и мы расстанемся друзьями.

– Нет.

– Может ты меня невнимательно слушала? Я предлагаю тебе власть, деньги, вечную жизнь, не будь дуррой, бери, пока дают.

– Интересно, если у тебя всё это есть, зачем тогда я тебе понадобилась? Продайте душу и будите жить вечно, правда всё мирское тебе уже будет пофигу, но разве это большая плата за бессмертие?

– Это твой окончательный ответ?

– Да.

– Что же, я считал тебя умнее – и Бальтор принялся за «тяжелые» методы убеждения, которые прервал приход Натаниэля.

Далее все события разворачивались следующим образом – оттолкнув Эля Либерти набросилась на Бальтора и успела воткнуть ему в плечо один стелпс, как тут он выкрикнул заклинание «Переход», и они очутились в Лейне, в Черной зале Имперской Академии Магии, где Либерти и прибывает по сей день, прикованной кандалами к стене в своей бывшей лаборатории. Бальтор, соблюдая строжайшую секретность,

не решился применять к ней пытки, тем более, что Либерти пригрозила ему жутким проклятьем, которое она найдет на него в случае смерти. Бальтор предпочел не рисковать, ведь Либерти была одной лучшей его учениц, мало ли что может выкинуть, ведь эликсир бессмертия сделала, так что нужен был другой способ, чтобы заставить её делать то, что он хочет. Усиленное шевеление мозгами дало свои плоды – нужен заложник, да такой, чтобы Либерти сама предложила сделать этот разнесчастный эликсир. Но кто? Единственный, кого Либерти любила уже умер, вроде есть еще как его, Вальмор, но разве можно считать его подходящим, если Либерти ушла от него в другой мир. Видимо опять придется лететь на Землю и ловить того любопытного балбеса, которого Либерти так просила уйти, наверное, он ей дорог. Да уж, путешествовать между мирами с помощью магии довольно неприятно, ведь маг сам выступает в роли источника энергии, надо же, какая вредная девчонка, ну что ей жалкой эликсира, он же поделится с нею всем, у, тварюга.

Вереницу мыслей Бальтора прервало сообщение от директора Академии – к нему с обыском направлялась целая делегация с миледи Гиленхаал во главе, в связи с чем ему следует отложить посох и ждать последующих указаний.

Вон как дело обернулось, у этой девчонки оказались могущественные заступники, но ничего, это пока еще не конец, нужно идти ва-банк. Бальтор отдал пару приказов своим верным «Черным летунам», потом сам спустился в холл

и ничего не объясняя, схватил из толпы врагов первого попавшегося человека и тут же телепортировался с ним к себе в Залу. «Черные летуны» уже тоже были здесь, Бальтор велел им охранять вход, а сам с пленником пошел к Либерти.

8

Когда Либерти увидела, кого к ней привёл Бальтор, её чуть удар не хватил, как этот кретин мог оказаться здесь, ну теперь точно всё пропало.

– Давай эликсир – Бальтор приставил к горлу заложника нож, заложник, а если быть точнее, то Натаниэль, испуганно заверещал.

– Думаешь, я его с собой ношу? – огрызнулась Либерти.

– Тогда формулу, а не то перережу горло твоему дружку и вся недолга.

– Фи, как грубо, вы же маг, Бальтор.

– Мы опять на вы?

Тут в дверь начали ломиться и Бальтор занервничал.

– Формулу, Либерти.

– Перо дайте, и бумагу, и руки освободите, ни ногами же мне писать.

– Одной руки тебе хватит за глаза. И пиши правду, а не то я тебя и из-под земли достану.

Либерти начала писать, а в это время защищенная заклятиями дверь стала поддаваться, ибо в дело вступил сам директор Академии.

– Быстрей – Бальтор для нужного эффекта пустил Элю немного крови, и Либерти застрочила как пулемет – всё? Давай сюда.

– Теперь отпустите Натаниэля.

– Ты в своём уме, девчонка, этот парень моя единственная гарантия, что ты мне не соврала. Мы сейчас с ним уйдём в другой мир, где я сделаю эликсир, и он попробует его первым. Что, ты еще не хочешь ничего изменить в своих записях? Нет? Тем лучше для тебя и него. Прощай! – И Бальтор стал читать заклятье «перехода».

Либерти каким-то невероятным способом извернулась, рванулась вперёд насколько позволяла цепь и сумела-таки выхватить у Бальтора, уже окруженного мерцающей дымкой, жезл, а потом со всей силы ударила его об стену, переломив надвое. Бальтор закричал словно раненный зверь, отшвырнул Эля и кинулся к Либерти, размахивая ножом. От первого удара либерти увернулась, но цепь не давал ей возможности проявить все свои способности, поэтому второй удар достиг цели, Либерти упала, а из рассеченного плеча потекла кровь, Бальтор замахнулся еще раз и ... Нож попал в бок, разрывая плоть и внутренние органы, кровь хлестала фонтаном, заливая всё подряд – пол, стены, одежду.

– Нет! – закричала Либерти, да-да, кричала именно Либерти, а умирал сейчас Натаниэль, который встал между ней и обезумевшим от ненависти Бальтором. Нечеловеческий ужас захлестнул душу Либерти – опять умирает тот, кто ей дорог, нет, только не это. Ужас, ненависть, ярость придали Либерти силы, и она смогла вырвать из стены железные крючья, которыми она была прикована, а потом она накинулась

на Бальтора, обвила вокруг его шеи цепь и стала душить. Тут наконец дверь распахнулась и в комнату вбежало несколько человек.

– Сынок! – Клинтвуд бросился к лежащему на полу Натаниэлю.

– Отпустите его! – сказал директор Академии либерти, но она лишь потуже затянула цепь и вскоре Бальтор обмяк.

В комнате повисла тишина, присутствующий тут же Вальмор во все глаза смотрел на Либерти, его драгоценную приемную дочку, такую милу и добрую ... УБИЙЦУ!

– Тело Бальтора нужно сжечь – Либерти пошатываясь подошла к Натаниэлю, в глазах плыло, раненное плечо болело словно в него втыкали раскаленные иголки – как он, Клинтвуд?

– Он умер.

Хором зарыдали миледи Гилнехаал и еще одна магичка. Либерти же поделала над лежащим Элем какие-то пасы руками, а потом присела рядом и стянула перчатку.

– Что ты делаешь? – спросил Клинтвуд.

– Душа еще здесь, а тело мы оживим – Либерти подобрала нож и распорол перчатку, откуда ей в ладонку выпал маленький пластмассовый флакончик, тот, в котором Клинтвуд когда-то подарил Лилии духи – пробники.

Ох, не для Эля был создан этот эликсир, а для того, кто выбрал вечность, но Эль в отличии от него хотел жить, и Либерти могла ему помочь. Капля за каплей бесценный элик-

сир возвращал жизнь Натаниэлю – сначала забилося сердце, потом порозовели щеки, затянулась страшная ран и вот, он уже открыл глаза.

– Живой – Либерти улыбнулась, а потом упала без чувств.

Либерти потеряла много крови и поэтому пришла в себя не сразу, сознание возвращалось к ней небольшими кусочками, иногда она даже не могла понять наяву всё это происходит или во сне. И вот однажды открыв глаза, Либерти увидела над собой лицо женщины, которое показалось ей смутно знакомым. Либерти долго всматривалась, а потом неуверенно спросила:

– Мама, это ты?

Женщина улыбнулась и погладила её по щеке.

– Мама, мамочка – но силы опять оставили Либерти, и она заснула.

Ничто не длится вечно, даже болезнь, крепкий организм Либерти наконец справился с хворью и она смогла встать с постели. Всё это время она находилась в доме у Вальмора, Лилии кормила её с ложечки, Вальмор – младший и Элиенора не слезали с её колен, чудом выживший Натаниэль теперь обожал её куда больше чем до этого случая и всё порывался рассказать всем, кто хотел его выслушать о том, что с ним было в момент его клинической смерти, Клинтвуд отбыл на Землю улаживать дела, а то они так внезапно исчез-

ли, еще кто-нибудь в полицию заявит. Вот только Вальмор сторонился либерти не в силах забыть ту страшную сцену. Либерти было очень грустно, ведь как ни крути, а он был её семьей. И вот, когда Лилия повезла детей в Инварь на парад Имперской стражи и захватила с собой Эля (который теперь окончательно уверовал в параллельные миры, магию и ангелов-хранителей), то Либерти решила поговорить с Вальмором начистоту. Дождавшись окончания уроков, она подошла к нему и обняла.

– Что случилось, Либерти? – Вальмор был удивлен, ибо Либерти никогда не была сентиментальной.

– Ты меня больше не любишь, да, Вальмор?

– Почему ты так решила?

– Я живу здесь столько дней, а мы и парой слов не перекинулись. Ты, наверное, поражен тем, что я убила Бальтора, но у меня не было другого выхода, он ведь убил Эля и если бы не эликсир, то всё было бы иначе.

Вальмор вздохнул.

– Знаешь, чему я удивляюсь, Либерти? Нет, не твоему поступку, людям не дано знать, как они поступят в той или иной ситуации, а тому, почему я не смог увидеть в тебе тех черт, которые привели к этому. Я всегда слишком сильно любил тебя, не замечая твоих недостатков – ты ведь росла в приличной семье, обучалась в лучшем пансионе, много лет жила в высшем обществе, и я думал, что всё хорошо, но никогда, и теперь я это понимаю, я никогда не был тебе хоро-

шим отцом, другом, да, но не отцом и мне горько это осознавать. Ты не виновата, что выросла такой, и я боюсь, что у нас теперь не будет времени, чтобы всё исправить.

Либерти смотрела на Вальмора и с трудом сдерживалась, чтобы не заговорить – бедный, добрый и простодушный Вальмор, он винит себя в том, что она такая, какая есть, если бы он знал всю правду, которую она скрывала годами, ведь ложь – такое сильно искушение. Что никогда она не была хорошей девочкой, что детство её прошло в Эонфлаксе среди воров, убийц и проституток, что она уже родилась с болезненной склонностью ко всему о чем приличные люди стараются даже не думать, что ради своих близких она убьет тысячи людей без малейшего сожаления и раскаяния, и что она никогда не была как все и скорее всего уже не будет. Но Вальмор этого никогда не узнает, пусть он сейчас пострадает немного, а потом простит её, как все святые родители, которые любят своих чад, даже если они оказываются порождением зла и разбивают им сердца. Такова жизнь, в каком бы мире вы не находились.

– Эль, а если бы я не спасла тебе жизнь, то как бы ты ко мне относился? – спросила Либерти у Эля, когда они по заданию Лилию пололи грядку с морковью.

– В каком смысле?

– Ну, помнишь я тебе сказала, что мой отец виноват в смерти твоей мамы.

– Я расспросил отца, пока ты болела – Натаниэль на минутку остановился – дело даже ни в том, что ты меня спасла, я всё решил для себя еще до этого инцидента – дети никогда не несут ответственности за грехи своих родителей. И если уж мой отец смог принять тебя, то разве я имею право осуждать и ненавидеть тебя за то, в чем ты не виновата, ведь тебя тогда еще даже в проекте не было. Так что когда мы вернемся домой, то ты станешь моей законной сестрой.

– Не обижайся, Эль, но я действительно передумала, просто во время болезни я видела маму, я думаю это знак, что я должна наконец найти своих настоящих родителей.

При этих словах Натаниэль почему-то занервничал и принялся наряду с сорняками выдергивать из земли и морковь.

– Ты что делаешь? А ну-ка, Эль, ты явно что-то скрываешь.

– Что за чушь. Я и скрываю, да я самый честнейший человек на свете.

– Знаем какой ты честный, а кто вечно прятал от меня шоколадные конфеты и говорил, что они закончились?

– Да ты их пожираешь без счета, не напасешься.

– Просто в Лейне шоколад трудно достать, вот я и сорвалась.

– Ага, три месяца подряд срывалась, я всё думал, когда тебя наконец стошнит.

– У, конфет пожалел, жадный ты Эль, у тебя, наверное, и снега зимой не выпросишь.

– Я не жадный – оскорбился Эль – я просто ем медленнее, не то что ты, ам – и килограмма как не бывало. И вообще, как у такой славной женщины как Герта мог родиться такой проглот как ты?

– Что ты сказал?

– Ты о чём?

– Не юли, откуда ты знаешь мою маму, а? Отвечай, а не то ... короче плохо тебе тогда будет.

– Ой-ой, напугала.

Когда Лилия пришла принимать работу, то два её помощничка вовсю катались по земле, дубася друг друга чем под руку попадет.

– Либерти, Натаниэль, что вы творите?

Драчуны, тяжело дыша, разошлись.

– Что случилось?

– А Эль что-то знает про мою маму и не говорит – Либерти успела пожаловаться первой.

– Я сразу сказала, что скрывать сей факт очень глупо – Лилия естественно взяла сторону Либерти – Либерти, твоя мама нашлась и сейчас они с Клинтвудом в мире твоего отца. И ни сегодня – завтра он уже вернуться.

– Вы обе подтвердите, что проговорился не я – Натаниэль своим выкриком испортил весь момент, и Либерти приступила с расспросами к лилии.

Мама... Мамочка... Мамусек...

Когда-то Либерти так называла Нивею, подобравшую её еще младенцем, но мысли о своей настоящей маме никогда не покидали её, как бы она не старалась от них избавиться. Потом она узнала историю своего рождения, и надежда отыскать маму вспыхнула с новой силой – Либерти хотела знать почему она оставила её в Эонфлаксе, почему не вернулась за ней, почему забыла о дочери на целых 17 лет? Ведь сложились всё иначе, может быть Либерти была бы совсем другой – веселой и жизнерадостной, знать не знавшей что такое боль и страх. Но вместе с обидой и злостью в душе Либерти таилась и печаль – печаль о безвозвратно потерянном времени, когда она так нуждалась в материнской заботе, и которую ей так и не суждено было испытать.

– Волнуешься? – Натаниэль дружески похлопал Либерти по плечу – не стоит, Герта вроде ничего.

– Какая она?

– Сама увидишь, она просила не волновать тебя раньше

времени.

– Тоже мне, курица – наседка.

– Она у тебя по крайне мере есть – с нажимом сказал Натаниэль – не руби с плеча, сначала поговорите, а там посмотрим.

Либерти стало стыдно – ведь у Натаниэля мамы не было, а она тут нос воротит, даже еще ни в чем не разобравшись.

Как обычно, то чего сильно ждешь происходит именно в тот момент, когда ты отвлекаешься. Вот и Либерти приготовила к встрече с мамой торжественную речь, отрепетировала все свои движения и даже мимику, а потом выскочила на секунду в сад за яблоками, а когда вернулась, то в кухне уже была её мама, которая разливала чай, остальные же домочадцы словно испарились. Встать в позу и декламировать свои претензии – прощения было уже как-то глупо, и Либерти застыла на пороге, не зная, что сказать.

– Будешь чаю, дочка? – спросила тут Герта.

– Буду, мне с ...

– Двумя кусочками сахара, я знаю, Вальмор сказал.

Либерти наконец избавилась от корзинки с яблоками, которая казалось намертво к ней приклеилась и села за стол. Сначала они молча смотрели друг на друга – Герта была еще молодой, красивые зеленые глаза, белая кожа, роскошные рыжие волосы, еще от неё веяло какой-то уютной добротой и Либерти решила не затевать ссору, а поговорить по душам, но Герта её опередила.

– Ты, наверное, хочешь знать, почему я тебя оставила?

– Хочу.

– Дело в том, что я тебя не оставляла, тебя у меня забрали.

– Кто?

– Начну с самого начала – я встретила Арко в своем родном мире – Мериале, он был красив, умения не похож на других. Так как мой отец был достаточно богат, то я смогла выйти замуж по любви, ибо Арко был бедным, даже нищим. Но прожили мы вместе всего ничего, когда я была на третьем месяце беременности, от меня похитил Клинтвуд, он же и рассказал мне о прошлом моего мужа – и так плохо, и так нехорошо. Я не хотела возвращаться к Арко, но я и не хотела быть орудием мести, я просто хотела домой – и вот в этот самый трудный момент в моей жизни родилась ты, либерти, моё утешение и моя отрада. Когда тебе минул месяц, я сбежала, используя машину Клинтвуда, но я умела только ее запускать, а не выставлять координаты, так я попала сюда, в Лейн, в местечко под названием...

– Эонфлакс.

– Да, будь он трижды проклят. Я просто шла по улице, когда на меня напали и жестоко избили, вырвав из рук корзину, где лежала ты. Последнее, что я помню, перед тем, как потерять сознание, это убегающих бандитов, за которыми гнались люди в доспехах и с копьями.

– Это скорее всего были ведонги, имперская стража. Значит бандиты меня просто выкинули, чтобы было легче

скрыться.

– Я пришла в себя на корабле, который вез меня на Драконьи острова, на работные поля. Все нищие, бездомные и прочие подобные им должны были отработать там пять лет бесплатно в пользу Империи и еще пять лет за мизерные заработок, чтобы накопить денег на обратный билет. Бежать было некуда – вокруг океан, но в конце концов эти десять лет прошли, и я вернулась в Прериаль, приехала в Эонфлакс и не смогла тебя найти, несмотря на все мои старания. И только спустя еще несколько лет я услышала сплетни о Бальторе и его ученице, которая хоть и не была наделена Силой, но всё ж поступила в Имперскую Академию Магии и тогда я поняла, что это ты. Не знаю почему, но я в это свято верила, я бросила все свои дела, работу и приехала в Инварь, но опять тебя не застала, ты уже в это время была на Земле. Но на этот раз я решила идти до конца – опросила чуть ли не всех мэтров Академии, в процессе всплыло имя миледи Гиленхаал, я поехал к ней, она рассказала мне о Вальморе и вот, наконец я узнала где ты и что с тобой всё хорошо. Конечно, я нервничала из-за Ларского, но надеялась, что Бог уберезет тебя и на этот раз, так и вышло. А потом ты вернулась ко мне и теперь мы уже никогда не расстанемся.

Они проговорили до глубокой ночи и разошлись по комнатам, только когда стали засыпать на полуслове.

Человек очень странное существо, эмоции и чувства делают его жизнь настолько разнообразной, что только диву даешься, как все это умещается в одной голове. Возможно из-за этого и происходят все эти несуразности, типа того, что человек может простить того, кот его предал и ненавидеть тех, кого сам любил.

Примерно такие нестыковки происходили сейчас и в жизни Либерти. Сценаристы слезливых сериалов с Земли умерли бы от счастья, если бы Либерти рассказала им хоть малую долю из всего с ней случившегося.

Итак, её мама простила Клинтвуда, Клинтвуд был полон раскаяния, Либерти поняла и простила маму, Вальмор тоже уже стал относиться к Либерти по-прежнему, Эль, получивший веское доказательство того, что все эти годы его отец говорил правду, попросил у Клинтвуда прощение и тот его естественно простил. Одним словом, всеобщее братание и сладкий сироп сверху. Но, к сожалению, без ложки дегтя не смогла обойтись и эта бочка меда.

– Мама, Лилия сказала, что вы с Клинтвудом летали в мир моего отца, вы его видели? – спросила Либерти после трех идеально прожитых дня.

Сидящие тут же Вальмор, лилия и натаниэль поспешно развесили уши, ибо этот вопрос интересовал их не меньше

самой Либерти. Герта посмотрела на Клинтвуда, но тот только что под стол не залез, так что говорить пришлось ей.

– Да, мы были в моём родном мире и надо сказать, что он очень изменился, одним словом, твой отец стал государем всего Мериала, а ты, как его единственная дочь, являешься законной наследницей престола.

– А? Но как? То есть как так? Объясни получше, что-то я не врубаюсь.

– Мы нашли одного достоверного свидетеля, который поведал нам о том, что дела Арко все эти годы – после моего похищения он подался к магам, надеясь, что они помогут ему вернуться на Землю. В моём мире даже последний ту-пица может освоить магию, и вскоре Арко приобрел некоторый вес, ибо был очень умным и дальновидным, его заметили при дворе государя Перона и пригласили в Совет Магов, потом Перон сделал его своей правой рукой, доверенным лицом, а потом и вовсе завещал ему престол.

– А как же дети Перона, ведь они же должны же были протестовать?

– В Мериале нет закона о родовом престолонаследии, государь волен выбрать себе приемника из наиболее достойных на его взгляд людей. Конечно знать и дети Перона были недовольны, но Арко едва став государем после смерти Перона жестоко подавил мятеж. Те, кто остался в живых побоялись дальше высказывать недовольство и началась новый виток истории – его величества государя Арко Ван дер Вер-

дена.

– Уф, а я уж испугалась, что меня заставят править – взбодрилась Либерти.

Герта кашлянула и либерти поняла, что рано начал радоваться.

– Это еще не все, Арко был строгим, но справедливым правителем, первый шок прошел и все стали привыкать, а через десять лет никто уже и не представлял себе другой жизни. Тем временем Арко тяжело заболел и начал искать себе приемника и его выбор пал на воина-мага Альтаира, которого он воспитал как своего родного сына. С каждым годом Арко все больше слабел и вот наконец в этом году решил передать корону Альтаиру, но тут появились мы с Клинтвудом и Арко завещал престол тебе, Либерти.

– Что за глупая мысль – нужно вернуться и всё исправить – возмущенно заявила Либерти.

– Увы, но это невозможно – сказал Клинтвуд.

– Почему?

– Арко умер у нас на руках – сказал Герта – но пред этим он успел подписать указ о том, что теперь ты государыня всего Мериала.

У Либерти отвисла челюсть, впрочем, ни у неё одной – Лилия, Вальмор и Натаниэль тоже пораскрывали рты и во все глаза пялились на Либерти, словно у неё выросли рога или крылья.

– Но почему он сделал это, мы же никогда не виделись? –

кое-как выдавила из себя Либерти.

– Ты его кровь и этим всё сказано. Он не смог тебя вырастить, зато сделал, по его мнению, шикарный подарок, ведь все хотят быть королевами и принцессами.

– А я не хочу – твёрдо заявила Либерти, отмахиваясь от Натаниэля, который шипел – соглашайся – и сейчас же готова подписать бумаги в пользу этого мага, Альтаира вроде.

– В законе сказано, что ты можешь передать престол только после трехлетнего срока правления – добавил тут Клинвуд.

– Ах так, это что же получается, что без меня меня женили?! Так дело не пойдет, я отказываюсь, и пусть они в этом Мериале делают все, что хотят, я умываю руки.

– Тебя буду искать – сказал Герта.

– Пусть ищут. Клинтвуд, Эль, мама мы возвращаемся на Землю, там легче затеряться. Вальмор, Лилия еще увидимся. А теперь ходу-ходу, ведь если меня поймают из-за вас, то первым же указом я вас казню.

Подгоняемые Либерти и щедро облитые прощальными слезами Лилии вся компания устремилась к Волчьему водопаду, где благополучно перенеслись на Землю.

– Зря ты отказалась – сказал Эль, они с Либерти загорали у бассейна, а Герта и Клинвуд уехали в магазин.

– Ничего не зря, я только начала дышать полной грудью, у меня столько планов – выучить разные языки, попутешествовать между мирами, искать артефакты, биться с чудо-

вищами, научиться высшей магии, стать хорошим бойцом и учти, всё нужно сделать пока есть силы и время, а тут три года сидеть на одном месте. Я не выдержу.

– Ты слишком торопишься жить – сказал Натаниэль.

– Что?

– Ты торопишься жить, остановись хоть на секунду, завтра же не конец света.

– А вдруг?

Их беседу, грозившуюся перерасти в ссору, прервало появление Вискаса и Фрискаса, они выскочили из дома и мигом забрались на дерево.

– Чего это они? – удивился Натаниэль, а потом просто подпрыгнул на шезлонге – они почуяли магию, в доме кто-то чужой. Либерти, что делать?

– Что-что, проведем разведку боем – я возьму вот эту ко-чергу для гриля, а ты возьми теннисную ракетку. Взял? Тогда пошли.

Они на цыпочках пробрались в холл, Натаниэль рвался в бой, но Либерти резонно заметила, что второго флакона с живой водой у неё нет, так что им пришлось проявлять чудеса ловкости, чтобы остаться незамеченными. И этот план принес плоды – Либерти и Натаниэль осторожно выглянули из-за очередного угла и тут же увидели человека, который стоял к ним спиной, в руках у него был жезл.

– Маг – Либерти недобро усмехнулась – Эль, сейчас мы его оприходуем, я выбиваю жезл, а ты валишь его с ног.

Незнакомец даже глазом моргнуть не успел, как оказался на полу со связными рукам и ногами и с кляпов во рту. А Натаниэль и Либерти, издавая победные кличи, поволокли его в гостиную.

Клинтвуд и Герта зашли в дом и тут же наткнулись на Либерти и Натаниэля, которые выглядели так, словно им только что вручили Нобелевскую премию и Оскар в придачу.

– Мы поймали врага – захлёбываясь от восторга, доложил Эль – я как двину ему по ногам, а Либерти по жезлу, он бух – и на пол, мы сверху – тут у него кончилось дыхание, и он был вынужден перевести дух.

– Ну что же, давайте посмотрим на вашу добычу – Клинтвуд и Герта прошли в гостиную и внезапно оцепенели.

– Что, хорош? – Либерти похлопал пленника по голове – только все время молчи, гад.

А вы пробовали развязать ему рот? – слабым голосом поинтересовалась Герта – и вообще, развяжите го, это не враг, а Альтаир.

– Тот самый? – вырвалось у Натаниэля.

Либерти вмиг посуровела – нашла-таки, сволочи и она пальцем не пошевелила, чтобы освободить Альтаира. Эль тоже не спешил, так что развязывать все узлы пришлось Клинтвудуд и Герте. Альтаир встал, молча забрал у Натаниэля свой жезл и меч, а потом вперил в Либерти тяжелый взгляд.

Сейчас, когда прошел боевой запал, Либерти могла оценить Альтаира по достоинству – здоровенный: два на два метра, сильный, если бы не фактор внезапности, то ей с Натаниэлем пришлось бы худо. Тем более от него просто веяло какой-то мужественностью, и впечатлительные барышни наверняка падали перед ним ниц и рыдали от восторга. Но с ней это фокус не пройдет, может хоть весь день тарашиться, ей и дела нет, жаль только, что сразу его не прибили, теперь явно не дадут.

– Вы напали на воина – мага со спины, вдвоем, без предупреждения – пророкотал наконец Альтаир – и я имею право требовать честного поединка. Сначала вы – и он указал на Натаниэля.

– Не лезь к нему – Либерти встала между парнями.

– Да, не лезь ко мне – пискнул Эль из-за её спины.

– Ты не имеешь здесь никаких прав, ибо ты без разрешения проник в наш дом с оружием в руках и хочешь, чтобы мы встретили тебя с распростертыми объятиями – холодно заметила Либерти.

Она была права, и Альтаир кое-как подавил свой гнев.

– Признаю свою оплошность. А теперь позвольте представиться – Альтаир Гедемин, воин-маг, доверенное лицо его величества государя всего Мериаля Арко Ван дер Вердена, прибывший на Землю...

– Можешь прямо сейчас отбыть обратно – перебила его соловьиные трели Либерти – тебе тут никто не рад и чем раньше ты исчезнешь из нашей жизни, тем лучше – и, обидно похихикивая, Либерти с Натаниэлем покинули гостиную

Либерти вышла из своей комнаты только на следующий день. Позёвывая, она поплелась в столовую, был уже одиннадцатый час, но так как сейчас в их доме готовила Герта, то Либерти могла позволить себе поваляться в кровати подольше. Стол был накрыт и либерти уже успела прикинуть, что она съест первым, как тут из-за оконной портьеры вышел Альтаир в земном прикиде, но с жезлом. Либерти чуть удар не хватил от испуга.

– Ты чего здесь делаешь?! – завопила она, едва к ней вернулся голос.

– Клинтвуд любезно разрешил мне остаться в ЕГО доме на

всё время, которое мне понадобится, для того, чтобы уговорить вас, государыня, вступить на престол Мериала.

– И не надейся – либерти со всей злостью плюхнулась на стул и налила себе кофе – черт, холодный.

– Нужно раньше вставать – заметил Альтаир.

– Можно промолчать – огрызнулась Либерти.

– Герта уже два раза разогревала завтрак – продолжал Альтаир как ни в чем не бывало – нельзя проявлять неуважение к чужому труду.

– Пошел вон отсюда, моралист фигов! – заорала Либерти и с удовольствием заметила, что с Альтаира спала его маска вежливости.

– Если вы станете государыней, то я вам не присягну, вы же самовлюбленная истеричка.

– Если я стану государыней, то сошлю тебя на галеры или в рудники.

– Да я бы вперед утопился с горя, чтобы только не видеть ваших дел, которые приведут мое государство к гибели.

– И не увидишь, так как я не собираюсь добровольно лести в эту петлю. Прими это к сведению и убирайся.

– Я не могу нарушить слово, данное вашему отцу – Альтаир взял себя в руки – я обязан применить все старания, чтобы вы стали государыней.

– Мой отец умер, ему все равно.

– Зато мне не все равно – я покину вас только после церемонии коронования. А пока вам придется видеть меня еже-

дневно и ежечасно.

– Ненавижу – прошипела Либерти.

– Это ваше право – Альтаир элегантно поклонился ей и ушел, оставив Либерти заедать злость бутербродом с сыром.

– Зачем вы разрешили ему остаться, Клинтвуд?! – Либерти уже добрых полчаса скандалила в рабочем кабинете Ларского.

– Пойми, Либерти, ты уже взрослая и не должна прятаться от проблем.

– Да у меня нет никаких проблем, кроме Альтаира, я ему уже сто раз сказала, что я не хочу быть государыней, а он и в ус не дует.

– Что же, скажи сто один раз, но только так, чтобы он это понял.

– Но как?

– Это ты должна решить сама. Тем более я завтра уезжаю на курорт, мне прислал приглашение старый друг, и я возьму с собой Натаниэля, чтобы вы могли решить свои семейные проблемы без лишних глаз и ушей.

– Но Клинтвуд...

– Либерти, это мое последнее слово.

Но Эль ехать на курорт отказался категорически.

– Знаю я эти курорты – толпы престарелых ученых, которые даже на отдыхе не перестают обсуждать свои опыты и работы.

– Но ты тоже ученый – сказала Либерти.

– Да, но я не зануда, я люблю действовать, а не сотрясать воздух пустой болтовней.

В итоге на курорт отбыло старшее поколение в лице Клинтвуда и Герты, которой не мешало подлечиться, ведь плантации Драконьих островов никому не проходят даром. Натаниэлю же вменялось в обязанность показать Либерти и Альтаиру все близлежащие культурные учреждения с просмотром их репертуара и последующим их обсуждением. Заверив отца и Герту, что все будет хорошо, Эль ринулся за билетами прямо с железнодорожного вокзала. И понеслось.

12

Натаниэль с удовольствием демонстрировал Либерти и Альтаиру культурные достижения Земной цивилизации – музеи, театры, картинные галереи чередовались с поразительной быстротой и также поразительно не производили на двух пришельцев должного впечатления. Конечно, кое-что им нравилось, но всегда не то, что Натаниэль им рекомендовал, отчего он жутко злился и прямо-таки угрожающе заявлял:

– Я сделаю из вас культурных людей – после чего мчался за очередными билетами.

Последней каплей стала опера в суперсовременной постановке с футуристическими декорациями, нелепыми костюмами и длиннющими ариями на иностранном языке. Так как это был последний писк моды, то люди терпели, а Натаниэлю даже понравилось. Но тут краем глаза он заметил, что Либерти наклонилась к уху Альтаира, явно что бы что-то сказать. Прошло несколько минут – она ему что там «Войну и мир» пересказывает? Эль выждал еще немного и сам наклонился к ним, чтобы узнать в чем дело. Ну, узнал – Либерти дремала, положив голову на плечо Альтаира, а сам Альтаир спал с открытыми глазами. Какой позор, ели дождавшись антракта, Натаниэль устроил скандал, после чего Альтаир заявил, что с него хватит и в знак протеста он пошел в

буфет, где продегустировал местные спиртные изделия. Испугавшись, что Натаниэль заставит её смотреть этот кошмар до конца, Либерти тоже опрокинула пару стаканчиков, Эль же выпил с горя, после чего их вежливо выставили из театра. Кое-как доехав до дома втроем на одном украденном велосипеде, они пошуровали в баре и прикончили две бутылки вина, после чего простили друг другу все обиды и недостатки. Альтаир клятвенно обещал больше не читать морали, которые всех бесили тем, что всегда оказывались правильными, Эль божился больше не отбирать и не прятать от Либерти и Альтаира шоколад, до которого они ба были большими охотниками, а Либерти в слезах просила не сердиться за неё за её острый язык. После распития коллекционной бутылки коньяка из личных запасов Клинтвуда их обуяла безудержная веселость, и они начали звонить по телефону незнакомым людям с дурацкими приколами, тип: «Алло, это дом Зайкиных? Нет? А почему тогда уши из трубки торчат?» или «Алло, это цирк? Нет? А почему тогда осёл у телефона?». Дальше – больше, они вышли на улицу и принялись пугать людей стуча в окна и завывая под дверьми, потом Альтаир не разобрав в темноте накинулся на дерево с мечом, приняв его за дендроида, меч воткнулся острием в ствол, и ударил Альтаира эфесов в живот, после чего доблестный воин-маг отключился. Либерти и Натаниэль мигом забыли о нем, погнавшись за летучей мышью, что было дальше – история умалчивает, но каким-то чудом Либерти утром проснулась в соб-

ственной кровати.

Голова не просто болела, а реально разваливалась на куски, хоть скотчем склеивай. Либерти, проклиная все на свете, побрела в ванную, потом на кухню, где выпила кучу таблеток. Звонок сотового застал её в момент, когда таблетки начали действовать, иначе этот писк её просто убил бы.

– Алло?

– Привет, как дела?

– Фигово – честно призналась Либерти – а кто это?

– Натаниэль.

– Ты где?

– Честно говоря, не знаю, но судя по открывающемуся внизу виду где-то на крыше.

– А что ты там делаешь?

– Если бы я знал, но хоть на свежем воздухе голова не так сильно болит. Я тут сейчас определяюсь с координатами, и ты меня заберешь.

Либерти поперлась одеваться, но тут её остановил звонок в дверь. Почесывая спутанные волосы Либерти открыла дверь, будучи уверенной, что это Альтаир. Но на крыльце стояла милостивая черноволосая девушка.

– Извините, но это, по-моему, ваше – с лукавой улыбкой девушка указала на тележку, в которой обычно возят листья, но теперь там свернувшись калачиком спал Альтаир.

– Да – Либерти хотела было отпереться, но поздно.

– Я нашла его в своем саду, и вот, доставила сюда, мы хоть и переехали недавно, но я уже всех соседей знаю. Кстати, меня зовут Веспер Линдт.

– Либерти. Давайте завезем его в дом – Либерти было ужасно стыдно, особенно за то, что она помнила лучше всего.

Приложив нечеловеческие усилия, Либерти и Веспер заволокли дрыхнувшего без задних ног Альтаира в его комнату, сняли ботинки и укрыли одеялом.

Тут опять зазвонил сотовый Либерти.

– Либерти, я на крыше Музея Древностей, сними меня отсюда, а то он скоро откроется.

– Это же далеко, а я не умею водить машину.

– У вас проблемы, я могу помочь – предложила Веспер.

– Не стоит беспокоиться.

– Пустяки, мне всё равно нечего делать. Куда вас отвезти?

– К Музею Древности, там еще один ...м-м... участник вчерашнего веселья.

Так как еще было раннее утро, то пробок на дорогах не было, впрочем, как и людей, так что Либерти и Веспер доехал идо пункта назначения в рекордные сроки. Натаниэль сидел на парапете, маскируясь под старинную статую, оживился он только тогда, когда Либерти достала из багажника складную лестницу. С проворством обезьяны Натаниэль спустился с небес на землю и только теперь заметил, что Либерти не одна. Покраснев как помидор, он быстро юркнул на

заднее сиденье, кое-как вякнув свое имя. Доставив их обратно домой Веспер вежливо попрощалась, понимая, что этим трои сейчас не до светских бесед.

– Вы только не подумайте, что у нас всегда так – Либерти проводила Веспер до двери – так глупо получилось.

– Бывает, надеюсь, мы еще увидимся, я живу в доме через дорогу.

– Обязательно, досвидание, и еще раз спасибо.

После избавления от улики – велосипеда, Либерти и Натаниэль придумали более-менее приличную отмазку о бутылке коньяка Клитвуда, ну а потом стали терпеливо ждать, когда проснется Альтаир, чтобы обвинить его во всех грехах. Начинать скандал прямо сейчас было бесполезно, ибо спроне Альтаир не огрызнулся и весь смысл в перепалке пропал. Зато, когда он наконец соизволил открыть свои бесстыжие очи и опрометчиво попросить стакан воды, то тут Либерти и Эль накинулись на него словно вороньё. Скандал длился почти целый день без перерыва на обед и телевизор, в конце концов Альтаир признал, что возможно всё это и он заварил, но к этому его подтолкнул Натаниэль с со своей дурацкой оперой, одним словом каждый считал, что виноват кто-то другой. Что же, всё как обычно.

13

На следующее утро за завтраком было решено нанести Веспер визит и там всеми доступными средствами постараться произвести наилучшее впечатление.

– И помните – наставительно сказал Натаниэль, завязывая у зеркала галстук, Альтаир уже оделся и сидя в кресле, улыбался своим мечтам, в которых на Либерти нападает дракон, сама Либерти всё не могла пристроить стелпсы к своему наряду – что на Земле встречают по одежке, а провожают по уму.

– Значит мы пропали – вздохнула Либерти, а Альтаир захихикал, ибо в его воображение Либерти не удалось уйти от дракона.

– Я вам пропаду – Натаниэль строго посмотрел на Альтаира, а потом перевел взгляд на Либерти – оставь стелпсы дома, ты же в гости идешь, а не на войну.

– Мало ли что.

– И что ты этими палочками сделаешь? – издевательски поинтересовался Альтаир – воткнешь в нос и задохнешься?

– Как же, держи карман шире – огрызнулась Либерти.

– Да ты что, знал бы ты как она с ними управляется, она же у нас супер-боец – и прежде чем Либерти успела заткнуть Натаниэлю рот, он выболтал всё, что знал о ней, а знал он, к её великому сожалению немало.

– Вот даже как – Альтаир бросил на Либерти заинтересованный взгляд – а ты ...

– Все разговоры потом, не хватало еще опоздать – Натаниэль последний раз взглянул в зеркало и погнал друзей прочь из дому.

Либерти, Эль и Альтаир сидели на диване в гостиной у Линдтов и лучезарно улыбались, так как все общепринятые темы для бесед были уже исчерпаны. Глава семейства, полковник Ричард Линдт с любопытством всматривался в эту троицу – он был знаком с трудами Ларского – старшего, знал, что у него есть сын, а кто тогда вот эти двое?

– Вы родственники? – может и бестактно, но с искренней заинтересованностью спросил Ричард.

Троица переглянулась, и слово взял Натаниэль:

– Сестра это моя сводная – кивок на Либерти – а это – кивок на Альтаира – придаток к ней – тут он получил ощутимый удар в бок от Альтаира – то есть это наш общий друг, а отец мой и мама Либерти на курорте, но скоро они вернуться и мы с удовольствием примем вас у нас.

Далее последовал взаимный обмен любезностями, после которых речь пошла о работах.

– Я археолог – сказал Натаниэль и, предупреждая последующие вопросы, быстро добавил – а Либерти еще не определилась с выбором, в вот Альтаир, он ... – тут вдохновение покинуло Эля, и он замолчал.

– Я воин – гордо заявил Альтаир – но пока нахожусь в вынужденным отпуске.

– Что вы говорите? – Ричард мигом ухватился за любимую тему – а в каких войсках вы служите?

– Хватит, дорогой, не начинай опять этот бесконечный гимн войне – перебила мужа миссис Линдт – слава Богу, что наша Веспер не пошла по его следам, хотя тоже выбрала нелегкую профессию – стала криминалистом в ФБР.

Дотоле чинно пивший чай Натаниэль поперхнулся и выплюнул всё содержимое рта на Либерти, та недолго думая въехала ему кулаком по плечу, а Альтаир же откровенно веселился, ничем не пытаясь помочь.

– Извините, но нам нужно идти – Натаниэль наконец откашлялся и стал прощаться – столько дел, знаете ли, столько дел.

Либерти и Альтаир недоумевали с чего это Натаниэль так переполошился, но протестовать не стали – дома всё выяснят. Веспер вызвалась их проводить, и каким-то образом получилось, что Альтаир и Либерти уже заходили в свой дом, а Веспер и Натаниэль еще не вышли из ограды Линдтов.

– Чего это Эль так быстро свернул наш визит? – вслух сказала Либерти – я только до шоколадного печенья добралась.

– Тебе бы только о жратве думать, никакой наблюдательности.

– Кто бы говорил, сам половину угощения стрескал и хоть бы хны – Либерти села на мягкий подоконник – и между про-

чим я заметила, что Эль занервничал, когда миссис Линдт сказала, что Веспер – криминалист. Интересно, что это такое?

Альтаир не ответил, он с любопытством взирал на Либерти.

– Чего глаза вылупил?

– Ты ведь не такая дуручка, какой кажешься.

– Надо же, заметил наконец.

– Честно говоря, я считал тебя злостной истеричкой, эгоисткой и просто сволочью.

– Как мило, а что, теперь так не считаешь?

– Нет, в тебе оказались скрыты и другие таланты, о которых мне поведал Натаниэль – ты хороший боец, преданный друг, ты умна, когда нужно умеешь быть хладнокровной и жестокой, хитра, находчива, но в то же время заботлива и нежна.

– Боже мой, какая речь и всё обо мне – но зря стараешься, Альтаир, я не буду государыней, хоть каждый день мне дифирамбы пой. Не моё это призвание, пойми наконец.

– А, по-моему, ты можешь стать хорошей правительницей, если захочешь. У тебя для этого есть все задатки.

– Вот именно, если захочу. А я не хочу. И ты меня не заставишь, разве что уволокешь в этот Мириаль силой, но этого никогда не будет.

– Думаешь, я не смогу с тобой справиться?

– Отнюдь. Признаю, в честном бою мне тебя не победить,

но как меня учили в «Чёрных Летунах»: подкрадись, убей, уйди. Без вычурных фраз и вызовов – нож в спину и все дела. И поверь мне – моя рука не дрогнет.

Альтаир усмехнулся, ох и непростая же эта девчонка, как кажется с первого взгляда, совсем непростая. Нужно менять тактику.

А Либерти, довольная произведенным эффектом, посмотрела в окно.

– Глянь-ка – сказала она Альтаиру – эти двое еще и полдороги не прошли.

И, мигом забыв о своём разговоре, Альтаир и Либерти припали к окну, на ходу придумывая шутки, которым ионии подколют Эля.

Кое-как преодолев наконец этот ничтожный клочок земли Натаниэль зашел в дом, потратив на прощание с Веспер всего-то около сорока минут.

– Что же ты так, Натаниэль, совсем обессилел, что ели ноги передвигаешь? – ехидно поинтересовался Альтаир.

– И ты надеюсь еще не забыл, кто мы такие за столь долгий путь? – подключилась либерти – а то знаешь, в следующий раз возьми с собой еды, палатку и наши фотки с подписями.

– У, змеюки подколодные – Натаниэль был весь красный – я между прочим о вас думал. Веспер – криминалист, а это такой человек, который по пылинке с вашей одежды может рассказать всю вашу биографию. А мне кажется, что нам это не к чему, не так ли?

Альтаир и Либерти синхронно кивнули.

– Поэтому беру её на себя, так сказать прикрою своей грудью эту амбразуру – и Эль покраснел еще сильнее и стал похож на человека со спелым помидором вместо головы.

Либерти и Альтаир не проявили должного понимания и противненько захихикали.

– Хватит ржать, предупреждаю, вам нужно держаться от неё подальше, если вы не хотите провести остаток дней в лабораториях ФБР. Хватит ржать, кому я сказал.

Веспер безумно заинтересовали новые знакомые – безошибочное чутье криминалиста и наблюдательность давали ей много пищи для раздумий. Вот, например, Альтаир – когда она спросила, какой у него любимый вид оружия, то он ответил – меч и тут же приволок его для демонстрации. Или Либерти – Веспер усиленно пыталась с ней подружиться – сводная сестра Натаниэля, которая по идее должна была вырасти в сходных условиях, но она не умела водить машину, а чтобы отличить Прадо от Версачи ей понадобится не меньше года, и этот её шрам на лбу, её явно били, но кто? И вот наконец Натаниэль – он понравился ей с первого взгляда, еще тогда, когда спускался по лестнице с крыши музея. Красивый, образованный и воспитанный молодой человек, полюс деньги и положение в обществе. Мечта, а не парень. Сильный, но в то же время робкий, романтичный, галантный, умный, но не считает всех остальных глупее себя (слышала бы это Либерти). А что касается той глупой выходки, то кто из нас не без греха? Конечно Веспер заметила, что она тоже понравилась Натаниэлю и их роман стал бурно развиваться, и всё было бы хорошо, но Веспер грызло какое-то смутное подозрение – Натаниэль зачем-то старательно отгораживал её от своей семьи. Повинуясь его молчаливому приказу, Либерти и Альтаир шарахались от неё как от чумной,

находя тысячи причин порой абсурдных до невозможности. И в конце концов Веспер решила заняться этим вопросом серьезно, сработал извечный метод «от противного», если Натаниэль не хочет говорить ей всей правды, она сама её узнает, не в первой.

Натаниэль последнее время просто летал – еще бы, такая девушка обратила на него внимание – умная, красивая и далее по списку. О коварной Денизе он теперь и не вспоминал, все мысли о ней вытеснили все эти необычные события, случившиеся с ним в последнее время. Кстати, а где эти две гены? Ведь обычно, когда он воркует по телефону с Веспер они сидят неподалеку и упражняются в острословии, кобры ядовитые. Да им просто завидно, ведь им высокие чувства в жизни не светят, кто же польститься на идиотку и дубину? Тут Натаниэля осенило, и он бегом кинулся на кухню – так и есть, эти двое питонили конфеты, которые он купил для Веспер, вот наглецы, может стоит угостить их пирожными с начинкой из пургена, пусть тогда подергаются, дармоеды несчастные.

– Вы что творите?! – завопил Натаниэль, выдергивая полупустую коробку из рук Либерти и Альтаира.

– А что такое? – удивленно спросила Либерти.

– Эти конфеты для Веспер, а не для вас, обжоры, чтобы вас кариес поразил.

– Ну ты бы хоть записку оставил – Альтаир хотел доесть

последнюю конфету, которую держал в руках, но Натаниэль вырвал её у него перед самым ртом.

– Не смешите меня – записка. Но сейчас не об этом, Веспер пригласила нас всех на пикник и не дай Боже вам опростоволоситься. Либерти, ты выучила названия всех Домов Мод?

– Почти.

– Нужно без почти. А ты, Альтаир, зачем ты свой меч вытащил. Веспер прекрасно разбирается в холодном оружии и уже спрашивала меня, где ты достал такой раритет? Ты бы лучше сразу жезл показал, и доспехи.

Либерти злорадно захихикала, слушая, как Альтаир оправдывается.

– Одним словом на завтрашнем пикнике никаких глупостей – громыхнул Натаниэль в конце своей обвинительно – поучительной речи.

– Ладно – Либерти и Альтаир послушно кивнули, а потом полезли отбирать у Эля остатки конфет.

Иногда кажется, что время сошло с ума – оно мчится сломя голову не разбирая дороги и почти всегда это заканчивается не очень хорошо. Вот и эта неделя вместила в себя столько событий, что на пару веков хватит.

Для начала вернулись Клинтвуд и Герта, оба веселые и румяные. Либерти им мигом насплетничала о романе Эля с Веспер и он сразу же подключился к его «травле», то есть

отеческой заботе, включающей в себя ценнейшие советы как общаться с противоположным полом, Эль скрипел зубами, но пока молчал, всё-таки родной отец.

Альтаир было собрался возвращаться домой, но Клинтвуд попросил его задержаться, дабы исследовать его магические способности – Либерти скандалила по этому поводу до хрипоты, тем более что Клинтвуду для опытов нужно было много энергии, в том числе «чистой», то есть из ветра, солнца и так далее. Либерти с Натаниэлем приходилось периодически торчать на крыше с вертушками и камнями, после парочки таких стояний популярность Альтаира упала ниже нуля.

Хуже всех приходилось Натаниэлю – патологически честный, он не хотел врать Веспер, но сказать правду тоже не мог. Представьте, ваш любимый человек заявляет вам: мой отец открыл параллельные миры, Либерти – убийца из Лейна, Альтаир -воин-маг из Мириала, Герта – вдова отца-убийцы-короля Либерти, бывшая рабыня, а его самого вернули с того света живая вода – бред сумасшедшего, все психи обзавидуются. И при этом у всех них, кроме Клинтвуда и Эля, нет никаких документов, в смысле Земных, а Веспер всё любопытствует и любопытствует, просто носом чуя все недомолвки и недосказки. Конечно, они и сами виноваты, ведут себя как стадо баранов, да еще эта репутация отца.

Финальным аккордом этой суматошной недели стал очередной эксперимент Клинтвуда с участием Натаниэля, Либерти и Альтаира с его магическим жезлом. В саамы разгар,

когда их окутывала переливающаяся белая дымка в гостиную вошла Веспер, кто-то забыл закрыть дверь. От неожиданности Альтаир выронил жезл, Клинтвуд стал бубнить что-то о статическом электричестве, а Эль возьми и ляпни:

– Мы тут колдуем – это он так пошутил, надеясь на чувство юмора Веспер, но та шутку не оценила, ибо больше всего это походило на правду, и её трезвомыслящий ум уже подыскивал подходящее определение – сектанты, например, или члены какого-нибудь Тайного Ордена, нет, надо разобраться с этим делом прямо здесь и сейчас.

– Натаниэль, можно тебя на минутку? – холодно спросила Веспер.

– Конечно, дорогая.

Они вышли в холл.

– Ты не хочешь объяснить мне, что ЭТО я сейчас застала?

– Это опыт, понимаешь, статическое электричество.

– Хорошо, а как ты объяснишь это? – и Веспер протянула ему пачку фотографий.

Эль посмотрел – так, это они на пикнике, да уж, он, Либерти, и Альтаир выглядят как пациенты дурдома, выпущенные на каникулы – Либерти засняли с выпученными глазами, Альтаира с открытым ртом, а он – с улыбкой имбицила, только слюны не хватает.

– Ну, мы же были на отдыхе.

– Что?! – у Веспер глаза полезли на лоб – ой, я перепутала фотографии, вот, посмотри на эти.

Натаниэль послушно посмотрел – на этих фотках он был заснят на крыше вместе с Либерти и вертушками, там же, но уже с камнями, меч Альтаира, вот Альтаир чистит свои доспехи, Либерти светиться в ночи не хуже фонаря (это Альтаир испробовал на ней одно заклинание), вот он сам с кучей склянок, ползающий в саду на коленях (он собирал росу для Либерти, которая вновь решила заняться зельями) и так далее и тому подобное.

– Заметь, я ждала до последнего, но ты молчишь, а я не могу связать свою судьбу с человеком, которому я не доверяю. И прежде чем ты что-нибудь скажешь, я добавлю – я не нашла никаких документов ни на Либерти, ни на Альтаира, ни на Герту, их просто не существует, причем ни в одной стране мира, я специально связывалась с Интерполом. А еще, Либерти тебе не сестра, так как нет документов о её удочерении Клинтвудом. У них нет метрик, свидетельств о рождении, они словно возникли из воздуха прямо в центре престижного района, но так не бывает, всему должно быть объяснение, и я очень хочу его услышать.

Натаниэль молчал, понимая, что выхода нет – сказать правду или промолчать, все равно это конец, не стоило и начинать, просто тон надеялся, что всё будет хорошо, однако не вышло.

– Прости, Веспер, но я ничего сказать не могу.

– Натаниэль, ты понимаешь, что наши отношения под угрозой, если ты не скажешь мне всю правду, то нам придет-

ся расстаться.

– Если скажу – тоже. Круг замкнулся, прости меня, Веспер.

Последующий разговор никаких результатов не принес, Веспер не выдержала и расплакалась, помрачневший Натаниэль совсем ушел в себя и предпочел отмалчиваться на все упреки, угрозы и уговоры.

– Ты погубил наше будущее – наконец в сердцах выкрикнула Веспер и убежала, захлёбываясь от рыданий.

Натаниэль вздохнул и побрел к себе в комнату, все домашние попрятались по углам, справедливо рассудив, что сейчас не время для ободряющих бесед.

Ночь. Тишина. Луна.

– Альтаир, ты спишь? – прошептала Либерти, зайдя в комнату Альтаира.

– А ты как думаешь, третий час ночи всё-таки?

– А я вот нет.

Альтаир молчал, но поняв, что эта девица никуда уходить не собирается сел в кровати и включил светильник.

– Ну.

Либерти проворно устроилась в ногах.

– Мне жалко Натаниэля, он совсем плох, влюбленные ведь намного острее чувствуют боль, чем обычные люди.

– А я-то тут при чём?

– Так ведь он расстался с Веспер из-за нас. Ведь если бы мы не свалились ему на голову, всё было бы по-другому.

– Если бы не мы, они может вообще бы не познакомились – резонно заметил Альтаир.

– Может, но я вот о чем хочу тебя попросить, давай расскажем Веспер всю правду.

– Зачем? – удивился Альтаир – тем более я-то скоро уйду, а тебе здесь жить. Представляешь, каково тебе будет, а если Эль прав, и тебя упекут в лабораторию, ты об этом подумала?

– Мне всё равно, в крайнем случае вернусь в Лейн, а сидеть и смотреть как страдает близкий мне человек я не хочу.

Ты со мной или нет?

– Ох, Либерти, вечно тебе больше всех надо. Черт с тобой, пошли.

– И куда ты пойдешь в третьем часу ночи? – съехидничала Либерти, отступая к двери – спи пока, после завтрака сходим.

Альтаиру оставалось только улыбнуться – ну что за несносная девчонка.

– Что, звоним? – спросила Либерти.

Они всё утро решали, что сказать Веспер и пришли к выводу, что лучше обратиться к наглядным примерам.

– Звоним – и Альтаир нажал на кнопку звонка.

Веспер очень удивилась, увидев их, но в дом пустила.

– Мы хотим тебе кое-что рассказать – Либерти аккуратно закрыла дверь, а потом кивнула Альтаиру. Тот достал жезл и, направив его на Веспер, произнес какую-то фразу – секунда и Веспер взлетела под потолок.

– Вот об этом и молчал Натаниэль, не желая подставлять меня и Альтаира, да и боялся он, что ты ему не поверишь. Ведь ты бы не поверила?

– Нет – выдавила из себя Веспер, она только что стукнулась головой об люстру и пришла в себя от удивления – отпустите меня вниз, пожалуйста.

Альтаир выполнил эту просьбу, после чего Веспер просто засыпала их вопросами.

– Это удивительно! – то и дело выкрикивала она – фантастика! Другие миры! Магия! Я в детстве верила в фей!

Наконец Либерти и Альтаир выдохлись.

– Только...

– Я понимаю, никому ни слова, да и кто мне поверит? Но всё же, могу я взглянуть на жезл?

– Лучше приходи к нам, присоединишься к исследованиям Клинтвуда, он этот жезл давно мусолит.

Веспер как-то замялась.

– Либерти, я могу поговорить с тобой наедине?

Альтаир сообразил, что сейчас будут вестись типичные женские разговоры, поэтому быстро сказал:

– Я исчезаю.

– Смотри, на атомы не расплылись – фыркнула Либерти – я слушаю тебя, Веспер.

– Либерти, я беременна.

– В каком смысле? – опешила Либерти.

– То есть как в каком смысле?

– Прости, я не так выразилась – каким образом?

– А ты что не в курсе откуда дети берутся? – растерялась

Веспер.

– Блин, я хотела сказать – ты точно уверена?

– Да, и вот теперь я не знаю, что делать. Если я сейчас вернусь к Элю, то он решит, что это только из-за ребенка.

– А ты знала о беременности до ссоры?

– Вообще-то да.

– Тогда в чем дело? Вперёд и с песней. Эль будет очень рад, и если я не ошибаюсь, то он уже успел сделать тебе предложение?

– Успел – Веспер опять взбодрилась – но я хотела всё хорошенько обдумать, ведь мы знакомы совсем ничего, но теперь всё решено. Я сейчас же пойду к нему и попрошу прощения, раскаюсь и сообщу о ребенке. Как же хорошо, что вы решили мне всё рассказать, я вам так благодарна. Либерти, ты будешь моей подружкой на свадьбе? – и болтая они пошли к дому Ларских.

Натаниэль от радости чуть ли не потолка прыгал, а когда узнал о ребёнке, то почти упал в обморок. Почти, потому что он стал заваливаться на Либерти, та не проявила должного сострадания и вlepила ему оплеуху, отчего Эль пришел в себя и продолжил радоваться.

В тот же день состоялось знакомство двух кланов, и было решено устроить бал, на котором они сообщат о помолвке всем знакомым, близким и друзьям. Альтаир и либерти могли принимать заслуженные похвалы.

Либерти задумала невыполнимое – она собралась пойти на бал с Альтаиром. Дело было конечно не во внезапно вспыхнувшей любви, а в том, что показываться на таких мероприятиях без кавалера считалось позорным. Эль опадала по уважительным причинам, так что оставался Альтаир – а

почему бы и нет? Он не урод, тем более она стала к нему лучше относиться после этой истории со ссорой. Но было только одно но – Альтаир лучше прыгнет в пропасть, чем пойдет с ней на бал. Ну и ладно, так даже интереснее.

Либерти было 17 лет – самое время для беззаботных романов, лёгкого кокетства и ни к чему не обязывающего флирта. Но память Либерти бережно хранила воспоминание о Данае, которому она почти отдала свое сердце, и второй раз походить все круги Ада Либерти не хотела. Пока её устраивало такое положение вещей, когда все чувства под замком и ничего не мешает спокойно жить. Либерти твердо намеревалась жить так и дальше, ведь она думала, что и во всех мирах нет того единственного, кто захочет, а главное сумеет подобрать ключик к её израненному сердцу. Ведь все, даже те, кто это отрицает, хотят любить и быть любимыми, но кому—то мешает глупость или неуверенность в себе, а кому-то страх, как например Либерти. Но время лечит.

Альтаир в расчудесном настроении сидел в гостиной и смотрел энциклопедию холодного оружия. Тут в комнату вплыла Либерти и уселась в кресло напротив. Альтаир глянул на неё одним глазком, а она возьми тут и улыбнись ему, он чуть книгу из рук не выронил. Дальше – больше, воспользовавшись тем, что он опять углубился в чтение Либерти незаметно подкралась и села ему чуть ли не на колени.

– Альтаир, миленький, как настроение? – проворковала она.

Альтаир выпучил глаза, но смолчал, так как от удивления у него пропал голос.

– Знаешь, я всегда считала тебя хорошим человеком. Да и внешне ты выше всех похвал, мужественный, поди у себя в Мериале не одну девицу свел с ума?

Сквозь этот поток ничем не прикрытой лести Альтаир чувствовал подвох, но голос разума быстро замолк и очнулся только тогда, когда Либерти сказала:

– Альтаир, а давай вместе пойдем на бал.

Блаженное состояние сгнуло как утренние туман – Либерти просто хочет его использовать, ах ты, интриганка, ну а льстит-то, комар носа не подточит. А он уже и уши развесил, дурак, ой, какой же дурак. Ну, сейчас он ей ответит.

– Альтаирчик, ты не подумай, я потом тоже для тебя что-

нибудь сделаю, просто всё, что попросишь – Либерти уже почти влезла ему на голову, доверительно смотря в глаза.

В мозгу Альтаира мигом созрел коварный план, такой коварный, ужасный и гениальный, что он невольно улыбнулся.

– Так ты согласен? – промурлыкала Либерти.

– Да – Альтаир необидно спихнул либерти в сторону и встал с дивана – с удовольствием, сейчас же попрошу у Натаниэля костюм.

На самом деле он хотел обдумать свой план до мельчайших деталей. Либерти ликовала – победа на её стороне, правда она ожидала большого сопротивления, ну да ладно.

Возможно, будь у них больше времени, то они бы разобрались, что каждый из них ведет двойную игру, но тут явился Натаниэль и, заикаясь от волнения, доложил, что они идут на УЗИ. Они – это он и Веспер, а они хотят? Либерти и Альтаир хотели, еще бы, увидеть ребенка до рождения без всякой магии, интересно.

Врач в больнице был недоволен, но всё же разрешил всей ораве присутствовать ан процедуре.

– Сейчас мы увидим, кто у вас родиться сын или дочь.

– Да что вы? – удивилась Либерти и, оттолкнув Натаниэля, пролезла к самому монитору.

Процесс начался.

– Вот видите, это ручки – вдохновенно вещал врач.

Все четверо пристально вглядывались в черно-белую картинку и молчали.

– Ну, кто-нибудь видит ручки? А вот голова.

– Нет – проблеял Эль.

– Никто?

– Да.

– Даже вы? – обратился врач к Веспер.

– Да.

– Странно, ну что же, у вас будет мальчик, всё, можете идти.

– По-моему он шарлатан – делились Альтаир и Либерти своими подозрениями – зря только деньги заплатили.

Всё оставшееся время они посвятили подготовке к балу, а на следующий день к полудню стали съезжаться гости.

В последний момент Веспер возжелала, чтобы бал был костюмированным, так что Либерти пришлось купить парик, чтобы полностью изменить внешность. До парика додумалась ни она одна, так что теперь гости попадали в нелепые ситуации минимум каждые пять минут, но всем было весело. Вот и Либерти не избежала общей участи.

– У, ты, моя прелесть – прошелестел ей в ухо знакомый голос и тут же её обняли сзади за талию.

– Глаза разуй, кретин, это же я.

– А – это был Эль, который сразу поскучнел – а я думал, что Веспер, вы со спины очень похожи.

– И волосами?

– Так все же в парках – огрызнулся Эль – и кто только этот

дебилизм придумал?

– Веспер и придумала – съехидничала Либерти.

– Веспер плохого не придумает – глубокомысленно изрек Эль и поспешил раствориться в толпе.

– Опять над Элем издеваешься? – рядом с Либерти бесшумно возник Альтаир весь закутанный в плащ, да еще с капюшоном.

– А чего он меня хватает.

– Скажите пожалуйста.

– Пожалуйста.

– Ох и острый у тебя язык, Либерти, без ножа зарежешь.

– Разве это плохо?

– Как сказать. Но оставим философию в покое, позволь мне, как твоему кавалеру, пригласить тебя на вальс. Ведь в Лейне же есть вальс?

– Есть, и, между прочим, я училась у Императорского учителя танцев, так что держись.

– Не страшно. А как это ты при дворе оказалась, я думал, ты росла совсем в другом обществе?

– О, это длинная история.

– А я никуда и не тороплюсь. Расскажи.

– Все началось, когда меня выгнали из пансиона «Единорог» ...

– Вот оно как – сказала Альтаир, они с Либерти уже сидели в саду на скамеечке, отдыхали после бесконечной череды плясок – так ты любила Даная или нет?

– Конечно любила.

– Но не так, как ему хотелось бы – заметил Альтаир – не думай, я тебя не обвиняю, просто думаю, что я бы так не смог, жениться из жалости, да я потом бы возненавидел этого человека.

– Да неужели, а мне думается, ты уже кое-кого так любишь.

– Ты о чем?

– О твоём государстве – ты можешь говорить о нём часами, ты даже не побоялся отправиться в другой мир ради его блага, о оно чем платит тебе – ничем: престол завещан мне, казна, замок – всё моё, но ты же ни ненавидишь свой Мериналь?

– Нет.

– Вот видишь.

– Сравнила, я-то людей имел в виду.

– Прости. Я вот о чем тебя спросить хочу – зачем тебе всё это, захватил бы власть и правил в своё удовольствие, из тебя выйдет отличный государь, подданные будут носить тебя на руках и возведу памятник при жизни.

– Я дал слово твоему отцу.

– Он умер, ему всё равно.

– Негоже мужчине от своего слова отказываться, если дал, то держи, а оплошал – искупи вину – тут Альтаир стал выполнять свой план – и я вот оплошал, не удалось мне тебя уговорить взойти на престол.

– И что теперь будет?

– Не знаю, это решит Совет Магов и моя совесть.

Либерти стало не по себе, ну надо же так помешаться на чести, еще руки на себя наложит, ох, к «Черным летунам» его на недельку, мигом бы стал первосортным подлецом.

Альтаир смотрел, как Либерти размышляет, волнуется за него и у него мелькнула мысль – может пожалеть девчонку, но тут он вспомнил о данном слове, ничего не поделаешь, нужно идти до конца.

– Так может можно что-нибудь сделать?

Альтаир ждал этого вопроса – какой бы Либерти не была хитрой и умной, у неё было одно слабое место – потеряв столько близких, она не хотела причинять боль оставшимся. Альтаир смело причислял себя к таковым, ибо несмотря на их разногласия, они стали друзьями, сами того не заметив.

– Можно, если ты пойдешь со мной в Мериаль и заявишь на Совете Магов, что это не моя вина в том, что я не смог уговорить тебя вступить на престол.

Либерти уставилась на него во все глаза, но он даже не моргнул.

– Только и всего?

– Да.

– И ты отвяжешься от мен навеки?

– И даже больше.

Либерти подумала еще пару секунд, вспомнила о своем обещание, а потом сказала:

– Я согласна.

– Ну мам, не волнуйся, я уже большая девочка и такие путешествия для меня не в новинку. На обратном пути я еще заскочу в Лейн повидать Вальмора, так что сразу не ждите. Эль, не надо так радостно улыбаться, я всё равно вернусь – это Либерти прощалась со всеми перед полетом в Мериаль.

Альтаир терпеливо ждал, пока она по очереди обнимет всех близких, включая Веспер, и выслушает жизненно – необходимые советы.

– Всё, пора в дорогу. До встречи.

Альтаир всем поклонился, а потом достал жезл и прочел заклинание перехода. Миг – и их как не бывало.

Они материализовались на опушке леса, прямо на тропинке, ведущей в город, который возвышался за каменными стенами, где в центре, как и полагается, был возведен замок государя, весь покрытый белым мрамором.

– Почему мы оказались здесь, нельзя было сразу в замок? – возмутилась Либерти.

– Я хотел показать тебе мой мир.

– Мило, но я бы сначала хотела покончить с делами, как гласит пословица: сделал дело – гуляй смело. А потом можно и окрестностями полюбоваться.

Альтаир укоризненно взглянул на либерти, а потом взмах-

нул жезлом и в небо взлетели восемь голубей.

– Я послал весть всем магам из Совета, они буду ждать нас в замке в Зале Совета – и не смотря на все просьбы Либерти о телепортации они пошли пешком.

Люди, едва увидев их, спешили поклониться, но без униженного раболепия.

– Как вижу, ты здесь популярен – заметила Либерти.

– Я был правой рукой Арко долгие годы, помогал ему во всём, вот народ меня и знает.

– Ты должен быть правителем, а не я, отец поступил очень глупо.

– Он любил вас – Альтаир отчего-то опять перешел на вы.

– Возможно, но мне кажется он больше думал об увековечивание своего имени, чем о будущем Мериала.

– Этого мы уже не узнаем – они наконец дошли до замка. «Беспроволочный телеграф» работал на удивление быстро, и вокруг уже собралась порядочная толпа, которая изо всех сил таращилась на Либерти, той даже стало не по себе.

– И чего они вылупились?

– Они знают, зачем я уходил в другой мир. За новой государыней.

– К сожалению, но придется их разочаровать, то есть к их сожалению, но к моему благу.

Внутри замок был богатым, но без излишеств – рыцарские доспехи, оружие на стенах, но совсем нет цветов и картин, кроме портретов. Здесь явно чувствовалось отсутствие жен-

ской руки. Пока они шли к Залу Советов, Альтаир, как заправский гид, читал ей лекцию о замке и его обитателях. Но вот, в конце концов они добрались до нужного места.

– Проходите – Альтаир распахнул перед Либерти дверь.

Либерти зашла в Зал и увидела около полтора десятка человек.

– Э, а разве их не должно быть восемь? – вслух удивилась она.

– Вот те двое – наследники Перона, а те от Святого Ордена, то же что ли решили урвать кусок, а вот тот – из Гильдии воинов, главный над войском, солдаты на него просто молятся – шепотом объяснил Альтаир, а потом громко сказал:

– Приветствую всех, господа. Начнем совет?

Все присутствующие мигом расселись за круглым столом.

– Я выражу общий вопрос – мы имеем честь видеть дочь государя Арко? – спросил самый седой старик из магов.

– Да, Голден, это Либерти Ван дер Верден – подтвердил Альтаир.

– Ясно. Она молода, но это ничего, мы ей поможем – продолжал Голден, словно Либерти тут не было – коронавание назначим на полдень завтрашнего дня, нужно выслать гонцов и разослать герольдов.

Тут уж все поспешили высказать своё мнение.

– Эй, стоп, хватит галдеть! – Либерти заорала во весь голос и только тогда на неё обратили внимание – вы не поняли, я нахожусь тут только для того, чтобы подписать отречение

от престола в пользу Альтаира.

Маги, наследники и иже с ними замолкли, но вот слово опять взял Голден:

– Разве вы не знакомы с нашими законами наследия престола?

– Знакома, но торчать здесь три года я не собираюсь.

И снова молчание, теперь более продолжительное.

– В чём дело-то?

– Без трехлетнего правления от престола может отречься только слабоумный или безнадежно больной претендент, всем остальным традиции и закон приписывает отдать свой долг государству. Поэтому мы вас коронуем завтра в полдень – заявил еще один маг, Парис.

– Но я не согласна.

– Ваше согласие и не требуется. Мериалу нужен глава государства, и он его получит, такова традиция.

– Да вы с ума сошли! Один раз можно отступить от канонов. Ну какой из меня правитель, я только всё испорчу!

– Мы не позволим вам этого сделать – сладенько улыбнулся Голден – совет объявляется закрытым. Альтаир, покажи будущей государыне её покои.

– Никуда я не пойду, я требую немедленно отправить меня домой. Альтаир, ты же говорил, что я смогу уйти, когда захочу. Альтаир, посмотри мен в глаза.

Но Альтаир опустил голову и стал подталкивать её к выходу.

– Так ты врал мне?! Врал с самого начала?! Сволочь, а я же тебе еще помочь хотела! Предатель! Ненавижу тебя! Предатель!!! – тут уж Либерти подхватили под руки и просто вынесли из Зала Совета, но рот ей заткнуть никто не догадался, и она продолжала осыпать всех в целом и Альтаира в частности самыми отборными ругательствами и проклятиями.

Но ничего не помогало, Либерти вежливо, но решительно поместили в её комнату, после чего все ушли, не забыв запереть дверь на засов.

Либерти устроила в своей импровизированной камере самый настоящий погром – сломала всё, до чего смогла дотянуться, выбила окна, разорвала шторы и постельное белье, но всё без толку, к ней так никто и не пришел. Наступил вечер, Либерти принесли еду, но она напала на охранника и осталась голодной. Либерти казалось, что она сейчас просто лопнет от злости, у неё даже мелькнула мысль выброситься из окна (её комната находилась в высокой башне), чтобы только сорвать планы этих сволочей. А Альтаир, таким честным казался, просто рыцарь без страха и упрека. Да она его убить сейчас готова. Внезапно дверь бесшумно открылась, и на пороге комнаты возник Альтаир собственной персоной.

– Что, совесть замучила, пришел прощение просить?

– Я пришел спасти тебя от смерти.

Мысли прочитал, что ли? – подумала Либерти, а вслух спросила:

– И кто же хочет меня убить?

– Наследники Перона, ты думаешь зачем они явились на совет чтобы поглядеть на тебя и узнать, где ты будешь спать.

– Зачем им это, лучше бы они помогли мне бежать, мне не нужен трон.

– Пока ты жива, ты будешь вечной угрозой их благополучию. Так что этой ночью я буду твоим охранником.

У Либерти просто в глазах потемнело.

– За что ты на меня так взъелся, а, Альтаир? Что я тебе сделал такого плохого?

– Абсолютно ничего – сухо ответил Альтаир – кроме того, что встала между мной и престолом Мериала. Я жил ради этого, я посвятил стране всю свою жизнь и самого себя, но тут появляешься ты, Либерти, и всё летит прахом. Корона, честно мною заслуженная и выстраданная ушла к какой-то девчонке, которая вместо того, чтобы с благодарностью принять этот дар еще и недовольна. И если бы я не обещал Арко, которого очень уважал и который заменил мне отца, я бы отвернул тебе голову еще на Земле. Так что не зли меня, ибо я сдерживаюсь из последних сил, завтра в полдень мое обещание будет выполнено, и я уйду из столицы, потому что не в силах смотреть, как ты станешь марионеткой в руках Совета Магов и разрушишь всё, что я и Арко создали за все эти годы – выдав эту исповедь Альтаир сел в глубокое кресло, спиной к Либерти.

Либерти, честно говоря, опешила и молча легла в кровать.

Светало. Но Либерти так и не сомкнула глаз, ждала убийц, которые что-то не спешили.

Да врёт он всё, этот гаденыш, просто решил проследить, чтобы я никуда не слиняла, да хотя бы через каминный дымоход – размышляла Либерти и тут ей представилось во что превратиться её жизнь уже через несколько часов – принудительная коронация, постоянная слезка, никакой свободы,

кошмар, да она просто умрет от тоски. На три года ей придется забыть о друзьях и семье, её ждет жизнь затравленного зверя – нет, нужно бежать, пока не поздно. Альтаир, конечно, попытается ей помешать, что же, тем хуже для него, предателям пощады нет. Либерти осторожно вылезла из-под одеяла, достала из рукава рубахи стелпс (эти самоуверенные маги её даже не обыскали) и стала подкрадываться к креслу, где спал Альтаир. Естественно, по закону подлости, в окно тут же прокрался первый лучик солнца, а под её ногами затрещали все половицы, но Либерти это не остановило, она уже занесла руку, как тут Альтаир обернулся. Либерти так и застыла с поднятой рукой, а Альтаир посмотрел на неё секунд пять, а потом просто отвернулся, даже не попытавшись защититься. У Либерти отпала челюсть, ну просто безобразное какое-то, что за поведение?

– Чего ты ждешь, Либерти, бей.

– Теперь не могу – Либерти махнула рукой и села в кресло напротив – ты сошел с ума, да?

– Нет, просто теперь мне незачем жить, Мериаль был для меня всем.

– Так борись за него.

– Против вековых традиций не сдюжить даже мне.

– Любое правило можно обойти, уж поверь мне. Ведь разрешено всё, что не запрещено. Мой отец не побоялся начать все с чистого листа, так чего же боишься ты?

– Только своей совести. Вот если бы не обещание.

– Я дочь Арко, мы одной крови, и я с полным правом, как его наследница, освобождаю тебя от этого обещания.

– А как же Совет? Он не подпишет приказ о моей коронации, пока есть завещание Арко.

– Вот именно, пока есть. Пора мне на деле применить воровское мастерство «Черных летунов».

– Но это же обман.

– Нет, это единственно верный выход, если ты так сильно любишь Мериаль, то не допустишь его гибели.

– Но ...

– Никаких но – в некоторых ситуациях все средства хороши, переступив через себя сегодня, завтра ты искупишь его процветанием Мериалья и сотней добрых дел. Подумай, разве я не права?

Альтаир задумался, и в потухших было глазах снова разгорелись огоньки.

– Ты и реку уговоришь течь вспять – усмехнулся он – я согласен, какой у тебя план?

Только Либерти открыла рот, как дверь в её спальню бесшумно открылась. Альтаир быстро толкнул её к камину и, прошептав – уходи, обнажил меч.

Либерти, благодаря страху мигом влезла в дымоход и довольно шустро стала пробираться вверх, а в голове всё стучала одна дурацкая мысль – только бы умереть достойно, только бы умереть достойно. Хотя разве можно умереть достойно в дымоходе камина? Так, и вообще, что это с ней, бросила там Альтаира одного на растерзание кровожадным убийцам, которые явно не станут вести бой по правилам чести. Как по заказу комнату потряс небольшой магический взрыв, и Либерти решила – сложила руки солдатиком и быстро скатилась вниз. Однако её появление было запоздалым, Альтаир уже расправился с обоими убийцами, но всё же выглядел он неважно, его здорово потрепали.

– Ну ты монстр – Либерти вылезла из камина и тут же споткнулась о сломанное кресло и упала прямо на один из трупов, больно ударившись и испачкавшись в его крови.

– Растяпа – Альтаир наклонился, чтобы подать ей руку, как тут в комнату вбежал (в виду отсутствия двери, которую снесло взрывом) мокрый Натаниэль. Он быстро окинул взглядом всю картину маслом – окровавленную Либерти, Альтаир с не менее окровавленным мечом в руках, еще два тела, и ничего не говоря Эль достал из кармана пистолет и выстрелил в Альтаира пять раз подряд.

Звуки выстрелов слились с криком Либерти, она резво вскочила, в то время как Альтаир наоборот упал. Натаниэль же от удивления, что Либерти воскресла, выронил пистолет из рук.

– Что ты наделал, Эль, ты убил его!

– Так я думал, что он убил тебя!

– Я живая, кретин. Сначала надо было пощупать у меня пульс.

– Сама щупай, дура. Нечего валяться на полу в крови и дурить всем головы. Ты просила о помощи в своём письме, вот я и помог.

Их перепалку прервал слабый стон Альтаира.

– Он живой! – хором завопили Либерти и Натаниэль – нужно вызвать «Скорую»!

– Какой здесь номер? – Эль достал сотовый.

– Здесь её нет. О, Альтаир – Либерти упала на колени – нет, не смей умирать.

– Отвали – зашипел тут труп – дай хоть умереть спокойно.

– Не покидай меня! – голосила Либерти.

– Да я только об этом и мечтаю – Альтаир сложил руки на груди и закрыл глаза.

– Нет!!! – Либерти решила не сдаваться и, схватив Альтаира в объятия, стала его трясти – на кого же ты меня оставишь?!

– На братца твоего недоделанного. Отлезь, говорю – тут под сложенными руками Альтаира всё засветилось, и через

пару секунд он отбросил в сторону все пять пуль – вы что забыли, что я маг?

Натаниэль, только сейчас осознавший, что он только что чуть не стал убийцей, грохнулся в обморок, сама Либерти смеялась сквозь слёзы, а Альтаир сокрушался, что теперь ему нужны новые кольчуга и рубаха и пусть Эль в следующий раз стреляет в голову. Но вот первые страсти улеглись, Эля привели в сознание, и Альтаир поинтересовался:

– А откуда тут взялся этот «народный мститель»?

– Либерти оставила нам письмо, в котором говорилось, что если она не вернётся через 12 часов, то я должен буду прийти ей на помощь, вот я и пришел. Телепортировался аккуратно в чью-то ванну, хорошо, что там никого не было – пояснил Натаниэль – извини, что я тебя так ...

– Ничего – Альтаир еще раз посмотрел на дырочки от пуль – ты поступил храбро, только чуть-чуть поспешно, нужно сначала думать, а потом делать.

– А что тут думать, я захожу, Либерти лежит, ты стоишь – заверещал Эль по новой.

– Тихо – сказала Либерти – Альтаир, где храниться завещание моего отца?

– В Хранилище. Оно находится вон в той башне – Альтаир подошел к окну и указал на высоченную башню почти совсем без окон.

– Ясно – Либерти пошла к выходу – уберитесь тут пока, а я вернусь через час.

Альтаир и Эль принялись наводить порядок, и к тому времени, как они приладили на место дверь, – наступило утро. Либерти вернулась ровно через час, а через пару минут в комнату пожаловали все маги из Совета.

– Вы готовы? – спросил Голден, игнорируя появление Эля и явное отсутствие кое-каких предметов мебели.

– Вообще-то нет – Либерти села на единственно уцелевший стул – я хочу видеть завещание отца.

– Вы его увидите на коронавание, я лично зачитаю его.

– Нет, я хочу увидеть его сейчас. Видите ли, я вам не верю – нагло заявила Либерти.

Голден чуть ли не позеленел от злости, а остальные маги начали шумно перешептываться.

– Вы его увидите – Голден щелкнул пальцами и стоящий у двери слуга побежал исполнять приказ.

Потекли томительные минуты ожидания – Либерти все также сидела на стуле, Эль уселся на кровать, а Альтаир стоял, прислонившись к камину. Ровно через 15 минут вернулся запыхавшийся слуга и передал Голдену свиток с печатью.

– Вот, можете удостовериться – Голден протянул его Либерти.

– Нет, прочитайте его сами, так сказать потренируйтесь перед коронаванием – Либерти сложила руки на коленях и воззрилась на Голдена наивно – любопытствующим взглядом.

Старый маг откашлялся, сорвал печать и став в позу, стал

читать:

– Я, Арко Ван дер Верден, государь Мериаля, сиим документом заверяю, что передаю все права на престол и корону доверенному лицу ... Да такого быть не может! – вырвалось тут у Голдена.

– Что такое? – к свитку потянулось сразу несколько рук, но Либерти успела первой.

– Своему доверенному лицу воину-магу Альтаиру Гедемину – торжественно зачитал она – подписи всех магов Совета и самого государя прилагаются. Так – так, чтобы это значило, а?

– Это подделка! – еще вопил Голден спустя три часа после коронавания Альтаира – я лично видел там имя Либерти.

– Может пора подумать об очках? – нахально посоветовала Либерти строящая рядом.

– Это ты всё подстроила – прошипел Голден.

– Интересно, как? – Либерти и бровью не повела – я абсолютно лишена магии и со мной все время сидел Альтаир, один из магов Совета, неужели вы не верите даже ему?

Голден предпочел проглотить все невысказанные претензии – ведь Альтаир теперь государь и подозревать его то же самое, что собственноручно расписаться в измене престолу и государству. А ведь всё шло по плану, когда Арко назначил приемником свою дочь, маги уже праздновали победу, в кои-то веки им достанется безграничная власть. Но нет, эта девчонка как-то сумела подделать завещание, и корону получил этот выкормыш Арко и все мечты рухнули в небытие, как обидно.

– Не хмурьтесь, старина – Либерти с тайным злорадством наблюдала, как беситься этот старый хрыч – ведь сегодня праздник, Мериаль наконец обрел главу, и вы сможете отдохнуть. Наверное, управление государственными делами сильно вас утомило?

– Да я тебе – Голден схватился за жезл.

– Держите себя в руках – посоветовала ему Либерти – а не то следующий документ, который вы прочитаете будет о вашей отставке. Всего хорошего.

Праздник продолжался.

Либерти с Элем сидели в Тронном зале. Уже наступила ночь, но они не стали зажигать свечи – так было удобнее наблюдать за народом, который все ещё веселился на площади перед замком.

– Ну где же он? – нервничал Эль – я уходил всего на день, еще немного и сюда пожалуют все наши.

– Спокойствие, Эль, дай Альтаиру насладиться моментом.

Тут в зал вошел Альтаир – в корне и мантии.

– Слава государю! – хором отсалютовали Либерти и Эль, шутливо преклоняя колени.

– Да бросьте, друзья мои – Альтаир сгреб их в охапку – я самый счастливый человек во всех мирах.

– Эй, полегче – Эль проворно выскользнул из захвата – моя шея мне еще понадобится.

– Извини.

– Итак, я сейчас улетаю, но ровно через месяц, считая с завтрашнего дня, я жду вас обоих на мою свадьбу. Так, вот твое письмо Либерти маме – не забыл, вот мешочек с артефактами для отца – есть, вот машина с координатами.

– Давая я лучше тебя магией телепортирую – предложил Альтаир и когда Эль согласно кивнул, то он наставил на него

жезл и прочел заклинание яркая вспышка – и Эля как не бывало.

– Свадьба уже, быстрые же эти земляне – Либерти покачала головой – ну вот теперь, Альтаир, ты будешь вынужден терпеть меня целый месяц.

– Да уж как – нибудь.

– И магии будешь обучать, не забыл?

– Для тебя всё, что угодно.

– Смотри, я уж расстараюсь, придумаю что-нибудь – рассмеялась Либерти – звезду с неба, например.

– Вам завернуть с собой?

Они еще немного поболтали о пустяках, а потом Альтаир спросил:

– Либерти, если ты сразу заподозрила меня в коварстве, а ты ведь заподозрила, раз оставила письмо, то почему всё-таки пошла со мной?

– Почему? Да потому что люблю рисковать, играть с судьбой в кошки-мышки, любая опасная ситуация для меня только в радость. Натура такая вот беспокойная.

– А я думал, что из-за меня – внезапно выдал Альтаир – я думал, мы успели стать друзьями.

– Мы друзья – Либерти уже говорила рассеяно, она подошла к окну, так как вскоре должен был начаться фейерверк – но только теперь я могу тебе доверять, ибо ты обязан мне многим и твое гипертрофированное понятие о чести не позволит тебе опять предать меня, не так ли? – Либерти броси-

ла на Альтаира быстрый взгляд.

– Всё верно. Ты страшно умная, Либерти, я тебя даже боюсь.

– Не стоит, пока мы друзья. О, смотри, они начинают.

В тёмном небосводе один за другим взрывались синие, красные и желтые фейерверки. Народ ликовал.

Месяц – это 31 день и если очень захотеть, то за этот срок можно успеть немало. Либерти всерьез принялась за магию, она грызла эту науку словно бобер дерево, щепку за щепкой, то есть книгу за книгой. Альтаир весь по уши погрузился в дела государства и поэтому передал Либерти на руки магу Голдену, который при этом выглядел так, что его вот-вот хватит удар. Но через несколько дней, почував в Либерти благодарную ученицу, Голден немного смягчился и вскоре они даже подружились на почве применения особо сложных заклинаний.

Дни мелькали с поразительной быстротой – и вот наступила пора лететь на свадьбу. Либерти сама прочла заклинание, взмахнула новеньким жезлом и вуаля – они с Альтаиром оказались в гостиной дома Ларских – только мелькнули в проёме двери хвосты перепуганных Вискаса и Фрискаса. На смену котам явился Эль в черном смокинге.

– А, это вы та котов напугали. У вас три часа на всё про всё, потом мы едем на венчание – выдав это, Эль исчез.

– Узнаю родной дом: минимум заботы – максимум пре-

тензий – притворно грустно вздохнула Либерти и тут же умчалась посмотреть на свадебный наряд Веспер.

Церемония была организована с размахом, благо средства позволяли – одних гостей было штук двести, среди которых Либерти с радостью обнаружила и Вальмора с Лилией. К алтарю Веспер вёл отец, сама Либерти выступала в роли подруги невесты, а Альтаир – в роли друга жениха, малышей Вальмора – младшего и Элионору назначили цветочниками. После венчания все поехали в отель «Хилтон», где был заказан зал, оркестр и устрашающего вида лангусты. Либерти только успевала танцевать и есть, на всё остальное у неё просто не хватало времени. Новобрачные получили кучу подарков, Либерти аж обзавидовалась, Эль выглядел таким гордым, что просто грех не придраться, да и Веспер сияла не менее ярко, чем её новоиспеченный муж. Кругом сновали журналисты – и в завтрашних газетах эту свадьбу назовут свадьбой года. Одним словом – фантастика!

С того дня прошло три месяца и разнокалиберный клан Ларски- Линдтов плюс Вальмор с Лилией и Альтаир снова собрались вместе – ибо на повестке дня был один важный вопрос – что делать с Либерти? Инициатором этого собрания стала Герта, которая как все заботливые мамы пеклась о дальнейшей судьбе дочери, ведь у Либерти нет ни нормального образования, ни работы, ни жениха. Надо что-то делать. И все зашевелили мозгами.

– Пусть идёт в армию – сказал Ричард Линдт – у меня та месьть связи.

– Какая армия, она же хрупкая девушка – возразила его жена – пусть лучше помогает мне в благотворительном фонде.

– Я могу взять её с собой на раскопки – предложил Эль и Веспер согласна закивала.

– А я хочу, чтобы она получила образование и нашла работу – твердила Герта.

– Она может помогать мне в лаборатории – подал голос Клинтвуд.

– Лучше мы заберём её с собой – робко вклинился в разговор Вальмор – она целый день будет на свежем воздухе, заодно поможет Лилии с детьми.

– И жениха ей найдем достойного – Лилия не оставляла своих матриормальных планов насчет Либерти, чем вызвала живейший интерес и поддержку со стороны Герты и Веспер.

– Какой жених, она еще молода – возразил Альтаир – пусть лучше поживет у меня еще годик – другой, я уже к ней привык, да и ей у меня нравится. И, может лучше спросим у неё самой? – внезапно осенило его.

Все удивленно переглянулись.

– А где она?

И вправду, Либерти уже не было в комнате.

– Только что здесь была.

– Куда же она делась?

– Либерти!

Посланный в её комнату Эль прибежал обратно с выпученными глазами и какой-то бумажкой в руках.

– Она ... Она ... – пыхтел он.

Альтаир и Вальмор одновременно схватились за находку, с минуту поперетягивали её, а потом Альтаир вежливо уступил старшему.

– Дорогие мои близкие и друзья – стал зачитывать Вальмор вслух – я очень рада, что вы заботитесь обо мне, но право же, каждый человек должен выбирать каким путем ему идти по жизни исключительно сам. Мой выбор – свобода и приключения. Не волнуйтесь, вскоре я дам о себе знать, буду хорошо кушать, тепло одеваться и не лезть на рожон. Прости меня, за эту выходку, мамочка, целую тебя крепко, а также всех, кто сейчас слушает или читает это послание. До новых встреч. Либерти Ван дер Верден.

– Сбежала, обормотка! – в сердцах выкрикнул Клинтвуд – вот егоза. Ну пусть только вернется, уж мы ей зададим жару!

Конец второй части

Часть 3 – Возвращение

«Иногда вернёшься в милый дом –
Ничего не изменилось в нём.
И уют семьи, любовь – всё то.
Что оставил уход ты прочь.
Годы шли, менялся мир и ты,
Но когда вернешься, посмотри –
Тот же дом, уют семьи, любовь.
Больше не захочешь уйти прочь?»

1

Свобода для Либерти было не просто словом, это был её смысл жизни – быть независимой, заниматься чем хочется, не перед кем ни отчитываться. Нет, она не собиралась пускаться во все тяжкие, как многие, кто получает свободу, но она решила стать охотницей за артефактами. Любой маг в любом мире душу продаст за иноземный артефакт, души ей конечно ни к чему, а вот золото очень даже кстати, хватит сидеть на чужих шеях. Либерти то и раньше нельзя было назвать «домашней девочкой», но только теперь она стала по настоящему вольной птицей, оставив всю свою прошлую жизнь где-то на задворках памяти.

К этому шагу её подтолкнули новые магические знания, природная склонность к бродяжничеству и планы родных. Либерти просто затрясло от ужаса, когда она случайно услышал, как её мама и Клинтвуд обсуждают, что когда-нибудь Либерти остепениться, выйдет замуж, заведет детей и будет мирно ждать старости. Да от такой перспективы впору волком выть – Либерти не осуждала и не призирала домохозяек, но быть одной из них – нет уж, увольте. В мире так много интересного, а что интересного в ежедневном стояние у плиты – абсолютно ничего. Вот лет через 70, когда она не сможет пошевелить ни рукой, ни мозгами – тогда да, можно и домашними делами заняться, всё равно ни на что боль-

ше сил не останется. Но домочадцы Либерти не желали её понимать – что, променять комфорт, работу и детей на какие-то дурацкие и смертельно опасные приключения, рисковать жизнью ради минутного триумфа – ни за что, и тебе не советуем. Выкинь все эти фантазии из головы и будь как все. Последней каплей стал этот совет – там такое наговорили, что просто уши вянут, и Либерти не выдержала – незаметно покинула комнату (её благодетели ничего не заметили охваченные благородным порывом), быстро собрала кое-какие вещи, написала письмо, а потом достала из тайника записи Клинтвуда о разных мирах и, выбрав наугад один из них, прочла заклинание перехода.

Если хочешь чего-нибудь достичь, нужно действовать решительно.

Либерти посетила три мира и поняла, что ей нужен помощник. Ибо жизнь охотницы за артефактами непредсказуема. Она ели сумела добыть один артефакт – браслет, просто зубам вырванный у местного чародея, он давал силу, но потом человек чувствовал себя почти трупом и Либерти просто повезло, что её не настигла погоня. Ей нужен человек, который прикроет ей спину в подобных ситуациях – но где его взять? Альтаир отпадает, он теперь важная шишка, значит ... Ту т на ум приходит только одно – «Черные Летуны».

Либерти подходила к Имперской Академии Магии в Ин-

варе со смешанными чувствами – с этим местом у неё связано столько воспоминаний и все как один с отрицательным знаком. Но ничего, она же здесь жить не собирается, просто предложит летунам сделку.

Либерти зашла во двор и тут увидела ЕГО. Около дверей Академии стоял парень – высокий, светловолосый, голубые глаза с длинными ресницами – у Либерти аж дыхание перехватило, такой красавчик. И одет в черный балахон с серебряной пентаграммой, значит он с факультета темных сил, то, что ей нужно. Либерти никогда не страдала излишней скромностью, поэтому сразу направилась к парню.

– Здрасьте – Либерти еще раз с удовольствием осмотрела парня вблизи, отметив на его руке метку «Черных Летунов» – у меня к тебе дело.

– Какое? – сухо спросил парень, тоже окинув Либерти оценивающим взглядом.

– Мне нужно поговорить с главным чернокнижником, ну, кто теперь заменяет Бальтара и курирует «Черных Летунов», доложи ему обо мне.

– Я слушаю.

Глупый какой – подумала Либерти – но хоть красивый.

– Я говорю, мне нужно поговорить с главным чернокнижником, ведь кто-то должен занять его пост, после его, так сказать, безвременной кончины.

– Это я – совсем бесцветным голосом изрек парень – я теперь глава факультета Темных сил и курирую Летунов.

Либерти ели успела прикусить язык, чтобы не сказать гадость, интересно, очень интересно, ведь ему нет и 20, за что же такая честь?

– Тем лучше, я хочу предложить летунам присоединиться ко мне в охоте за артефактами, человека два – три или один – два.

– Нет – неожиданно завил парень и повернулся, чтобы уйти.

Либерти опешила.

– Эй, подожди, как это нет?

– А так вот. И я бы посоветовал бы тебе уйти прочь, Либерти.

Либерти насторожилась – одно время её имя конечно гремело по всей стране (в связи с историей с живой водой), но, чтобы её знал в лицо парень, которого она в глаза не видела, это странно.

– Одну минуточку, да постой ты – Либерти схватила парня за руку – я требую объяснений.

– Бальтор был моим дядей – выдал тут парень.

Либерти стало неудобно, но так как кровожадных ноток в голосе парня она не уловила, то решила продолжить:

– Мило, но Бальтор был сам виноват, тем более все это в прошлом. А сейчас мне позарез нужен помощник, я хочу пригласить в долю кого-нибудь из Летунов.

– Хочешь – перехочешь.

– Слушай, ты меня достал. Я сейчас же иду к директору

Академии.

– «Черные Летуны» подчиняются лично мне, ты должна это знать, ты же одна из нас, хоть и бывшая.

– Бывших Летунов не бывает – Либерти сдерживалась из последних сил – будь добр, позволь мне держать слово.

– Нет.

– Какой ты козел, весь в дядю – зло бросила Либерти.

– Уходи, я не хочу тебя калечить или убивать.

– Это что, угроза? Только попробуй, раз по благу местечко занял, теперь всё можно? – завопила Либерти и с удовольствием заметила, что попала в большое место, парень аж затрясся от злости.

– Уходи.

– Да пошел ты.

Ясное небо внезапно прорезала молния, но Либерти каким-то чудом успела её отбить. Парень был удивлён.

– А я думал, что ты не владеешь магией.

– Будешь прилежно учиться, лет через 50 догонишь меня, мальчик – Либерти выплюнула очередную порцию яда – привык, наверное, над беззащитными крестьянами глумиться, прихвостень тьмы.

Тут уж в ход пошла тяжелая артиллерия, парень был очень крутым, Либерти ели успевала ставить защиту. Не знаю, чем бы это всё закончилось, но тут подоспели ведонги и спорщиков мигом заковали в кандалы, так сказать от греха подальше.

2

Конечно, их не стали держать в казематах, не успела Либерти впасть в отчаяние, как их уже привели к судье.

– Применение сильных магических заклятий среди большого скопления народа с целью нанести повреждения некоей особе – с какой-то непонятной радостью озвучил судья суть проблемы – мэтр Кельт, разве вам не было вынесено уже два предупреждения?

– Было, ваша честь.

– Было, но вы не в силах сдержать свой гнев, поэтому я вынужден вынести вам третье и оно даёт мне право лишить вас должности главы факультета Тёмных сил. Отныне только директор Академии может назначать на эту должность кого сочтёт нужным, а также «Черные Летуны» тоже переходят под опеку директора Академии. У меня всё, все свободны.

Либерти только диву давалась – теперь все чернокнижники будут под бдительным присмотром белых магов, опять она влезла в историю, этот Кельт и иже с ним явно начнут жаждать её крови, какой кошмар! Поэтому Либерти предпочла исчезнуть едва выйдя из Ратуши Правосудия. Она пересядет эту ночь у Вальмора, а там опять в путь. Одно обидно – такой план сорвался.

Вальмор и Лилия долго охали и ахали над рассказом Ли-

берти, потом дружно стали упрашивать её опомниться и вернуться в семью. Сначала Либерти вежливо молчала, но потом устроила грандиозный скандал, любо-дорого послушать.

– Но хоть на своё день рождение вернешься? – робко спросила Лилия, немного придя в себя.

– Вряд ли.

– А на рождение ребенка Эля и Веспер? – поинтересовался Вальмор.

– На рождение приеду. Кстати, как они там?

– На пару едят соленые огурцы в сахаре и тому подобную гадость – озабоченно поделилась Лилия.

– Почему? – удивилась либерти.

– Веспер из-за беременности, а Эль от нервов, это ведь его первый ребенок.

– Бедолага, ничего, я добуду для малыша какой-нибудь убойный артефакт. А мама как?

– За тебя беспокоиться.

Либерти стало стыдно, но только на мгновение.

– Я скоро её навещу – пообещала она.

Ужин и всё оставшееся время до сна прошли мирно, Либерти откапала в закромах кладовки свою старую пижаму и кое-как влезла в неё, пожелав всем спокойной ночи, она удалилась в свою комнату.

Утром Либерти проснулась ни свет – ни заря, и, позевывая, стала спускаться вниз, решив приготовить для всех завтраков. И вот, в очередной раз душераздирающе зевнув Ли-

берти открыла глаза и узрела в комнате Кельта. Ей понадобилось меньше секунды, чтобы перемахнуть через перила и залепить незваному гостю головой в нос. Кельт естественно не ожидал, что его с ходу начнут лупить и поэтому не удержал равновесия и упал, а Либерти в мгновение ока выхватила у него кинжал из ножен и уже замахнулась, как тут на неё налетел Вальмор:

– Либерти, остановись!

– Вальмор, забирай Лилию и детей, и уходите, это за мной!

– Я с белым флагом – прогундосил Кельт.

– Я сам впустил мэтр Кельта – пояснил Вальмор, всё ещё удерживая занесенную руку Либерти с кинжалом – он просто хочет с тобой поговорить.

Либерти недоверчиво посмотрела на Кельта, но тот не шелохнулся.

– Ладно, но оружие я заберу – Либерти слезла с лежащего Кельта и забрала у него еще один кинжал и посох – сейчас я пойду переоденусь и не дай Боже тебе причинить вред мой близким, я тогда тебя уничтожу, и даже праха не останется. И весь твой род до последнего колена изведу. Я ясно выражаюсь?

– Яснее некуда – кивнул Кельт, а потом, когда Либерти ушла, поделился с Вальмором своими первыми впечатлениями:

– По-моему я ей не нравлюсь.

– Вы думаете, мэтр?

– Верняк, можно мне немного льда на нос?

Либерти оделась как в армии за сорок секунд, в конце нацепила на себя всё имеющееся оружие и, придав лицу грозное выражение, опять спустилась вниз. Кельт сидел за столом, нос был распухшим, но всё же он оставался симпатичным. Так, не о том думаешь – одернула себя Либерти и села напротив.

– Ну?

– Сначала я хочу тебя поблагодарить ...

– Не стоит, могу еще добавить на выбор правый или левый глаз?

– Мне уже достаточно.

– Да, ну если что обращайся.

– Непременно, но я не о том. Дело в том, что у меня сумасшедшая семейка.

Либерти молчала – а что тут скажешь?

– Они все просто помешались на фамильной чести, родовых гербах и так далее и тому подобное. Еще один из моих далеких предков организовал и возглавил факультет Темных сил в Имперской Академии Магии, и с тех пор повелась эта преемственность, что старший мальчик в роду становится сначала черным летуном, а потом главой факультета. И вот именно мне не повезло родиться первым. Когда дядя Бальтор покинул этот мир, я занял его место.

– Уже нет – съехидничала Либерти.

– Да, уже нет, это дело не по мне, во мне нет дядино

стремления к власти, я сопротивлялся изо всех сил, но все поводы для бунтов были уже исчерпаны и тут Оте послал мне тебя. Ты избавила меня от фамильного проклятья за пару минут, и я буду тебе за это признателен по гроб жизни.

Если Кельт хотел разить Либерти, то это ему удалось с лихвой.

3

Кроме обалденно красивой внешности Кельт обладал морем обаяния, да каким там морем – целым океаном. Вот взять, например, Эля, тоже красавчик, но характер – жуть, а обаяния – на самом зачаточном уровне, или Альтаир – внешность конечно на любителя: каштановая грива волос и пронзительные зеленые глаза, зато умен и мужествен, но обаяние хромает. Причем на обе ноги. Тем более Элю 23 года, Альтаиру – 25 и в их возрасте людей уже очаровывать не надо, их и так уже все знают и любят. Но Кельт совсем другое дело – Либерти и глазом моргнуть не успела, как он обаял и Вальмора и Лилию и даже детей. Так как при малышах Либерти не хотела устраивать скандал, то ей пришлось все свои претензии на то, что её использовали, отложить на неопределенное время.

За завтраком Кельт окончательно закрепил свой успех, и Лилия стала посылать Либерти шифрованные взгляды, мол, вон какой парень, не упусти свой шанс, на что Либерти прикинулась абсолютно непонимающей.

– Теперь моя семейка будет искать меня для изощренной мести – вещал Кельт, когда Либерти уже собирала вещи.

– Убьют? – с надеждой поинтересовалась Либерти.

– Нет, конечно, но крови попортят порядочно. Так что я решил пойти с тобой, стать охотником за артефактами, давно

хотел попутешествовать между мирами.

– Что ты говоришь, со мной захотел, а зафиг ты мне сдался?

– Разве тебе не нужен напарник?

– Кто угодно, только не ты – Либерти просто заставила себя смотреть в сторону, чтобы красота Кельта не поколебала её решимости.

– Почему? Я хороший воин и маг.

– Мал ещё.

– Не моложе тебя – обиделся Кельт, его просто бесило, когда ему напоминали о его возрасте – я всё-таки как-никак мэтр магии.

– Поди по протекции дяди диплом получил – подколола его Либерти.

– А у тебя вообще никакого диплома нет – злорадно заявил Кельт.

– Зато я формулу живой воды вывела – парировала Либерти.

Кельту крыть было нечем, и тогда он стал упрашивать и давить на жалость.

– Скажи, а мама тебя в детстве не роняла? – издевалась Либерти.

– Я из семьи аристократов, мною занималась няня – пояснил Кельт.

– Ну, няня.

– Да, знаешь, как-то один раз уронила.

– Теперь понятно, почему ты такой.

– Послушай, Либерти, тебе нужен был черный летун, та квот он – я, тем более – тут Кельт достал какую-то бумажку – вот наши первые заказы, у меня обширные связи в магическом сообществе Лейна, так что без работы сидеть не будем.

Либерти задумалась – для начала сойдет любой заказ, главное начать, приобрести репутацию, а там можно и самой заключать сделки, если она сейчас даст волю чувствам, то потеряет многое.

– Хорошо – Либерти потуже завязала вещевой мешок – я согласна, но сразу заявляю, что в нашей команде главной буду я.

– Как скажешь.

– Вот только не надо со мной во всём соглашаться.

– Хорошо, не буду.

Либерти хотелось еще немного поскандалить, но опять взяла себя в руки.

– Заклинание «Переход» знаешь?

– Нет.

– Ладно, пока я буду нас переносить, а потом каждый за себя.

Попрощавшись с Вальмором и Лилией, Либерти прочла заклинание, и они с Кельтом исчезли.

Охотница за артефактами... Эта работа окутана романтическим ореолом, еще бы – сраженья, хитрость, ловкость и

в конце заслуженная победа и деньги. Но вот чтобы дойти до этой победы нужно выполнить массу вполне заурядных действий – найти артефакт, узнать его силу, получить подробную инструкцию по применению, а потом купить его, или украсть, обменять или отнять у законного владельца. И сверх того, еще нужно успеть унести ноги или дать отпор тем, кто захочет проделать все эти операции с вами лично. Конечно, существовали охотники-одиночки, но Либерти предпочитала ходить на дело с напарником, ведь умение трезво оценивать свои силы – первый шаг к успеху.

Кельт оказался надежным боевым товарищем – он был выносливым, магически одаренным, с прекрасным характером и с неиссякаемым запасом оптимизма: нужно спать на земле – пожалуйста, сварить кашу – один момент, прикрыть спину – без вопросов. Не напарник – золото. Либерти в душе радовалась, что встретила Кельта, но в общение с ним она была вежливо – холодной, дабы не переступить границы, которые она сама и возвела. Главная проблема заключалась в том, что Кельт был молодым и очень – очень красивым, Либерти могла часами смотреть на него не отрываясь (естественно, когда он не видел). Она уже и не надеялась встретить парня, который ей понравится, да не очень-то ей и хотелось обременять себя какими-то обязательствами, и главное – ей не хотелось быть к кому-то привязанной узами покрепче брачных, любовью, то бишь. Ведь где появляется это чувство, там же ютятся и боль, и страдание, и горе. Уф, жуть

просто. Тем более Кельт не проявлял какой-либо заинтересованности её особой, поэтому Либерти еще могла держаться, ведь она не привыкла вешаться парням на шею и менять своих привычек она не собирается даже ради такого экземпляра как Кельт. Вот так-то.

Либерти предпочитала вести свои дела без лишнего мордобоя, так сказать получать артефакты благодаря личному обаянию. Как уже говорилось, у Кельта этого обаяния было выше крыши, да и Либерти, когда улыбалась и не махала мечом, была очень мила. Люди во всех мирах сами несли им свои сокровища, да потом еще и благодарили за оказанную честь. И вот из-за этого выдержка Либерти подверглась суровому испытанию – все девицы липли к Кельту словно мухи на мед, строили ему глазки, игриво хихикали и просто нагло хватали его своими заgreбушими ручонками. Конечно, при этом артефакты сами доставались Кельту и Либерти почти даром, но терпеть такое изо дня в день не сможет и скала, тем более что нельзя высказать свое мнение, а то он еще решит, что это ей не по душе. Но забыть обо всех этих случаях Либерти тоже не могла, так что теперь все накопившееся искало выхода, и этот шанс ей вскоре представился.

В одном из миров Либерти наткнулась на потрясающий артефакт – кольцо, которое позволяет человеку летать. Его обладателем был местный голова, суровый и неподкупный мужчина, который и слышать ничего не хотел о его продаже или обмене. К несчастью у него имелась дочь, которую Кельт очаровал за неполные два часа, и она пообещала вынести им кольцо в полночь. Либерти и Кельт прибыли к на-

значенному месту тютелька в тютельку, и сразу же огребли по полной, ибо эта глупая курица не смогла удержать рот на замке. Вместо кольца их ожидал сам голова и еще двадцать здоровенных мужиков – Либерти и Кельту пришлось здорово попотеть, чтобы унести ноги, и то, если бы Кельт не навел на противника морок, то их бы попросту втоптали в землю и следа бы не осталось.

– Глупая это была затея, нужно было сразу красть без лишних разговоров – бурчала Либерти, когда они уже сидели в безопасном месте – но ничего, теперь ты сделаешь перерыв в волочении за юбками – позлорадствовала она, трогая разбитую губу.

– Как мне помниться, я уже сто лет ни за кем ни волочусь всё с тобой и с тобой – Кельт воззрился на Либерти правым глазом, левый заплыл и пока не действовал.

– Как же, не волочиться он. А эта вот, Гиза, я же предлагала кражу, а ты – сама принесет, сама принесет, вот и принесла.

– Если тебе не нравится, что я добываю артефакты через противоположный пол, то так сразу и скажи. И вообще, я же молчу, когда ты обхаживаешь каких-нибудь парней или мужиков, это наша работа, ничего личного – выдал тут Кельт.

Неужели ему не всё равно, когда я заигрываю с км-либо? – пронеслось у Либерти в голове сладко-приятна мыслишка, но она ничем не выдала своё состояние, так спокойно. Мне всё равно, мне всё равно.

– Мне всё равно, просто нужно быть осторожней – заявила она вслух.

Кельт почему-то улыбнулся и тихо, словно самому себе сказал:

– Ты довольно глупа.

– Есть с кого брать пример – автоматически огрызнулась Либерти, у которой был абсолютный слух – ты это про что?

– Да так. Куда теперь полетим?

– С такими рожами к заказчикам идти нельзя, нужно подождать, когда хотя бы синяки сойдут – сказала Либерти – я предлагаю полететь в мир Мериаль, у меня там Альтаир.

– Кто такой?

– Мой лучший друг, заодно толкнем не востребовавшие цацки тамошним магам.

– Я пас.

– Почему?

– Вернусь – ка я домой, отлежусь и отдам заказы, так мы сразу охватим два фронта работы, а потом встретимся где-нибудь.

– Давай на Земле, вот её координаты.

– Но там же нет артефактов.

– Там моя мама, нужно отметить.

На том и порешили.

Либерти могла явиться к Альтаиру в любое время суток и с любой проблемой, их дружба, начавшаяся с взаимной

неприязни, лжи и предательства смогла-таки выжить и только окрепла со временем. Теперь Либерти верила Альтаиру безоговорочно, ещё он всегда давал ей умные советы, а когда она жила у него он всегда выкраивал для неё минутку, чтобы просто поболтать. И финальный аккорд в этой хвалебной оде – хотя Альтаир был старше и сильнее Либерти, он никогда не заставлял её чувствовать себя хуже него. Так что Либерти со спокойной душой телепортировалась в замок Альтаира прямо в Зал Совета – и угадала правильно, Альтаир был здесь вместе с Голденом.

– Ба, какие люди – Альтаир отложил свиток, который читал – и какой у вас цветущий вид, радость души моей.

– Всё хорошеете, госпожа Либерти – съехидничал Голден, но тут Либерти как бы невзначай вытряхнула на стол горку артефактов.

Старый маг только что не запел от восторга и тут же хищно протянул за ними руки.

– Вот, выбирайте что хотите. Как старому знакомому я уступлю их вам со скидкой.

– Спас – с – сибо – прошелестел Голден и сгребя всю кучу в подол балахона исчез.

– Как вижу, дела у тебя идут неплохо. Только в следующий раз не нужно так шокировать Голдена, а то помрет старичок.

– Зато он умрет счастливым.

Они еще немного поперикидывались шуточками, а потом Альтаир поинтересовался:

– Ты ко мне на лечение или в гости?

– И то и другое – Либерти насколько позволяли разбитые губы, лучезарно улыбнулась – не могу же я в таком виде предстать перед мамой, да она меня сразу в кандалы и в погреб.

– А тебя по-другому ведь не удержишь. И зачем я только научил тебя магии на свою голову, стыдно теперь Герте в глаза смотреть.

– Ты и не смотри, смотри лучше в пол. А я ведь и тебе кое-что привезла – Либерти достала из голенища сапога обалденно красивый клинок с какими-то рунами вдоль всего лезвия – вот, куда бы ты его не кинул, он всегда попадет в цель. Проверено. Держи, это для твоей коллекции.

– Ну и хитрющая же ты девица, Либерти – Альтаир бережливо вертел клинок в руках – знаешь мою слабость. Теперь у меня язык не поворачивается тебя отчитывать.

– Ну и ладушки – Либерти было приятно, что она смогла угодить Альтаиру – я тогда займу свою прежнюю комнату?

– Хорошо, если что нужно, попроси у слуг. До ужина я буду занят, а там поговорим по душам. И зайди к целителям, а то на тебя без слез не взглянешь. Всё, иди.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой государь.

– Иди – иди, подхалимка.

Придворные лекари были от лица Либерти в восторге, так как у них почти не было работы, а тут такое поле деятельности – Либерти вырвалась из их цепких рук. Потом был целый день ничегонеделанья, ведь даже самым неутомимым авантюристам нужен отдых, а вечером Либерти напялила миленькое платьице и отправилась на ужин с Альтаиром.

В столовой был установлен длиннющий стол, но Либерти по старой привычке села по правую руку Альтаира. Который тоже приоделся, а в придачу ко всему еще держал в руках букет тюльпанов и какую-то коробочку.

– И кто тебя всем этим одарил? – поинтересовалась Либерти.

– Вообще-то это тебе.

– Почему? Я что, забыла про какой-то праздник?

– Нет, это подарок на твой день рождения.

– О, хотя он уже и прошел, но всё равно приятно. Спасибо – Либерти мигом вскрыла коробку – там лежало кольцо с бриллиантами и изумрудами, переплетенными в необычный узор – большое спасибо, очень красиво.

– Гномья работа, а эскиз нарисовал я сам – похвастался Альтаир.

– Честно говоря, не ожидала от тебя такого творческого изыска.

– Ты еще многого обо мне не знаешь, ведь я весь такой загадочный – смешно заявил Альтаир – а ты, как я вижу, посетила лекарей, совсем другой вид, зачем ты только подвергаешь себя опасности, ведь может так случиться, что тебе не один лекарь не поможет.

– Альтаир, ну я же не полная дура, и я всегда прежде чем лезть в очередной мир составляю план действий. Тем более я не одна.

– Что? И с кем же ты?

Либерти подробно описала Альтаиру свою встречу с Кельтом.

– Не нравится мне этот Кельт – прямо заявил Альтаир, выслушав Либерти – этот мальчишка из «Черных Летунов», которые по твоим рассказам не блещут кристальной честностью. Тем более ты убила его дядю, а вдруг он решил отомстить?

– Не думаю.

– Ты пока не можешь адекватно оценивать его поведение.

– Это почему же?

– Да ты же в него влюбилась – ах Кельт то, ах Кельт сё.

– И ничего я не влюбилась – отрезала Либерти, покраснев до корней волос – простоя ему доверяю.

– А я нет.

– Это меня не волнует – выпалила Либерти и тут же увидела, что Альтаира её грубые слова обидели – извини, это я не подумавши ляпнула. Просто все окружающие только и

делают, что советую мне как жить, что делать, и с кем водить дружбу, и мне это надоело. Я уже взрослая и имею право всё решать сама.

– Можешь, но толку от твоей взрослости, если однажды тебя вернут нам в гробу, если вообще вернут.

– Ты всё видишь в мрачных тонах.

– Возможно, но запомни, будь тебе хоть 1000 лет, для тех, кто тебя любит, и в первую очередь для мамы ты навсегда останешься ребенком, и ты просто обязана это учитывать.

– Блин, какой ты нудный.

– А ты эгоистка, только о себе и можешь думать – холодно заметил Альтаир.

Теперь обиделась Либерти – и чего он так на неё взъелся, и никакая она не эгоистка, подумаешь, немного покуражилась, так она же не забывает о семье, вон всем подарки приготовила.

– Как хочу, так и живу – буркнула она.

– Ох, Либерти, как с тобой трудно.

– А с тобой прямо легко, привык тут, чтобы все твои приказы выполнялись, но я тебе не слуга, у меня есть своё мнение, и я хочу, чтобы с ним считались.

– Хорошо, я понял – примирительно сказал Альтаир – простоя за тебя волнуюсь, ты ведь мне не чужая.

– Да уж, наговорили мы глупостей – Либерти тоже уже сменила гнев на милость – прямо как в старые добрые времена.

Они на мгновение задумались, вспоминая, что совсем недавно их было трое – они ругались, веселились и помогали друг другу, и им казалось, что так будет всегда. Но вот Эль теперь женат, Альтаир государь, а Либерти стала охотницей за артефактами. Как же жизнь их разбросала.

– Скоро и ты охмуришь своего Кельта и осядешь в каком-нибудь мире, и я окажусь забытым – вздохнул Альтаир, и по его тону нельзя было понять, какие чувства обуревают его в данный момент.

– Я так далеко не заглядываю – сказала Либерти – тем более, что ты можешь жениться первым и тогда забытой окажусь я. Кстати, а почему ты не женат? Это непорядок.

– Потому что мне не жена нужна, а государыня – Альтаир грустно улыбнулся – ладно, давай рассказывай мне о своих приключениях.

Либерти с тоской ждала, то стоит ей только появиться с Кельтом в поле зрения свое семейки, то так просто это ей с рук не сойдет. Эти заботливые гарпии мигом вцепятся в них и буду изрекать целые водопады глупостей. Господи, какие же они предсказуемые.

Так и оказалось – едва успев покончить с приветственными криками, Герта уволокла Кельта в уголок и стала что-то шептать ему на ухо, а Либерти не могла этому воспрепятствовать, так как её окружили Эль и Веспер, которая уже выглядела так, словно проглотила глобус.

– Уже скоро, да? – Либерти прислонилась ухом к животу Веспер – эй, ты меня слышишь там?

– Ну и как, отвечает? – съехидничал Эль.

– Кто-то остался без подарка – бросила Либерти в пространство, и Эль мигом стал добреньким-добреньким.

– Скоро – Веспер улыбнулась – и я хочу тебя видеть в день его рождения.

– Обязательно приеду – пообещала Либерти – тем более интересно будет посмотреть на валяющегося на полу больнице Эля.

– Зря надеешься – огрызнулся Натаниэль – гони подарки, а то я сейчас захлебнусь собственным ядом.

6

Выдержав первый натиск родственников Либерти и Кельт наконец остались одни. Усевшись прямо на пол, они стали делить золото, полученное за артефакты.

– Я переплавлю их в слитки и положу в банк – говорила Либерти, складывая монетки в столбики – а ты что сделаешь со своей долей?

– Съеду из родового замка и открою свою собственную школу Темных сил, только без всех этих интриг и планов захвата Вселенной. Мы будем помогать людям, защищать их от всех опасностей ночи – мечтательно сказал Кельт.

– А что ты раньше этим не занялся, ты же вроде богачей с детства?

– Некогда было: то «Черные летуны», то путешествия, моя мама обожала ездить по заграницам, а сейчас не на что – меня лишили наследства.

– Ты заходил домой?

– Ага. Собрался весь клан – меня подвергли всеобщему осуждению и конфисковали все вещи рода Дагон, ели трусы упрямил оставить – со смехом вспоминал Кельт.

– Нифига себе у тебя семейка. Суровая.

– Вообще-то они неплохие – сказал Кельт – только очень ревностно чтят традиции, любой шаг в сторону считается непозволительным. Так что каждый век в нашей семье наме-

чатся отщепенец, которому это положение дел не по нраву, и в этом веке это я. Но ничего, им всё равно придется всё отписать мне, ведь других наследников у родителей нет, а отдать всё нажитое боковой ветви отец не сможет – лучше удавиться, они с дядей Рейном давно на ножах.

– А если всё-таки не оставят?

– Ну, к тому времени я уже сам себе состояние сколочу. Напомни мне потом показать тебе новый список заказов.

Либерти ели оторвалась от созерцания своих мечтаний – вот они с Кельтом уже убелены сединами и сидят в креслах-качалках на крыльце своей школы Темных сил.

– Да, я тоже не терла времени даром, маг Голден из Мери-аля заказал драконье яйцо, у них там все свои драконы вымерли, и он хочет заняться их разведением.

– Тогда нужно два.

– Ты одно сначала достань – драконы теперь редкость.

– Ничего, найдем. Эта монетка тебе, эта мне.

Тут в комнату заглянула Герта.

– О, какое богатство. Но стоит ли рисковать собой ради этих железяк?

Либерти и глазом моргнуть не успела, как Кельт уже исчез из комнаты.

– Спокойно, мама, не утруждай себя, все эти лекции мне уже прочел Альтаир, я заскочила к нему перед домом.

– Альтаир – положительный молодой человек, серьезный, но ты его конечно не послушала?

– Конечно нет.

– Это потому что у тебя ветер в голове, и у Кельта твоего тоже, вы оба абсолютно глухи к разумным доводам.

Либерти скисла – и чего они все на неё ополчились, заняться больше нечем что ли?

– Либерти, пойми, я с каждым голом не становлюсь моложе и здоровее, и я хочу, чтобы моя единственная дочь была счастливее меня – нашла работу, вышла замуж. Да я просто хочу внуков, раз не смогла вырастить дочь, то хоть на них душу отведу.

– Мама, но я же не давала обета безбрачия, всё это будет, но только попозже.

– Когда попозже – лет через 300?

– Нет, через 299 – вырвалось у Либерти – прости, мамочка, это я не подумавши.

– У тебя вся жизнь – не подумавши – но Герта уже исчерпала все заранее припасенные претензии и аргументы и поэтому перешла к другой теме – а этот юноша, Кельт, весьма недурен собой. Эх, будь я помоложе.

– Мама!

– А что такое, или ты его для себя оставила?

– Прямо я так тебе и сказала, потом же не отвяжешься.

– Всё это конечно шуточки, Либерти, но помни, что помимо красивой внешности у человека должно быть что-то здесь и здесь – Герта постучала пальцем по голове и по сердцу – внешность не главное, главное, чтобы человек был хо-

рошим.

Либерти так и подымало сказать, что эту присказку придумали некрасивые люди, но она всё же промолчала – пусть мама потешиться.

Выполнив свой материнский долг Герта удалилась на кухню, и тут же в комнате опять, прямо из ниоткуда появился Кельт.

– Что, воспитывала? – сочувственно спросил он.

– И не говори. Надо уносить ноги, а то застрянем надолго.

– За драконами?

– За драконами – и они улыбнулись друг другу.

Миров несчетное количество – некоторые похожи друг на друга, другие наоборот словно небо и земля, в одних была магия, в других даже о интуиции слыхом не слыхивали. И населяющие их существа тоже делились на кучу видов, но везде, как ни странно, жил человек, где-то как царь где-то как раб, но человек был везде. А там, где есть человек, есть и ненависть, и любовь, и страх, а все эти чувства могут породить небывалые по силе артефакты, даже существа, у которых магия в крови не могут создавать что-то более изощренное, чем созданные руками и волей простого смертного. Оставалось только прийти и взять.

Либерти и Кельт не просто тупо собирали артефакты, они еще делали записи о мирах, которые они посещали – об их жителях, их образе жизни и обычаях, природе, и истории.

– На Земле я могу продать эти записи как фантастическую книжку – шутила Либерти.

И не смотря на все трудности, Кельту и Либерти нравилась такая жизнь, наслаждаться покоем и тишиной они будут в старости, а пока нужно успеть выковырять изумруд, дающий дар видеть будущее из глиняной статуэтки и унести ноги до появления разъяренных хозяев.

Шли дни, а драконы им не попадались, но чем труднее что-то получить, тем больше усилий мы к этому прилагаем.

– Драконы не могут исчезнуть полностью – говорила Либерти – где-то они обязательно должны быть – они сидели в таверне в мире Колдроуз – эта же такая магическая мощь, их так просто не истребишь.

– Но в Мериале же истребили – заметил Кельт.

– Они вымерли сами в результате междоусобиц. Нет, ты только посмотри, эта девица у стойки тебе уже всю спину насквозь прожгла своими глазенками – Либерти просто кипела от возмущения.

Кельт обернулся – девица у стойки зазывно ему улыбнулась, и он услышал, как Либерти шумно засопела, пытаясь справиться с захлестнувшей её злобой. Недолго думая Кельт перегнулся через стол и крепко поцеловал Либерти, а потом, как ни в чем не бывало сел на место. Девица у стойки намёк поняла, а вот Либерти наоборот, словно отупин приняла, ибо её голову покинули все мысли. И если бы не подсевший к ним мужик с внешностью, за которую и убить не грех, Либерти обязательно брякнула бы какую-нибудь глупость.

– Уважаемые ищут драконов? – спросил мужик.

Либерти и Кельт мигом наострили уши.

– Да, а вы знаете, где они могут быть?

– Знаю, и даже могу вас туда провести. Если у вас хватит золота.

– А где гарантии, что вы нам не врѣте? – спросила Либерти.

Мужчина достал из кармана небольшую черную пластину – Либерти хватило одного взгляда, чтобы понять, что это чешуя дракона, она видела точно такую же у Голдена в лаборатории.

– Мы согласны, половину названной суммы получите сейчас, половину на месте.

Тут уж не до романтических переживаний – ведь у них перед носом замаячила сделка века, Голден обещал за одно яйцо дракона целое состояние. Мужик, которого звали Толф, решительно повел их в лес.

– Нам не нужны лесные дракончики, они слишком мелкие – заметил Кельт.

– А лесные у нас и не водятся, уважаемые, только Большие Черные или Королевские – ответил Толф – и эта дорога через лес самая короткая к вон тем горам, где их пещеры.

Кельт и Либерти посмотрели в указанном направлении – исполинские горы своими верхушками касались облаков. Не трудно представить, сколько там пещер, а в этих пещерах драконов и их кладок. Они богаты!!!

– А почему никто кроме вас не рассказал нам о драконах? – спросила Либерти – мы уже думали, что их в Колдрозе нет.

– Это табу наложенное Храмовниками и их Драконами, вот люди и боятся.

– Кто такие Храмовники?

– Это люди, которые служат в Храме Драконов, маги. Драконы дают им власть, и они не хотят ею делиться, вот и держат всё в тайне.

– А почему вы не боитесь их гнева?

– Я когда-то был одним из них, но хотел служить людям, а не своей гордыне, так что меня погнали – сказав это, Толф ускорил шаг.

– Да будет благословенна жажда мести во веки веков – шепнул Кельт Либерти.

– Ага, и нужно подготовиться к худшему, походу эти Храмовники не ангелочки, раз целую страну смогли запугать.

– Но не нас?

– Не нас.

Они шли еще долго, удобную тропинку сменили непролазные дебри.

– И как они тут сами ходят? – возмущалась Либерти, запутавшись волосами в очередном колючем кустарнике.

– Храмовники здесь не ходят, они летают на Драконах – пояснил Толф.

Они уже почти выбились из сил, когда лес стал редеть, и вскоре их взору предстала гора, из плоти которой выросстал Храм.

– Ничего себе домик – Либерти достала бинокль – а охраны сколько. Кельт, нам туда не просочится, смотри, возле каждой пещеры человек десять топчется.

– Предлагаешь переговоры?

– Это бесполезно – влез в их разговор Толф – они не будут вас слушать.

– А вдруг? – Либерти проверила хорошо ли выходить меч из ножен – я пошла.

Но только она сделала шаг, как около Храма наметилось оживление – из пещер полезли драконы, храмовники залазили им на спины, и они взлетали в небо. Либерти впервые видела живых драконов – какие прекрасные и сильные создания.

– Какая красота – выдохнула она.

– И эта красота летит к нам – Кельт тоже вышел из укрытия – Толф нас покинул, так что врём, что заблудились. О драконах ни слова, дальнейшие действия по обстановке.

Драконы летали очень быстро и вскоре на поле перед Либерти и Кельтом приземлились десять драконов, с них слезли храмовники, мужчины и женщины, все в кольчугах из драконьей чешуи.

– Кто вы такие? – спросил один из храмовников.

– Мы грибники – сказала Либерти – и мы заблудились, очень устали и хотим есть, вы нам не поможете?

– Вы лжете – холодно заявил храмовник – я вижу у вас магический жезл и посох, вы шпионы, убить их.

Все храмовники мигом окружили их и достали мечи – неприятная ситуация, учитывая драконов с их огненным дыханием, от них то не убежишь.

– Послушайте – Либерти еще надеялась уладить всё мирным путем, но куда там, храмовники молча наступали, сжимая круг.

– Уходим – шепнула Либерти Кельту, а потом достала жезл, который и спас ей жизнь.

Один их храмовников стремительно поддался вперед, выставив перед собой меч, Либерти в последнюю секунда сумела отбить этот выпад жезлом, но, увы, от удара камень в наверхие раскололся надвое, теперь эта была просто палка.

– Сволочь! – Либерти выхватила меч, и сама пошла в атаку.

– Остановись!!! – Кельт крутился волчком, прыгал, приседал, уворачиваясь от мечей храмовников – уходим!!!

Либерти вняла этому разумному зову – прекратив преследовать своего обидчика, она стала пробиваться к Кельту.

– Я нас перенесу – заявила она, вцепившись в посох Кельта – полетим в Мериаль. Но сюда еще вернемся и сотрём этих козлопасов в порошок.

Эта драка закончилась ничьей – храмовники отделались легкими царапинами, а Кельт и Либерти сломанным жезлом. Но ведь это было только начало.

8

На этот раз Либерти вместе с Кельтом с грохотом десантировались прямо в Тронном зале, в толпе каких-то людей мигом превратив чинную церемонию в сумасшедший дом. Когда же Либерти наконец удалось спихнуть с себя груды тел и встать на ноги, то Альтаир уже был рядом с ней, справа от него как всегда маячил Голден и смотрел на Либерти таким взглядом, что ей стало не по себе.

– Альтаир, я ...

– Иди к себе в комнату – тихо сказал Альтаир, но лучше бы он крикнул, так как Либерти от его тона аж дрожь пробрала и, прихватив Кельта, она скрылась из виду.

– Какой ужас – Либерти уже переоделась и поела, а Альтаир всё не приходил и даже никого не посылала за ней – он на меня никогда голос не понижал.

– Что тоя не понял, ведь обычно люди расстраиваются, когда на них кричат – сказала Кельт.

– Крики ан меня не действуют, а вот такой тихий, зловецкий тон, бр-р, жуть. Надеюсь меня не повесят.

– А что, могут? – забеспокоился Кельт.

– Не знаю, но, когда дело касается его обожаемого государства Альтаир становится непредсказуемым. Вдруг мы ему мирный договор сорвали? Нет, не могу больше, я долж-

на с ним поговорить. Подожди меня здесь.

Либерти бодрой рысцой почесала в Тронный зал, но там уже никого не было, тогда она направила свои стопы в Зал Советов и точно, уже на подходе она услышала крики Голдена:

– ... и вообще хватит уже потакать выходкам этой несносной девчонки! Мой государь, я требую, чтобы к ней относились, как и ко всем гостям – вежливо, но с ДОСТОИНСТВОМ!!!

– Голден, ты сам себе противоречишь – услышала Либерти голос Альтаира.

– Я имел ввиду, что она должна уважать не только нас, но и наши законы. Мы рады гостям, но выделять кого-то из общей толпы просто неумно.

– Я понял тебя, Голден, я поговорю с Либерти.

– Уж поговорите, да так, чтобы она на всю жизнь запомнила. А то ишь ты, если пользуется особой благосклонностью государя, то всё можно, и ...

– Голден, ты свободен.

Подслушивающая за дверью Либерти вздрогнула и энергично забарабанила в дверь, не хватало еще, чтобы её заподозрили в таком неблагоприятном деле, как подслушивание.

Голден открыл дверь и пропустил Либерти, зыряка на неё гневно-ехидным взглядом. Ничего, старый интриган, мы с тобой еще поговорим, когда я добуду яйцо дракона, ты у меня тогда попрыгаешь – злорадно подумала Либерти, прово-

жая Голдена не менее гневным взором.

– Либерти, закрой дверь – сказал Альтаир и, когда на это сделала, указал ей на стул рядом с собой.

Либерти сидела ни в силах поднять глаз.

– Я хочу, чтобы в следующий раз и во все последующие за ним ты телепортировалась во дворе замка, после чего заходила вовнутрь через дверь – сказал Альтаир.

Либерти согласно закивала.

– Ты прибыла не одна, и в будущем я хочу, чтобы всех незнакомцев сначала представляли мне, а потом я решу оказывать ему гостеприимство или нет.

– Но это же Кельт.

– А это мой дом и я, как хозяин, просто обязан знать всех его посетителей лично. Ты меня поняла?

– Да.

– Я говорю всё это не из-за собственного самодурства или с подачи Голдена, просто так будет правильно, ты поднимешь это, Либерти?

– Понимаю, чего же не понять. И я хочу попросить у тебя прощение за причиненные неприятности, я больше так не буду.

– Я тебе верю.

У Либерти просто гора с плес свалилась, и к ней вернулось её обычное хорошее настроение.

– Альтаир, а можно мне новый жезл?

– А где старый?

– Погиб при исполнении.

– Ясно. Можешь взять мой старый жезл в моей комнате.

Но учти, я его от сердца отрываю, так что береги его.

– Спасибо – Либерти припомнила все уроки хороших манер и сделала реверанс.

– Встретимся за ужином, поглядим на твоего несравненного Кельта. Всё, можешь идти.

Либерти рванула в покои Альтаира, ворвалась и принялась рыться в его шкафу для оружия. Кое-как достала с самого низа тяжелый короб с жезлами и повернулась, чтобы поставить его на стол – и только тут заметила, что она в комнате не одна. В глубоком кресле сидела девушка, она вышивала ворот рубахи Альтаира, хотя не была служанкой, слишком дорогое платье и украшение.

– Э, ты, вы, так, спокойно (это себе), вы кто? – поинтересовалась Либерти.

Девушка отложила шитье, встала и, подойдя поближе, протянула Либерти руку:

– Я Атенаис, невеста Альтаира.

Короб выпал у Либерти из рук отдавив обеим девушка по одной ноге.

– Простите великодушно – Либерти кое-как доперла несчастный ящик до стола и достала жезл – я это от неожиданности, а не из-за каких-то злых мыслей. Я очень, очень удивлена, хотя, может и не стоит удивляться. Черт, забыла представиться, меня зовут Либерти.

– Я знаю, Альтаир мне про вас много рассказывал – Аテナис улыбнулась – я вас так и представляла.

– Неуклюжей и невоспитанной? – Либерти пыхтя, убрала короб обратно.

Аテナис весело рассмеялась, Либерти тоже похихикала, всё происходящее пока не достигло её сознания в полной мере.

– Какая вы забавная.

– Спасибо – проямлила Либерти, которой этот эпитет показался оскорбительным, но не будет же она обижаться из-за пустяков.

– А зачем вам жезл Альтаира?

– Для работы – Либерти понемногу отступала к выходу, непрерывно отвечая на все вопросы Аテナис – ну, я пойду – и она тенью шмыгнула за дверь.

Только на подходе к своей комнате до Либерти стало доходить – у Альтаира есть невеста. Как? Откуда? Зачем? Последний вопрос звучит глупо – зачем, чтобы жениться, конечно. Но почему он никогда о ней не упоминал, и её появление такое внезапное, раз, и уже рубашки вышивает. И по её разговорам можно понять, что они знакомы с Альтаиром давно, какой-то ребус получается.

Либерти зашла к себе и увидела Кельта, память тут же услужливо напомнила ей об их поцелуе, надо же, совсем из головы вон.

– Что ты так долго, я уже решил, что тебя казнили? – попенял ей Кельт.

– Я жезл добывала – Либерти сунула ему в руки жезл, а сама принялась размышлять, как бы поддипломатичней разузнать о причинах, которые подвигли Кельта на этот поступок.

– Сильная вещь – Кельт чуть ли не попробовал жезл на зуб – тем более очень дорогая. Откуда?

– От Альтаира.

– Вижу, он у тебя щедрый.

– Просто ему для меня ничего не жалко. Кстати, мы вместе ужинаем, и тебе придется повертеться, чтобы доказать ему, что ты достоин быть рядом со мной.

– С чего я должен доказывать это Альтаиру, а не тебе лич-

но?

– А ты мне уже доказал, иначе бы тебя здесь не было – выпалила Либерти прежде чем ужас сковал ей язык – и вообще, я хочу знать, зачем ты меня тогда поцеловал?

Кельт улыбнулся.

– Чтобы показать окружающим, что мы больше чем друзья.

– А это так? – Либерти уже и не пыталась унять дрожь в коленях. Будь ты хоть тысячу раз бесстрашным воином, но когда дело касается чувств, то всё, пиши пропало, ведь здесь ни мечом махать надо, а мозгами шевелить.

– Если пожелаешь.

Типичное мужское поведение – свалить решение трудных проблем на хрупкие женские плечи. Какой кошмар! Но почему-то вместо ожидаемой радости Либерти ощутила тоску. Всё шло не так, как ей хотелось бы, совсем не так. Она не урод, даже совсем наоборот, и она чувствовала, что симпатична Кельту, но каких-либо поползновений он до этого поцелуя не предпринимал, а когда предпринял, то нет, чтобы всё прямо сказать, предлагает ей выбор. А если она вот возьмет и не пожелает, тогда что – он огорчиться и утопится в близлежащем пруду или обидится и уйдет от неё, и так плохо и так нехорошо. Есть и третий вариант – ему без разницы, что она скажет – нет, не больно и хотелось, а если да – то почему бы и нет. Ведь, ведь если бы она ему нравилась по-настоящему, то он бы просто прямо сказал ей об этом и

потребовал бы точных ответов – да или нет, а тут – если пожелаешь.

Молчание Либерти затянулось, и Кельт понял, что сморозил глупость. Но если он и вправду так думает – Либерти с одной стороны была красивой, сильной и волевой девушкой, а с другой обладала необузданным нравом, который ему придется укрощать, и если она не против, то он попытается построить с ней отношения, а если против, то они просто останутся друзьями. Либерти была не хуже всех встречаемых им девушек, но выделялась из общей массы авантюрным складом характера, но, по разумному размышлению, это скорее недостаток, чем достоинство. Так что выбор за тобой, Либерти.

– Мне нужно подумать – наконец сказала Либерти, у которой в мыслях был полный ералаш.

– Я подожду – спокойно ответил Кельт и Либерти посмотрела на него новым взглядом – вроде тот же парень, вся неземная красота при нем, но всё же исчезло куда-то невыразимое очарование, которое раньше заставляло её краснеть и придаваться глупым мечтам.

В дверь постучали, вошел слуга и доложил, что их ожидают к ужину.

Атенаис гордо восседала по правую руку от Альтаира, на законном месте Либерти, между прочим. После церемонии знакомства, Либерти пришлось сесть на другое место, рядом

примостился Кельт. Разговор был ни о чем, так, пустая болтовня, а Либерти жутко хотелось поговорить с Альтаиром наедине. И как по заказу тут выяснилось, что Кельт – темный маг, а у Атенаис есть диадема с явной печатью проклятья и не мог бы мэтр Кельт её снять. Кельт естественно мог, и Атенаис увлекла его в Сокровищницу, ибо ей очень хотелось надеть эту диадему на следующий бал.

– Красивая у тебя невеста – сказала Либерти.

– Твой Кельт тоже ничего.

– А ты не хочешь рассказать мне откуда она взялась вся такая внезапная?

– Из замка на южных землях Мериала.

– Смешно. Но мне интересно, почему она обо мне знает всё, а я о ней нет?

– Мы переписывались, и я пару раз упомянул о тебе.

– Так, с этим разобрались, теперь следующий вопрос – почему ты никогда не говорил, что у тебя есть невеста?

– Раньше её и не было, я сделал Атенаис предложение сразу после твоего последнего визита. Обдумал твои слова, что отсутствие жены – непорядок, и написал Атенаис письмо с предложением.

– И она согласилась?

– Как видишь.

– И ты её любишь? Что-то я не вижу особых восторгов.

– Я тебе уже однажды говорил, что мне нужна государыня, а не жена. Атенаис подходит для этой роли как нельзя

лучше – она знатного рода, умна и красива, мы похожи по характеру, одним словом, всё в порядке.

– А Атенаис знает об этих твоих рассуждениях? По мне порядком тут и не пахнет, ведь она-то в тебя влюблена – прощательно заметила Либерти.

Альтаир смешался, но всё же ответил:

– Любовь пройдет через два-три года, а там останется крепкая привязанность.

– Если ты убьешь любовь Атенаис, то потеряешь не только жену, но и друга. И не ты ли говорил, что никогда не женишься из жалости?

– Это не жалость.

– Но и не любовь. Мне кажется, ты совершаешь ошибку, а ведь если вы поженитесь, то дороги назад не будет, ведь, если память мне не изменяет, то браки правителей Мериала расторжению не подлежат.

– Ты предлагаешь мне не жениться?

Либерти пожала плечами – мол, она свое мнение высказала, решение за тобой.

– Я не могу так обидеть Атенаис.

– Ты обидишь её еще больше, когда она спросит, смотря тебе в глаза, любишь ли ты её, и ты соврешь. Рано или поздно она это поймет. Ложь во спасение – это палка о двух концах, поверь мне, я знаю это не понаслышке – и Либерти потрясла цепочкой с кольцами, среди которых было и кольцо Даная.

– У меня нет другого выбора.

– Выбор есть всегда.

Альтаир горько усмехнулся, и вдруг сказал:

– А ведь это ты во всём виновата.

– Что?! – Либерти изумленно вытаращилась на Альтаира
– почему это?

Альтаир лишь устало махнул рукой и ушел в себя, вытрясти из него всю правду Либерти помешали вернувшиеся Атенаис с Кельтом. Обряд снятия печати проклятия прошел успешно, и Атенаис в порыве благодарности пригласила Кельта, а заодно и Либерти, на бал в честь её дня рождения. Сразу после ужина Либерти и Кельт продолжили свое путешествие, а то они слишком часто прерываются, так и форму потерять недолго.

Кельт прекрасно знал силу свой внешности и видел, что Либерти тоже не осталась равнодушной, но как человек честный и порядочный он не стал пользоваться моментом и, судя по всему зря, ибо теперь Либерти изменилась. Все произошло в тот момент, когда он уходил с Атенаис к её дурацкой диадеме, их не было около двадцати минут, а когда они вернулись, то Либерти и Альтаир выглядели так, словно вот-вот начнут рукопашную. И вот, прошло уже три дня, а Либерти и двух слов не сказала и походу вообще забыла, что он ждет ответа насчет их будущих отношений. Так, нужно чтобы она приревновала.

Они были в Лейне, привезли очередной заказ (перед этим они попали в такой мир, где артефакты просто валялись под ногами, ибо в результате войны все её жители были уничтожены, а вот магические штучки уцелели), и теперь выходили из стен Академии. Юные магички то и дело стреляли в Кельта глазками, раньше Либерти просто на стенку лезла от злости, а теперь даже бровью не повела. Кельт решил продолжить и вообще остановился, заговорив с одной премиленькой девчушкой, и с удивлением понял, что Либерти этого даже не заметила, как шла себе, так и идёт. Только он собрался её догнать, как его окликнул один из мэтров.

Либерти и вправду забыла об их разговоре с Кельтом, зато, наверное, уже в тысячный раз прокручивала в голове свой разговор с Альтаиром. Вот дурак, надо же такое придумать – жениться по необходимости, ведь погубит себя, как пить дать погубит. И еще эта Атенаис, хотя что, хорошая девушка, умная, красивая и влюбленная по уши, не придерешься. Но не подходит она Альтаиру, почему – Либерти придумать не смогла, но твёрдо знала, что не подходит. И вообще, никто не подходит, жениться надо по любви, а не так – с бухты-барахты. Внутренний голос слабо вякнул, что Либерти больше по душе, чтобы Альтаир вообще никогда не женился, но мозг отказался его слушать и делать какие-то ни было выводы.

– Либерти! – громкий крик над ухом заставил Либерти вздрогнуть.

– Чего орешь? – недовольно спросила она у Кельта.

– Моя семейка оставила главе Академии послание для меня, в нём говорится ...

– А короче нельзя?

– Мне вернули моё наследство, и я могу получить его хоть сейчас. Мечты сбываются – я построю школу!!! Свою, свою школу!!! – Кельт запрыгал вокруг Либерти, напевая и размахивая руками.

Либерти порадовалась за Кельта, вот молодец, другие бы мигом разбазарили фамильное состояние, а он нет, для пользы общества старается. Но тут её осенило одно подозрение:

– Кельт, ты собираешься заняться школой прямо сейчас?

– Конечно, а то папа и мама еще сто раз могут передумать.

Школа, школа, школа!!!

– А как же драконы?

– Забудь о них, Либерти, они недостижимы. Лучше мы с тобой построим чудесную школу и будем там главными. Как тебе?

Либерти словно обухом по голове вдарили – блин, она же обещала подумать над предложением Кельта, но забыла, а теперь вот он уже видит их совместное будущее. Раньше она его тоже видела, а теперь – нет. Теперь Кельт ей просто друг, вся влюбленность исчезла без следа, словно её и не было.

– Я не могу остаться – сказала она.

Кельт прекратил танцевать и стал серьезным.

– Почему?

– Из-за драконов и Альтаира.

– Ну, с первым понятно, а причем тут Альтаир?

– Он хочет жениться без любви, я должна этому помешать.

– Альтаир большой мальчик и разберется со своими делами сам.

– Это вряд ли. Он жутко упрямый.

– Даже если так, почему тебя это волнует, вы видите друг друга один раз в сто лет? У него своя жизнь, а у тебя своя.

– Но он мой друг. Даже одна мысль о том, что ему будет плохо, не дает мне спокойно жить. Я быстренько слетаю в

Мериаль, расстрою свадьбу, и вернусь к тебе и твоей школе.

Кельт всё понял раньше Либерти, и ему стало грустно, одно хорошо, что он не успел влюбиться в неё по-настоящему.

– Либерти, я только выгляжу простаком, однако я далеко не дурак. Альтаир достойный соперник, но делить свою девушку я не намерен даже с правителем целого мира. Но всё же ответь, хочешь ли ты остаться здесь со мной или всё-таки несмотря ни на что вернешься в Мериаль?

Тут уж и до Либерти доперло, что она просто ревнует Альтаира к Атенаис, ревнует самой настоящей ревностью, а ведь где ревность, там и ... любовь. Мозги стали закипать, в висках словно били в Царь-колокол, Либерти не могла поверить, что она любит Альтаира, и когда только успела, ведь всё было так обычно, привычно, стабильно, но стоило ей только оказаться на грани его потери, как все сразу стало ясно. Только бы не оказалось слишком поздно. Так, стоп, а с чего это она взяла, что он аналогично относиться к ней? Эта мысль подействовала лучше ледяного душа и Либерти пришла в себя. Черт, Кельт всё еще ждет её ответа.

– Извини, Кельт, но я вернусь в Мериаль. Просто я ...

– Не надо лишних слов, я всё понял и не держу на тебя зла. Горькая правда лучше сладкой лжи. Но, надеюсь, мы останемся друзьями?

– Это мне следует у тебя это спрашивать.

– Безусловно. Через полгода приходи посмотреть на мою школу.

– Обязательно. Спасибо тебе, Кельт, ты хороший человек.

– Тихо, а то кто-нибудь услышит и поверит.

Либерти не выдержала и прослезилась, крепко обняла Кельта, и еще раз заверив друг друга в безграничной дружбе, она прочла заклинание «Переход». Кельт тоже пару раз шмыгнул носом, а потом, опять приплясывая, поскакал к Имперскому Банку за денежками.

– Вообще-то нам платят хорошо, но всё же не настолько, чтобы накопить на постройку школы хотя бы за год – говорила Либерти Альтаиру, они сидели в углу в красиво украшенной зале, где сегодня был устроен бал в честь дня рождения Атенаис – тем более Кельт еще хочет пансион и землю под сад, так что грех было упускать такую возможность.

Они немного помолчали, смотря на Атенаис, которая всё еще принимала поздравления от многочисленных гостей.

– А я думал у вас всё серьёзно – сказал Альтаир.

– Я тоже, но, когда он предложил мне остаться, я поняла, что это не моё. Мы теперь просто друзья. А когда у тебя свадьба, я успею смотаться за драконами?

– За драконами? Одна? – Альтаир мигом вышел из себя – даже не думай. Я запрещаю тебе это категорически.

Либерти фыркнула – нашел кому запрещать.

– И не надо тут демонстрировать свою независимость, ты допрыгаешься, я тебя свяжу и отдам под стражу Голдену.

– Я могу тебя послушать только в одном случае, если ты отменишь свою дурацкую затею со свадьбой – нагло заявила Либерти – моя жизнь в твоих руках, помни об этом.

Альтаир поперхнулся на полуслове – вот интриганка, хитрющая, жуть.

– Это не шуточки, либерти.

– Конечно, я очень хочу жить, но ты меня на это вынудил, ведь по-хорошему ты не понимаешь – Либерти шла по лезвию бритвы, а вдруг Альтаир всё-таки позволит ей сунуть голову в пасть дракону (она и так сунет, но это ему знать не обязательно).

– Я не могу отменить свадьбу из-за тебя. Атенаис этого не переживет.

– Придумай другую причину – Либерти мысленно похвалила себя за удачно составленный план – а почему Атенаис не переживет, если причиной ваших разногласий стану я? Она за что-то меня недолюбливает?

Альтаир внимательно посмотрел на Либерти – её лицо выражало искреннее недоумение.

– Она меня ревнует к тебе.

– Почему? То есть разве ты давал ей повод или я, да мы вообще два раза виделись. У, а такой добренькой прикидывалась.

– Ты на себя в зеркало посмотри и повода искать не нужно, ты же девушка – мечта.

Либерти почувствовала, что краснеет, ей, конечно, говорили, что она красива, но никогда таким вот тоном, от которого сердце прыгает от пяток к горлу и еще поёт при этом. А в голове уже завертелись разные мыслишки – неужели она нравится Альтаиру, разве такое может быть, почему она раньше этого не замечала? Так, стоп – Либерти решительно себя одернула – надо закатать губу до официальной отмены

свадьбы, а там уж посмотрим.

Тем временем Атенаис выслушала последний панегирики и воззрилась на Альтаира.

– Всё, я пошел открывать бал.

Либерти кивнула, а потом зашла на небольшое возвышение, где стоял трон, и стала ждать, когда Альтаир и Атенаис станцуют первый танец. Откружившись положенное число кругов Альтаир с Атенаис под ручку тоже вскарабкались на возвышение и повернулись лицом к гостям, получилось так, что Альтаир оказался на равном расстоянии от Либерти и невесты. Либерти хотела незаметно смыться, но кругом толпился народ и все пути к отступлению были отрезаны, ей пришлось застыть на месте с вежливой улыбкой на лице. А Альтаир взял слово.

– Уважаемые гости, мы очень рады видеть вас в столь ...
– всё, что произошло дальше, заняло не более пятнадцати секунд.

Внезапно потолок залы потемнел, раздался оглушительный грохот и из клубов черных туч вылетел золотой дракон и спикировал вниз прямо к трону. Либерти даже испугаться не успела, как её сбил с ног Альтаир и закрыл своим телом, одновременно посылая в дракона смертельное заклятье. Но дракону всё было нипочем, вот он уже совсем близко и ... Золотое тело дракона распалось на миллионы золотинок, которые плавно опустились на головы изрядно перетрусивших гостей.

– Ну что вы, государь наш, весь сюрприз своим заклятием испортили, ведь все эти блёстки должны были составиться в слова – С днём рождения, Атенаис! – рядом с распростертыми на полу Альтаиром и Либерти появился Голден и помог им встать – столько времени зря потрачено.

– Голден, ты идиот – прошипел Альтаир изо всех сил сдерживая себя, чтобы не врезать этому глупому старикашке жезлом по голове – ты нас всех чуть не угробил. Завтра с утра явишься в Зал Совета, я тебе тоже сюрприз приготовлю. Всё, иди, помоги тем, кто «восхитился» твоим подарком больше всех, да пяток врачей позови, они не помешают.

Голден молча удалился, музыканты вылезли из-под стульев и пюпитров и начали играть веселые мелодии, гости приходили в себя и стали разбиваться на пары.

– Не сильно зашиб? – Альтаир бегло осмотрел Либерти.

– Бывало и хуже.

– Хорошо, посиди где-нибудь, приди в себя. Атенаис – обратился Атенаис к невесте, которая продолжала стоять столбом с момента появления дракона – пошли танцевать, нужно подать пример.

Либерти набила себе пару синяков, но это были пустяки, ибо на неё только что снизошло озарение – Альтаир кинулся спасать от дракона не свою невесту, а её, хотя они были на одинаковом расстоянии друг от друга. Он закрыл её собой, то есть собирался отдать свою жизнь за её жизнь, и если после этого кто-нибудь собирается продолжать сомневаться в

том, что она ему безразлична, то он полный дурак. Либерти умела ценить любовь и хотела быть кому-то нужной, и теперь имея такие доказательства она не собиралась сидеть сложа руки.

12

Где-то в три часа ночи Альтаири наконец отстрелялся от последних особо бойких гостей и уже проводил Атенаис до её покоев, потом пошел провожать Либерти.

– Так ты еще не передумала насчет драконов?

– Нет. Это дело чести, тем более я хорошо подготовилась, одним словом, здесь большого ума не надо.

– Нужен хотя бы небольшой, а у тебя ни того, ни другого.

– Ах, Альтаир ты сегодня так героически поступил, что я на тебя даже обиться не могу – проворковала Либерти, и Альтаир немного оттаял.

– Нет, что это Голден удумал, ну я завтра ему устрою.

– Альтаир, а почему ты бросился спасать меня, а не Атенаис? – внезапно спросила Либерти.

Альтаир сбился с шага и чуть не врезался в стену.

– Ты ближе стояла.

– Нет.

– А мне показалось, что ближе.

– Да хоть на голове у тебя сидела. Атенаис – твоя невеста, а я всего лишь друг – сказала Либерти с удовольствием наблюдая как меняются цвета на лице Альтаира – от ярко-красного до нежно-зеленого, значит она ему точно нравится, как же всё-таки хорошо жить.

– Я не знаю – промямлил загнанный в угол Альтаир.

– Зато знаю я – Либерти поманила Альтаира пальчиком, а когда он подошел поближе и наклонился, то она его поцеловала.

Целых три секунды блаженства, а потом Либерти кто-то схватил за волосы и оттащил от Альтаира прочь. Шипя как разъяренная кошка, Атенаис, а это была именно она, пыталась расцарапать опешившей Либерти лицо, но та ловко уклонялась, не желая бить несчастную девушку.

– Разлучница, дрянь безродная, плебейка!!!

– Атенаис, успокойся – Альтаир хотел было вмешаться, но тут же получил пощечину.

– Я тебе сейчас покажу, как чужих женихов отбивать! Дерись, или духу не хватает?

Либерти усмехнулась.

– Извини, Атенаис, но я не хочу устраивать здесь избиение младенцев.

– Мы еще посмотрим кто кого – Атенаис неуклюже попыталась метнуть в Либерти молнию, та её отбила без малейшего усилия.

Но Атенаис не сдавалась, она упорно лезла в драку, и в конце концов Либерти это утомило, и она одним быстрым движением подсекла соперницу, а потом не позволила ей встать, придавив коленом.

– Прежде чем позорить себя, Атенаис, надо было подумать, а нужен ли тебе такой жених, который изменяет тебе за несколько дней до свадьбы?

Атенаис уже всюду рыдала от обиды и злости.

– Это ты во всём виновата!

– Я не собираюсь оправдываться, Атенаис, сейчас я тебя отпущу, и ты спокойно поговоришь с Альтаиром. Но если попытаешься меня ударить, я тебя отлуплю, как сидорову козу.

Девушки встали с пола и разошлись. Либерти магии вызвала из своей комнаты походные вещи, а потом сказала:

– Я ухажу за драконами, а вы за это время всё обсудите без лишних внешних раздражителей.

– Ты его не получишь, мерзавка! Он любит меня!

– Предоставим право выбора Альтаиру – Либерти просто нечеловеческим усилием не позволила себе опуститься до примитивной бабской склоки, а ведь как хотелось – всё, я вас оставляю – и она исчезла.

Любовь начинается с доверия, она держится на нем и умирает без него. Либерти доверяла Альтаиру полностью, она знала, он её не предаст, никогда в жизни, и эта была первая ступень в начале их общего пути. Так зачем же она ушла за драконами? Всё-таки ей было немного жаль Атенаис, и она не хотела доставлять ей еще больше страданий маяча на периферии, это было небольшое одолжение для проигравшей стороны. А в том, что Альтаир выберет её, Либерти ничуть не сомневалась точно так же как в том, что завтра будет завтра.

Воодушевившись новыми чувствами Либерти без страха и какого-либо четкого плана телепортировалась в мир Колдруз. Прошла уже знакомым путем по лесным дебрям, а потом, дождавшись темноты, стала подбираться к горе. Раньше бы её удивило то с какой легкостью ей удалось пробраться в пещеру, но теперь половину её мозга занимали типичные женские заморочки, например, о том, какое платье выгоднее подчеркивает её красоту перед Альтаиром – зеленое с рукавами или черное на бретельках?

Удостоверившись, что дракона в пещере нет, Либерти кинулась к кладке с тремя большими черными яйцами.

– Идите к мамочке! – чуть ли не со слезами восторга на глазах Либерти принялась перелезть через край.

Тут в пещере раздалось вежливое покашливание – Либерти резко развернулась, и тут же получила кулаком в лицо, и этот удар вышиб из неё сознание в мгновение ока.

Либерти пришла в себя после того, как на неё вылили целое ведро воды, надо же, не пожалели. У неё были связаны руки и ноги, рот заткнут кляпом, что сразу исключало шансы на спасение, ибо мыслеречью для исполнения заклятий она не владела. Вокруг Либерти стояла толпа храмовников, впрочем, ни у кого из них оружие обнажено не было и Либерти воспряла духом, этому немало способствовало и отсутствие в поле видимости палачей с их стандартным пыточным набором.

– В прошлый раз тебе удалось уйти – заговорил тут один храмовник, тот, который сломал Либерти жезл – но ты имела глупость вернуться, одна, так что не взыщи. Ты будешь сожжена в огне дракона, того, чье яйцо тебе так и не удалось украсть. Он вернется с минуты на минуту, ты пока можешь помолиться.

Либерти вдруг с ужасающей отчетливостью поняла, что сейчас умрет, быстро и навсегда, даже пепла не останется. Бедная, бедная её мамочка, ну почему мы не слушаем наших родителей? И ведь совершенно некому ей помочь – Кельт строит свою школу, Эль готовится к родам, а Альтаир – тут сердце Либерти словно сжала холодная рука – так и будет безнадежно ждать её возвращения. Да что же это такое, почему она должна умирать, когда впервые в жизни у неё по-

явилась причина, чтобы больше никуда не уходить.

Её невеселые думы прервало появление хозяина пещеры – дракон влез в пещеру и устался на Либерти вполне осмысленным взором, это существо было разумным, но толку то, пусть он хоть стихи пишет, а помилование не жди, ведь даже примитивные создания заботятся о своих детях, а что уж говорить о вершине магической эволюции – драконах.

Это конец – подумала Либерти, и тут же на ее пальце загорелось кольцо, подарок Альтаира на её день рождения. Резкая вспышка и в пещере неизвестно откуда появился сам Альтаир в полном боевом облачении.

Альтаир всегда был умным и находчивым парнем, и эти качества помогли ему стать правителем целого мира. Там, где нельзя было действовать напрямик лучше всего помогала хитрость, так что, зная, что Либерти не потерпит любых форм опеки, он подарил ей кольцо, а о его магических начинках предпочел умолчать. Это кольцо позволяло ему определять грозит ли Либерти опасность и в самых экстренных ситуациях вычисляло её местонахождение с точностью до сантиметра. И до этого момента все было спокойно, но едва раздался тревожный сигнал, то Альтаир, не раздумывая, бросился в омут с головой, вызвав очередную волну недовольства со стороны Голдена и иже с ними. Но Альтаиру это было неважно – стоило ему только увидеть Либерти, эту девушку, которая перегрызет горло любому, в столь беззащитном

состоянии и у него словно крылья выросли, и всё остальное стало неважным.

Но всё же геройство плохо сказывается даже на лучших умах – Альтаир кинул Либерти нож, тот описал дугу и воткнулся в пол прямо у неё перед носом – все присутствующие, включая дракона, выпучились на него в немом изумлении, ибо Либерти была связана по рукам и ногам. Поняв свою ошибку, Альтаир смутился, но тут же взял себя в руки, так как заметил, что храмовники отступают к выходу, а дракон открыл пасть, чтобы дыхнуть огнем. Припомнив всё, чему его учил Голден, Альтаир выдал поистине великолепное заклятье, причем мысленно – все храмовники словно приклеились к полу и не могли и шагу сделать. Дракон тоже оказался в ловушке, так как теснота пещеры не давала ему напасть на незнакомцев, тем более половина храмовником застыло у него под ногами, и он боялся их раздавить, а об огненном дыхании вообще можно забыть. Пользуясь временным затишьем, Альтаир быстро перерезал веревки на Либерти.

– Где твои вещи?

– У этих.

– Ясно. Уходим без них.

– Подожди, нужно взять яйцо.

– С ума сошла? Мое заклятье долго не продержится.

– Я на секундочку – и Либерти рванула к кладке, перегнулась через край ихватила одно яйцо. Оно было тяжелым,

и она не могла выбраться обратно, не выпустив его из рук –
Альтаир, помоги!

Альтаир схватил Либерти за дергающиеся ноги и потянул
и тут у дракона не выдержали нервы – он с рёвом кинулся к
гнезду, сметая и круша всё на своем пути. Альтаир больше не
мог медлить, он быстро прочитал заклятье «Переход» и они
с Либерти перенеслись в Мериаль.

– Я так зол на тебя, Либерти, что у меня просто нет слов, одни слюни – Альтаир строго посмотрел на Либерти, которая вовсе не выглядела раскаявшейся.

– Не волнуйся, Голден выскажется за вас обоих – Либерти развалилась в кресле в Заде Советов, они ожидали всех магов, которые назначили им здесь встречу.

– Надеюсь.

Голден и компании не заставили себя ждать, все почтенные старцы прямо с порога принялись орать и вопить, призывая на голову Либерти все мыслимые и немыслимые кары, Альтаиру тоже досталось, хотя и в более мягкой форме, всё-таки он был государем.

– Ты, Либерти, сущее наказание, страшнее чумы, ты вечно попадаешь в дурацкие и опасные истории, и тянешь за собой нашего государя. Ты испортила отношение с древнейшим родом нашего мира, бедная Атенаис, она так плакала. Стоит тебе появиться, как во всём замке начинается переполох! – Голден изрекал одно обвинение за другим даже не напрягаясь, он долго копил претензии и вот его прорвало, тем более, что Альтаир в этот раз не защищал Либерти.

Либерит же была смертельно обижена на весь свет в целом и на Альтаира в частности. Она уже сто раз извинилась за свою выходку с драконами, но он тоже хорош – подарил

кольцо с подвохом, и вообще, ему только волю дай, и он ей мигом ошейник с цепью прикупит. И нет, чтобы вступить-ся за неё перед этими зарвавшимися старикашками, которые ей уже всю плешь проели – долбят и долбят. Боже мой, а она еще хотела провести с этим человеком всю оставшуюся жизнь, как же она ошибалась в нём. Просто нет сил и терпения продолжать эту пытку, но если уходить, то с музыкой.

– Рты закройте, немезиды недобитые – грубо оборвала Либерти почтенных магов на полуслове – я принесла вам ваш заказ – и она достала из-под кресла мешок и осторожно поставила его на стол, развязала и вытащила оттуда драконье яйцо.

У Голдена перехватило дыхание, а один из магов не выдержал и упал в обморок, еще бы, ведь не всем везет увидеть мечту всей своей жизни так сказать в натуре. Первый шок сменился ужасом – после всего, что они здесь наговорили, эта девчонка им его не отдаст, как пить дать не отдаст.

– Не стоит так нервничать – Либерти злорадно улыбнулась и сделала вид, что роняет яйцо на пол – еще один маг грохнулся в обморок, а у другого случился припадок истерического кашля – ой, чуть не упало, какая я неловкая.

– Либерти, довольно – это Альтаир наконец соизволил подать голос.

Либерти метнула на него гневный взгляд, а потом сказала: – И впрямь довольно, я ухожу, и больше никогда ноги моей не будет в этом проклятом мирке, видеть вас всех не могу.

Забирайте яйцо, а в счет оплаты я возьму ваш жезл, Голден, между прочим, я всегда считала вас тупым бараном. Можете теперь говорить всё, что хотите, мне и дела нет. А ты – Либерти еще раз посмотрела на Альтаира и в её глазах блеснули слёзы – ты самая большая ошибка в моей жизни – и после этих слов она исчезла.

Вернувшись на Землю, Либерти с головой погрузилась в обычную жизнь. О своих приключениях она рассказывала подробно и с юмором, единственное, о чем она умолчала, так это об их отношениях с Альтаиром. Переживать и плакать Либерти могла только ночью, закрывшись одеялом с головой, чтобы никто не слышал. Днём было легче, так как почти всё время она проводила у Веспер, которую положили в больницу, так как последние месяцы её беременности проходили не очень гладко. Как назло, Эля вызвали на новые раскопки, отца Веспер на военные учения, Клинтвуда на семинар, дома остались Элоиза, мама Веспер и Герта, которые целыми днями что-то вязали и шили для малыша. Все стрессовые переговоры с врачами они переложили на Либерти, справедливо рассудив, что ей в её возрасте инфаркт пока не грозит. Либерти прилежно бегала по врачам, хотя в медицине смыслила столько же, как слон в квантовой физике, и нередко её можно было увидеть слушающей врача с очень умным лицом, а это значило, что она тупит по-страшному.

И вот, наконец наступил долгожданный день, Веспер увез-

ли рожать, а в холле перед дверью родильного отделения стали собираться все родственники и друзья. Либерти была в больнице с утра, Эль примчался в рекордные сроки на частном самолёте и едва услышав первый крик обожаемой жены тут же упал в обморок, следом за ним прикатил мистер Линд на танке, он всё порывался зайти к дочери и отлупить всех врачей, так как они, по его мнению, ничего не делали, чтобы облегчить ей боль, но подоспевшие Элоиза и Герта его удержали. Последними явились Клинтвуд и Альтаир, которые встретились по чистой случайности – Клинтвуд только что вернулся домой, как тут ему позвонила Либерти, и только он положил рубку, как в доме материализовался Альтаир.

Роды были тяжелыми, а врачи по каким-то своим причинам не кололи Веспер обезболивающие, бедная девушка кричала не переставая. Эль, едва придя в себя, тут же опять отключался, заботливая Либерти перетасила его с пола на диванчик и села рядом, чтобы не дать ему сползти обратно. Все были в жутком напряге, и вот, когда из-за закрытой двери раздался плач младенца, все присутствующие дружно вздохнули с облегчением.

15

Либерти удалось дорваться до Веспер и малыша только на следующее утро, старшее поколение отсыпалось дома, Альтаир улетел к себе, а Эль пошел перекусить в кафе на первом этаже.

– Хочешь поддержать малыша? – спросила Веспер, которой сына принесли для кормления.

– Знаешь, я как-то с младенцами не очень – Либерти просто в жар бросило от сознания, что она может навредить этой крохе.

– Не бойся, смотри, как это делается – одну руку сюда, другую сюда.

Либерти с превеликой осторожностью взяла ребенка на руки и прижала к себе – какой легкий, теплый и мягкий. Внезапно ей тоже захотелось вот такую же кроху, которую любишь только потому, что она у тебя есть. Неужели ей не дано испытать этого счастья? Ведь они с Альтаиром расстались, а никто другой ей не нужен. И что теперь – опять пустится в путь и вечно быть одной? Она всегда шла за своими мечтами, переступая через все границы, теряя и находя, дышала полной грудью, захлёбываясь от полной свободы. Но может настала пора остановиться?

Либерти и сама не заметила, что плачет.

– Что с тобой? – спросила Веспер.

– Это пустяки – Либерти улыбнулась сквозь слёзы – я пойду, мне нужно кое-что сделать.

На пороге она столкнулась с Элем.

– Ты самый счастливый человек на земле – сказала она ему.

– Я знаю – Эль весь просто светился изнутри – и этот здорово.

Либерти вернулась домой, взяла жезл и телепортировалась в Мериаль. Она нашла Альтаира в Зале Советов, он как обычно сидел над бумагами. Не говоря ни слова, она обняла его.

– Либерти, что с тобой? Что-то случилось на Земле? – обеспокоенно спрашивал Альтаир.

– Нет, я просто очень по тебе соскучилась.

Альтаир успокоился и улыбнулся.

– Я тоже, прости меня за то, что я вечно на тебя кричу. Я всё старюсь сделать из тебя своё подобие, а ты сопротивляешься, причем весьма успешно. Продолжай в том же духе. Ты такая какая есть, и я полюбил тебя именно такой – веселой, неунывающей и очень-очень глупой.

– Эй, я не глупая, так, слегка недоразвитая.

– Либерти, ты теперь останешься со мной?

– Да. И позволь мне стать твоей государыней.

– Позволяю с огромным удовольствием.

– Премного благодарна.

Внезапно Альтаир помрачнел.

– А как же твоя свобода, Либерти? Разве ты сможешь без неё жить?

Либерти задумалась, но только на мгновение.

– Когда ты рядом, Альтаир, свобода мне не нужна. Мне больше не от чего бежать.

– Это самые прекрасные слова, которые я слышал за всю свою жизнь. Нам надо поскорее пожениться, пока ты не одумалась. Твои в курсе?

– Нет, но это не проблема. Вызовем их сюда прямо на свадебную церемонию, вот они удивятся, особенно родители Веспер.

– Но тебе нужны будут помощники.

– Я возьму только Лилию, она спец по устройству банкетов.

– Как пожелаешь. Я сейчас сбегая за кольцом и сделаю тебе официальное предложение, потом нужно оповестить всех придворных.

– Можно о нашей свадьбе я скажу Голдену лично?

– Только в моём присутствии и с фотоаппаратом, это будет кадр века – и Альтаир умчался за кольцом.

Либерти села на его место и сняла с шеи шнурок, чтобы добавить туда кольцо, которое Альтаир подарил ей на день рождения. Вот она – вся её жизнь – доброта, любовь, смерть, отчаяние, горе и надежда, как говорится, что человек пережил у него уже не отнять. Либерти посмотрела на руку – скоро здесь будет новое кольцо и новую главу своей жизни она

напишет уже вместе с Альтаиром. И она очень постарается, чтобы это кольцо ей снимать не пришлось никогда.

Конец